Пров. 1859

„Пров 38“

КАРЛЪ РОДБЕРТУСЪ-ЯГЕЦОВЪ И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

„Ich komme spater auf diese Schrift („Dritter Brief an Kirchmann von Rodbertus“, 1851) zuruck, die, trotz ihrer falschen Theorie von der Grundrente *das Wesen* der kapitalistischen Production durchschaut“.

D. K.

Судьба произведеній иного талантливаго автора напоминаетъ судьбу хорошаго вина: чтобы войти во вкусъ потребляющей ихъ публики, чтобы произвести на цѣнителей соотвѣтствующее впечатлѣніе, имъ необходимо предварительно состарѣться, т.-е. продержаться нѣкоторое время подъ спудомъ, отстояться, отлежаться. Особенно яркій и вразумительный примѣръ указанной аналогіи представляютъ намъ труды нѣмецкаго писателя Родбертуса въ области теоріи общественной экономіи. Первый изъ нихъ, въ высшей степени замѣчательный какъ по оригинальной постановкѣ многихъ экономическихъ вопросовъ, такъ и по глубинѣ и силѣ критическаго анализа, вышелъ въ свѣтъ еще въ 1842 году, второй, заключающій въ себѣ распространеніе и развитіе первоначальныхъ мыслей автора,—былъ публикованъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Но ни то, ни другое изъ упомянутыхъ изслѣдованій не только не пріобрѣли себѣ вполнѣ за-

служенной извѣстности до самаго послѣдняго времени, но даже не удостоились ни отъ кого сколько-нибудь обстоятельнаго и серьезнаго критическаго разбора. Нужно было умереть Родбертусу, чтобы въ нѣмецкихъ экономическихъ журналахъ стали появляться изолированные сочувственные отзывы о его теоретической дѣятельности и робкія порицанія нѣмецкимъ ученымъ за ихъ почти пренебрежительное отношеніе къ одному изъ первоклассныхъ представителей отечественной экономической науки (Ад Вагнеръ). И въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, и еще въ самомъ сердцѣ цивилизованнаго общества, наталкиваться на тотъ фактъ, что даровитый и самостоятельный ученый, написавшій цѣлый рядъ преисполненныхъ оригинальнаго значенія работъ, только по переходѣ въ лучшій міръ удостоивается отъ своихъ современниковъ слѣдующей, весьма лестной характеристики: „Въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ Родбертусъ обсуждаетъ цѣлый рядъ великихъ теоретическихъ вопросовъ объ основаніяхъ народнаго хозяйства и права и ихъ взаимоотношеніяхъ. Въ этихъ его работахъ, которыми онъ ставитъ себя на ряду съ *наиболѣе выдающимися* экономистами-теоретиками, разсматриваются въ высшей степени оригинально, остроумно, однимъ словомъ, мастерски ... всѣ главныя проблеммы ученія о производствѣ и о распредѣленіи дохода“ [1]). Читатель увидитъ ниже, что это сужденіе нѣмецкаго ученаго о своемъ соотечественникѣ нисколько не преувеличено: именно крупныя теоретическія достоинства трудовъ этого послѣдняго и побуждаютъ насъ изложить въ краткихъ чертахъ ихъ содержаніе на страницахъ „Юридическаго Вѣстника“.

Слѣдующія краткія и немногосложныя данныя, относящіяся къ біографіи Родбертуса, мы заимствуемъ изъ

---

1) Ad. Wagner, „Einiges von und über Rodbertus“, Tübinger Zeitschrift 1878 г., Heft 1.

очерка, принадлежащаго перу близкаго знакомаго нашего автора,—Карла Грюна,—напечатаннаго въ „Allgemeine Zeitung“ отъ 16 февраля 1876 г., Beilage. Іоганнъ Карлъ Родбертусъ родился 12 августа 1805 года въ Грейсвальдѣ, въ тогдашней Помераніи. Отецъ его былъ тутъ профессоромъ римскаго права и шведскимъ совѣтникомъ юстиціи. Въ интересахъ сына отецъ-Родбертусъ въ 1809 году оставилъ свою должность и переѣхалъ жить въ Мезеритъ, въ Мекленбургъ-Стрелицѣ, большое наслѣдственное имѣніе своей жены, которымъ съ этого времени сталъ завѣдывать лично. Карлъ получилъ свое гимназическое образованіе въ мекленбургскомъ Фридлэндѣ, потомъ изучалъ право съ 1823 по 1825 годъ въ Геттингенѣ, а съ 1825 по 26 г. въ Берлинѣ. Зимою 1826—1827 года онъ выдержалъ свое первое юридическое испытаніе и поступилъ на службу въ тогдашній земско-городской судъ въ Альтъ-Бранденбургѣ. Осенью 1828 года онъ сдалъ свой второй экзаменъ и въ началѣ 1830 г. получилъ назначеніе на правительственную должность въ Оппельнѣ. Тутъ произошелъ съ нимъ переворотъ. Отложивъ въ сторону право, онъ сталъ посвящать всѣ свои досуги изученію политической экономіи. Революціонная буря 1830 года въ Парижѣ произвела на него, какъ и на многихъ его ровесниковъ, потрясающее дѣйствіе, а когда вспыхнулъ пожаръ въ Польшѣ, то, будучи не въ силахъ справиться съ массою новыхъ впечатлѣній, онъ взялъ отпускъ и ... отправился путешествовать для изученія людей и вещей. По возвращеніи изъ путешествія онъ подалъ въ отставку, и, проживая то въ Дрезденѣ, то въ Гейдельбергѣ, съ величайшею ревностью предался изученію исторіи философіи и политической экономіи. Впослѣдствіи Родбертусъ предпринялъ новое большое путешествіе, въ теченіи котораго онъ посѣтилъ Швейцарію, Францію и Голландію, повсюду отдавая свои силы тщательному и многостороннему наблюденію надъ культурою и обществомъ. Во время этого путешествія,

изъ котораго онъ возвратился въ 1834 году, онъ усвоилъ себѣ чисто-свѣтскую политуру, которая впослѣдствіи сдѣлала его пригоднымъ къ отправленію карьеры государственнаго человѣка и дипломата. Сначала онъ получилъ материнское имѣніе Мезеритцъ, но уже въ слѣдующемъ году пріобрѣлъ имѣніе Ягецовъ, въ Деминскомъ округѣ Помераніи, куда и переселился въ 1836 году. Съ этихъ поръ сельское хозяйство, практическое и теоретическое, сдѣлалось его паролемъ. Все его экономическое мышленіе шло отъ почвы и отъ поземельной ренты. Вся предлагаемая имъ реформа шла отъ идеи покупки ренты.

Въ 1841 году онъ былъ избранъ въ Деминскомъ округѣ въ депутаты отъ округа и земства и въ этомъ санѣ произведенъ въ члены коммиссіи, имѣвшей назначеніемъ выработать новыя начала обложенія земли и составить проэктъ новаго регулированія земледѣлія для всей провинціи Помераніи. Работы въ этой коммиссіи открыли ему широкое практическое поприще для ближайшаго изученія любимаго его предмета—земледѣльческой экономіи и статистики. Въ февралѣ 1848 года онъ является членомъ коммиссіи для составленія проэкта избирательнаго закона во второмъ соединенномъ ландтагѣ въ Берлинѣ. Тутъ онъ становится защитникомъ преемственности и непрерывности права, чѣмъ вызываетъ тогда уже неудовольствіе въ рядахъ партіи дѣйствія. Цѣлью его стремленій было дѣйствительное соединеніе различныхъ партій, но моментъ для этого былъ выбранъ болѣе чѣмъ неудачный. Въ маѣ 1848 года послѣдовали выборы въ новое учредительное собраніе и Родбертусъ былъ посланъ въ Берлинъ отъ округа Узедомъ-Воллинъ. Онъ немедленно сталъ стремиться къ образованію партіи реформы, которая содержала бы въ себѣ способное къ управленію министерство. Таковъ былъ смыслъ „лѣваго центра“, „партіи всѣхъ талантовъ“, прогрессивной сравнительно съ средними партіями, державшейся уклончивой политики

относительно лѣвой стороны, оказывающей постоянное примирительное дѣйствіе, но въ бурные моменты голосующей съ правой стороной. При образованіи кабинета Ауерсвальдъ-Ганземаннъ (25 іюня 1848 г.), Родбертусъ принялъ на себя министерство исповѣданій и народнаго просвѣщенія Тутъ лопнула окончательно первая его иллюзія. На дѣлѣ не было и рѣчи о германскомъ и о прусскомъ государственномъ правѣ, о которомъ мечталъ Родбертусъ. Но, оставаясь министромъ всего 14 дней, Родбертусъ до послѣдней минуты разсчитывалъ на поворотъ въ конституціонномъ духѣ. Въ той же надеждѣ онъ принималъ участіе въ отказѣ отъ уплаты податей Въ слѣдующемъ, 1849 году, Родбертусъ былъ избранъ три раза, въ первую палату—въ одномъ трирскомъ округѣ, и дважды во вторую—въ Берлинѣ. 13 апрѣля онъ внесъ предложеніе о принятіи франкфуртской имперской конституціи, которая 21 апрѣля пріобрѣла большинство 27 апрѣля послѣдовало распущеніе второй палаты, послѣ того, какъ было проведено предложеніе Унру о снятіи съ Берлина осаднаго положенія. Почва права подъ Родбертусомъ начала колебаться. Родбертусъ стоялъ за воздержаніе демократической партіи, къ которой причислялъ и себя: онъ думалъ этимъ тактическимъ отступленіемъ взорвать союзъ конституціонной партіи съ рѣшительной реакціей. Позже онъ отклонилъ кандидатуру, предложенную ему изъ Бреславля. Отказавшись отъ политики, онъ съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ предался занятіямъ соціальною наукою и къ этому именно времени относится его второе теоретическое сочиненіе, „Sociale Briefe an Kirchmann (Drei Briefe)“, такъ и оставшееся незаконченнымъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ отказался отъ предложенія Лассаля принять участіе въ практической агитаціи среди рабочаго класса, несмотря на свои теоретическія симпатіи къ послѣднему. Онъ продолжалъ держаться въ этомъ отношеніи одной только чисто-экономической почвы, отклоняя по-

литическую сторону дѣла. Въ брошюрѣ, изданной по соціальному вопросу въ 1871 году (Ueber den Normalarbeitstag), онъ высказывается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: „Нѣтъ! соціальный вопросъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ рѣшенъ на улицѣ, при помощи-ли стачки, камней изъ мостовой, или даже петроля. Пока дѣло шло о простой отмѣнѣ извѣстнаго порядка отношеній, до тѣхъ поръ могло быть достаточно выхваченныхъ въ эпоху борьбы декретовъ. Но тогда только сооружалась колыбель соціальнаго вопроса. Теперь вопросъ этотъ самъ на лицо, онъ переросъ уже черезъ нашу голову, и отмѣнять. чтобы привести его къ рѣшенію, не остается ничего болѣе. Въ настоящее время все дѣло состоитъ въ организаціи, въ созиданіи". Въ моментъ такъ-называемаго конфликта между прусскимъ правительствомъ и палатою, Родбертусъ стоялъ на сторонѣ реорганизаціи арміи, вообще же онъ всего болѣе отстаивалъ интересы бѣдной деньгами деревенской nobility и gentry, въ защиту которыхъ написалъ цѣлый рядъ статей. Послѣ войны съ Австріею, послѣ проведенія Бисмаркомъ всеобщаго избирательнаго права, онъ разорвалъ связи съ прежними товарищами по партіи и объявилъ всякую дальнѣйшую оппозицію за измѣну отечеству. Благодаря этому онъ былъ однажды забаллотированъ при выборахъ въ сѣверо-германскій рейхстагъ конфликтомъ консерваторовъ и прогрессистовъ, которые,—каждая партія по своему,—придерживались по этому вопросу иныхъ взглядовъ. За три года до своей смерти Родбертусъ страдалъ уже органическою болѣзнью, отъ которой былъ безуспѣшно посылаемъ лѣчиться въ Италію. Онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ 6 декабря 1875 года, семидесяти лѣтъ отъ роду.

Какъ ни кратка и какъ ни бѣдна фактами внѣшней и внутренней жизни приведенная біографія Родбертуса, но все же она даетъ намъ право сдѣлать заключеніе, что авторъ „Соціальныхъ писемъ" не принад-

лежалъ, въ строгомъ смыслѣ слова, ни къ одной изъ установившихся въ Пруссіи и въ Германіи политическихъ партій, а, напротивъ, находился въ постоянномъ колебаніи между извѣстнымъ родомъ консерватизма, съ одной, и радикализма, съ другой стороны. Онъ отдавался, повидимому, то одному, то другому изъ этихъ направленій, смотря по тому, находился-ли онъ болѣе подъ вліяніемъ внушеній и интересовъ своего личнаго положенія въ обществѣ, или же требованій своей оригинальной теоретической мысли, основу которой составляло глубокое и безпристрастное изученіе современнаго соціальнаго быта. Сознавая въ себѣ это противорѣчіе и ощущая необходимость такъ или иначе примирить его въ себѣ, Родбертусъ доходилъ даже до того страннаго воззрѣнія, что между истиннымъ консерватизмомъ и радикализмомъ существуетъ гораздо больше сходства, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.... Не маловажное вліяніе на этотъ двойственный характеръ политической и ученой дѣятельности Родбертуса, на это нѣсколько странное положеніе нашего автора entre deux chaîses, могла оказывать самая слабость и незаконченность общественно-политической жизни въ Пруссіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ странѣ, съ болѣе ясно и рѣзко обозначенными политическими партіями, вмѣсто того, чтобы сегодня вотировать отказъ въ уплатѣ податей, а завтра объявлять измѣною всякую оппозицію правительству, Родбертусу, волей-неволей, пришлось бы или ограничиться болѣе или менѣе простою и постоянною политическою ролью, или совсѣмъ отречься отъ политики. Независимо отъ этого для правильнаго сужденія о дѣятельности Родбертуса необходимо принять въ разсчетъ еще одно важное обстоятельство Совпаденіе въ одной и той же личности одинаково выдающихся теоретическихъ и практическихъ способностей вообще представляетъ въ высшей степени рѣдкое явленіе. Правда, хорошіе теоретики очень часто бываютъ склонны во-

ображать себя въ то же время не менѣе хорошими практиками, но дѣйствительность, бо̀льшею частью, очень скоро и безжалостно разбиваетъ подобныя иллюзіи. Въ исторіи не трудно указать на цѣлый рядъ высокихъ теоретическихъ умовъ, практическая дѣятельность которыхъ оказывалась вполнѣ несостоятельной. Все, только что сказанное, въ полной мѣрѣ примѣняется къ Родбертусу. Нашъ авторъ былъ слишкомъ кабинетный ученый, чтобы явиться умѣлымъ и вполнѣ послѣдовательнымъ политическимъ дѣятелемъ, онъ былъ слишкомъ глубокій и самостоятельный мыслитель, чтобы пассивно и безъ критики подчиниться готовымъ догматамъ и рубрикамъ той или другой установившейся политической партіи. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ обсужденія и вниманія не политическая, а учено литературная дѣятельность Родбертуса, въ которой нашли свое наиболѣе полное примѣненіе его замѣчательныя способности.

Выясненіе внутренней зависимости между экономическимъ строеніемъ современнаго общества, съ одной стороны, и пауперизмомъ и производственными кризисами,—съ другой, одинаково изчерпываетъ содержаніе двухъ главныхъ теоретическихъ изслѣдованій Родбертуса—„Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustaende“ и „Sociale Briefe“ [2]), которыя послужили

---

[2]) Сочиненія, написанныя Родбертусомъ, могутъ быть раздѣлены на три разряда: теоретическія, практическія и историко-экономическія Теоретическія его работы суть: 1) „Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustaende“, 1842, 2) „Sociale Briefe an Kirchmann. Drei Briefe“, изъ которыхъ второе и третье письма напечатаны вторымъ изданіемъ въ 1875 году подъ заглавіемъ „Zur Beleuchtung der Socialen Frage“. 3) „Der Normalarbeitstag“, 1871 и 4) „Offener Brief an das Comité des deutschen Arbeitervereins“, 1863. Практическія сочиненія Родбертуса носятъ слѣдующія заглавія. 1) „Die preussische Geldkrisis“. 1845. 2) Die Handelskrisen und die Hypothekennoth der Grundbesitzer, 1858, 3) Zur Erklarung und Abhilfe der heutigen Kreditnoth des Grundbesitzes“, 1869, 2 Bande. Историко-экономическіе труды Родбертуса, помѣщенные въ „Iahrbucher f National-Oekonomie u. Sta-

основнымъ матеріаломъ при составленіи настоящей статьи. Задача эта неотступно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе автора на протяженіи всей его жизни и все-таки, по собственному его сознанію, не приводится имъ къ надлежащему концу. Самъ Родбертусъ пишетъ Вагнеру 2 іюля 1872 года (см. уже упомянутую выше статью Вагнера „Einiges von und über Rodbertus)“: „Вы найдете, что съ самаго 1842 года, когда я напечаталъ первое объемистое сочиненіе, я неизбѣжно преслѣдую одну и ту же мысль ... и что другіе, напр., Марксъ, натолкнулись на многое такое, что я публиковалъ раньше“. Мысль эта, будучи выражена въ наиболѣе конкретной своей формѣ, заключается въ слѣдующемъ: „Если торговыя отношенія предоставляются въ отношеніи къ распредѣленію національнаго продукта самимъ себѣ, то извѣстныя отношенія, связанныя съ общественнымъ развитіемъ, производятъ то, что, по мѣрѣ увеличенія производительности общественнаго труда, заработная плата рабочихъ классовъ составляетъ все меньшую и меньшую долю національнаго продукта; это обстоятельство обусловливаетъ собою два величайшіе тормаза равномѣрнаго прогресса: производственные кризисы и пауперизмъ“. Съ этимъ положеніемъ Родбертусъ вступаетъ на свое учено-ли-

---

tistik“, изчерпываются слѣдующими статьями: 1) „Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Oekonomie des klassischen Alterthums“ I. „Zur Geschichte der agrarischen Entwickelung Rom's unter den Kaisern, oder Adscriptitier, Inquilinen und Colonen. Bd. II (1864), S. 206—268“; 2) „Untersuchungen über und zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus“. B. IV (1865) S. 341—457, B V, (1865) S 135—171 и 241—305, B VIII, (1867), S. 81—126 и 385—475, 3) „Zur Frage des Sachwerthes des Geldes im Alterthum“, B. XIV, (1870) S. 341—420 и B. XV, (1870), S. 182 — 234, 4) „Was waren Mediastini? Und woher der Name“? B. XX, (1873), S. 241—273; 5) „Bedenken gegen den von den Topographen Rom's angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer“. B XXIII, (1874), S. 1—53 (не окончено). Таковы болѣе или менѣе извѣстныя сочиненія Родбертуса: собрать всѣ труды его въ одно цѣлое представляетъ дѣло будущаго.

тературное поприще, съ нимъ онъ не разстается и сходя съ послѣдняго. Такъ, напримѣръ, еще въ первой своей теоретической брошюрѣ Родбертусъ говоритъ (28). „Главною цѣлью моихъ изслѣдованій будетъ способствовать увеличенію доли участія рабочихъ классовъ въ національномъ доходѣ и притомъ на солидной основѣ, находящейся въ зависимости отъ измѣненій въ системѣ торговли. Предметомъ моихъ стремленій служитъ то, чтобы и этотъ классъ также принялъ участіе въ результатахъ производительности труда, и чтобы былъ отмѣненъ законъ, на основаніи котораго, какъ бы ни возрастала производительность труда, рабочій классъ постоянно, все снова и снова, отбрасывается на низкій уровень заработной платы. Уровень этотъ не превосходитъ необходимыхъ потребностей рабочаго; онъ исключаетъ рабочій классъ изъ благодѣяній образованія нашей эпохи, такъ какъ это послѣднее должно было бы устранить служебное и подчиненное положеніе рабочихъ, которое именно и задерживаетъ его собою; онъ представляетъ самое вопіющее противорѣчіе съ нынѣшнимъ юридическимъ положеніемъ рабочихъ,—ихъ формальнымъ равенствомъ съ другими сословіями, провозглашеннымъ нашими важными учрежденіями. Обезпеченіемъ въ пользу рабочихъ болѣе значительной доли національнаго дохода я стремлюсь положить конецъ дѣйствію страшныхъ промышленныхъ кризисовъ, которые происходятъ не отъ того, что недостатокъ покупной силы представляетъ собою недостатокъ производительной силы (Сэй и Рикардо), не отъ того, что производительная сила можетъ сама по себѣ превзойти покупную силу (Мальтусъ и Сисмонди), а попросту отъ диспропорціи между покупной и производительной силой, отъ того, что покупная сила остается позади производительной силы, ибо участіе въ результатахъ послѣдней не регулировано, какъ слѣдуетъ". Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается нашъ авторъ относительно своихъ буду-

щихъ плановъ въ предисловіи ко второму и послѣд нему изданію своихъ „Соціальныхъ писемъ“: „Мнѣ предстоитъ еще разсмотрѣть современемъ логическую сущность основныхъ національно-экономическихъ понятій, въ ихъ различныхъ послѣдовательныхъ формахъ историческаго развитія, и вообще строго подраздѣлить логическія и историческія категоріи именно относительно капитала, чтобы потомъ вывести отсюда научныя и практическія послѣдствія для отвращенія двухъ страшныхъ бичей, которыми замахнулся соціальный вопросъ надъ обществомъ: — пауперизма и производственныхъ кризисовъ“... Къ сожалѣнію, Родбертусъ не успѣлъ привести въ исполненіе только-что высказаннаго намѣренія, такъ что мы лишаемся возможности судить о томъ, въ какой мѣрѣ его практическія предложенія подкрѣпляютъ его теоретическую аргументанцію. Правда, по словамъ проф. Вагнера, въ бумагахъ Родбертуса нашлось продолженіе его „Соціальныхъ писемъ“, но въ такомъ хаотическомъ состояніи, что придется не мало поработать надъ нимъ прежде, чѣмъ рѣшиться предавать его тисненію.

Само собою разумѣется, что, приступая къ постановкѣ и рѣшенію столь сложной и запутанной задачи, охватывающей ни болѣе, ни менѣе, какъ всю общественную экономію, Родбертусъ долженъ былъ отдать себѣ отчетъ, удовлетворяютъ-ли своему назначенію установившіяся въ наукѣ политической экономіи методологическія воззрѣнія, и если да, то въ какой степени? Въ письмѣ къ профессору Вагнеру отъ 31 мая 1875 года нашъ авторъ дѣлаетъ на этотъ счетъ слѣдующія характеристическія замѣчанія, находящіяся въ тѣсной связи съ общимъ направленіемъ его экономическаго мышленія, какъ оно будетъ изображено впослѣдствіи: „Если-бы я сталъ писать систему національной экономіи, то я принялъ бы за исходный пунктъ то положеніе, что внѣ государства или международнаго соединенія государствъ не существуетъ никакой націо-

нальной (т.-е. общественной) экономіи Соціальный организмъ, представляемый государствомъ, — примыкая къ природѣ своихъ атомовъ — индивидуальныхъ организмовъ, которые являются не единичнымъ, а тройственнымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ ума, воли и матеріальной силы, — оказывается тройственнымъ соединеніемъ языка и науки, нравственности и права, раздѣленія труда и національнаго хозяйства.... Въ каждой изъ этихъ жизненныхъ сферъ душою жизни является общеніе. То же происходитъ и въ національной (общественной) экономіи. Всѣ національно-экономическія понятія пропитаны идеею общенія, ибо всѣ они исходятъ отъ единства соціальнаго организма, а не отъ атомовъ его, не отъ индивидуальнаго организма. Поэтому въ національной экономіи нужно начинать съ національныхъ потребностей, и отъ нихъ переходить къ индивидуальнымъ, а не наоборотъ. Ибо національная потребность не представляетъ собою аггрегата или суммы потребностей всѣхъ индивидуумовъ, которые составляютъ соціальный организмъ. Національныя потребности имѣли бы совершенно иное содержаніе, если-бы эти индивидуумы не были связаны въ соціальный организмъ. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать относительно понятій производства, продукта, дохода, имущества. Исходными пунктами должны служить національный продуктъ, національное производство и т. д. Даже цѣнность есть такое же общинное понятіе, въ которомъ душа соціальнаго характера, получившая невѣрный покровъ отъ невѣрной систематики индивидуальнаго пониманія народно-хозяйственнаго ученія ... Если соціальная наука этого долго не замѣчаетъ, то единственно потому, что она до понятія общества доходитъ отъ понятія индивидуума, лишь шагъ за шагомъ, отъ частнаго къ общему, между тѣмъ какъ въ естественныхъ наукахъ это дѣлается наоборотъ, — отъ цѣлаго совершается переходъ къ атомамъ. На это существу-

ютъ двѣ причины. *Первая* изъ нихъ состоитъ въ томъ, что явленія природы лежатъ передъ нами въ совершенно замкнутомъ и обособленномъ отъ насъ видѣ, начиная отъ ихъ таинственныхъ источниковъ и кончая ихъ гордою.... верхушкою. Иными словами: творчество готово. Мы же люди, такъ-называемый вѣнецъ творенія, стоимъ на его вершинѣ и обозрѣваемъ всю послѣдовательность его во всей цѣлости и отдѣльные члены въ ихъ цѣлости и единствѣ. Такимъ образомъ въ естествознаніи мы могли созерцать явленія природы съ самаго начала, какъ нѣчто цѣльное, въ ихъ органическихъ группахъ, и извнѣ, и при ихъ изученіи мы пытаемся проникнуть съ своимъ познаніемъ снаружи внутрь. . Напротивъ того историческія явленія, ряды соціальныхъ организмовъ еще не находятся въ замкнутомъ видѣ передъ нами. Историческое творчество еще продолжается.... Только теперь намъ ясно, что мы люди-индивидуумы, атомы соціальнаго организма, но намъ все-таки еще не достаетъ общаго взгляда на цѣпь этихъ соціальныхъ организмовъ. Отсюда противоположность между нашимъ отношеніемъ къ наукѣ о природѣ и къ наукѣ объ обществѣ. Въ соціальныхъ организмахъ, которыхъ атомы представляемъ мы сами, познающіе люди, при пробужденіи и прогрессѣ нашего сознанія, мы ощущаемъ себя прежде всего настроенными индивидуалистически. Такимъ образомъ мы привыкаемъ изучать соціальные организмы прежде всего отъ ихъ атомовъ и притомъ съ тою же достовѣрностью, съ какою мы знаемъ самихъ себя, за индивидуумовъ-людей. Мы изучаемъ, что̀ именно соединяетъ насъ въ одно цѣлое, и находимъ общеніе духа, ведущее къ языку и наукѣ, общеніе воли, ведущее къ праву и нравственности, и общеніе матеріальной силы, служащее основою дѣленія труда и хозяйства.... Напротивъ того въ познаніи къ внѣшнему, ведущемъ къ извѣстному систематическому обзору и къ классификаціи рядовъ его, мы отстаемъ еще значительно и

тутъ-то именно лежитъ объясненіе того, почему мы до сихъ поръ не научились распознавать различные *роды* государствъ ... *Вторая* причина та, что отдѣльные организмы представляются намъ съ самаго начала, какъ нѣчто цѣльное. Наоборотъ соціальные организмы мы наблюдаемъ въ возникновеніи ихъ изъ атомовъ, изъ отдѣльныхъ людей, и это продолжается до нынѣ. Чѣмъ выше ступень развитія, тѣмъ, разумѣется, все болѣе уменьшается этотъ индивидуалистическій характеръ нашего отношенія къ дѣлу. Но при всемъ томъ соціальное воззрѣніе до сихъ поръ таскаетъ его за собою, какъ яичную скорлупу. Такимъ-то образомъ мы до настоящаго времени не могли избавиться отъ индивидуалистичности воззрѣнія, и въ этомъ именно и заключается причина нашей сдержанности и робости, нашего отвращенія къ правильному общинному пониманію соціальной жизни человѣчества. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ индивидуалистическій фокусъ-покусъ въ концѣ концовъ превратится въ ничто, и что только тогда общественная наука сдѣлаетъ самые стремительные успѣхи".

Если оставить въ сторонѣ не вполнѣ умѣстное употребленіе столь шаткой и поверхностной аналогіи, каково сравненіе общества съ индивидуальнымъ организмомъ, то нельзя не согласиться, что предпочтеніе, оказываемое Родбертусомъ соціальному воззрѣнію надъ индивидуалистическимъ, имѣетъ глубокое методологическое значеніе. Отъ прозорливости нашего автора, даже при томъ незначительномъ фактическомъ матеріалѣ, который находился въ его распоряженіи, не ускользнуло то обстоятельство, что экономическіе выводы, добываемые при помощи индивидуалистическаго воззрѣнія, оказываются въ непрерывномъ противорѣчіи не только съ дѣйствительностью, но и между собою. Отводя, съ одной стороны. индивидуалистическому воззрѣнію значеніе пройденной исторической ступени научнаго развитія, а съ другой, противопостав-

ляя ему иное, болѣе современное и правильное—соціальное воззрѣніе, Родбертусъ одною только силою логики угадываетъ, или, вѣрнѣе, предсказываетъ истину, которая, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ по исторіи общинныхъ учрежденій, успѣла уже сдѣлаться установившимся и доказаннымъ историческимъ фактомъ Что новѣйшій индивидуумъ, считающій себя центромъ вселенной, представляетъ въ дѣйствительности не болѣе, не менѣе какъ весьма сложный историческій продуктъ постепеннаго преобразованія и совмѣстнаго существованія цѣлаго ряда коллективныхъ индивидуумовъ, каковы племя, родъ, родовая община, сельская община, городская община, большая семья и малая семья, и слѣдовательно шествуетъ не въ головѣ, а въ хвостѣ общества, это въ настоящее время уже не предположеніе, а объективная истина. Столь же несомнѣннымъ является и тотъ непосредственный выводъ изъ этой истины, что не существованіе индивидуума обусловливаетъ существованіе общества, а, наоборотъ, существованіе общества опредѣляетъ положеніе индивидуума и такимъ образомъ является необходимою исходной точкой при изученіи экономическихъ явленій. Наконецъ не менѣе достовѣрно и то, что новѣйшія историческія изслѣдованія уже въ значительной степени расширили и обѣщаютъ расширить еще болѣе „нашъ взглядъ на *цѣлое* соціальныхъ организмовъ“, или, что одно и то же, различныхъ коллективныхъ личностей, и увеличили объемъ „нашего познанія къ внѣшнему, ведущаго къ извѣстному систематическому обзору и классификаціи его рядовъ“, на недостаточность котораго основательно жалуется Родбертусъ.

Уступчивый и непослѣдовательный, какъ мы видѣли, въ политикѣ, Родбертусъ былъ до-нельзя послѣдователенъ и упоренъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Такъ, онъ сначала радовался учрежденію „Союза для соціальной политики“, ибо послѣдній имѣлъ назначеніемъ оказывать противодѣйствіе ненавистной для

Родбертуса манчестерской партіи экономистовъ и государственныхъ людей, но не захотѣлъ принять въ немъ личнаго участія. При этомъ онъ скоро догадался, что союзъ этотъ далеко не поведетъ, и поставилъ хорошее предсказаніе, которое послѣ соединенія (1877) „профессоровъ-соціалистовъ“ съ „экономическимъ конгрессомъ“ (Freihandel) уже успѣло сбыться. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу Ад. Вагнеру въ письмѣ отъ 20 іюня 1872 года: „Я откровенно сознаюсь вамъ, что не вѣрю, чтобы точка вашего соединенія могла пойти далѣе или должна была бы пойти далѣе, чѣмъ до извѣстнаго совмѣстнаго публичнаго заявленія противъ манчестерства. Въ соціальномъ вопросѣ они не соединятся и не могутъ соединиться, въ самомъ же благопріятномъ случаѣ, чтобы только не разойтись, они должны будутъ создать родъ мозаической программы, въ которую каждый внесъ бы съ своей стороны по камню. Но я полагаю, что это можетъ возбудить значительное сомнѣніе и скорѣе утомитъ общественное вниманіе, нежели придастъ ему напряженіе.... При составленіи же публичной программы по соціальному вопросу, я проспалъ бы обойтись безъ моего участія. Ибо при вашемъ столь хорошемъ обо мнѣ мнѣніи, вы совершенно упускаете изъ виду, какой я злонамѣренный еретикъ въ нашей наукѣ, какая я черная національно-экономическая душа.... Я отбросилъ всѣ другія работы, чтобы потрудиться надъ анализомъ соціальнаго вопроса (это и было обѣщанное продолженіе „Соціальныхъ писемъ“, въ которомъ должна была идти рѣчь главнымъ образомъ о капиталѣ и его категоріяхъ). Судя по этому, многіе сочтутъ меня за высшій сортъ Бебеля, и, пожалуй, вы сами въ концѣ концовъ будете рады, что не очень далеко забрались со мною въ соціальномъ вопросѣ (также сбывшееся впослѣдствіи пророчество) И, несмотря на то, я твердъ, какъ скала, въ томъ убѣжденіи, увѣренъ въ томъ, какъ въ ясности солнца, что я лишь настолько съумѣю удержать свой

милый Ягецовъ, источникъ моей ренты, въ обладаніи моихъ наслѣдниковъ и въ своемъ собственномъ пользованіи, насколько поколѣніе наслѣдниковъ Блейхредера будетъ въ состояніи столь же безпрепятственно накоплять горы собственности на капиталъ". При такомъ взглядѣ на дѣло весьма естественно, что сужденіе его объ эйзенахскомъ союзѣ становилось съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пессимистическимъ. Шестаго ноября 1875 года, т.-е. за мѣсяцъ до своей смерти, онъ писалъ: „Изъ Эйзенаха ничего не выйдетъ, я въ томъ убѣжденъ; не говоря уже объ исцѣленіи соціальнаго вопроса, ромашкой нельзя даже утолить его боли.... Это—стремленія, которыя по отношенію къ жгучему вопросу ни теплы, ни холодны".

I.

Ученіе Родбертуса о причинахъ кризисовъ и пауперизма —Ошибочный методъ экономистовъ.—Планъ изученія экономическихъ явленій, предлагаемый Родбертусомъ.

Родбертусъ настаивалъ на томъ, что ни одна донынѣшняя теорія не разъяснила надлежащимъ образомъ соціальнаго значенія ренты, прибыли и заработной платы и что эти три вѣтви національнаго дохода въ ихъ взаимномъ отношеніи, какъ доли участія въ продуктѣ, едва только обозначены въ наукѣ. Столь же мало разъяснено, по его мнѣнію, своеобразное вліяніе на производство и распредѣленіе землевладѣнія и владѣнія капиталомъ, а между тѣмъ къ причинамъ торговыхъ кризисовъ и пауперизма можно приблизиться не иначе, какъ принимая во вниманіе въ ихъ взаимной связи законы производства и распредѣленія національнаго продукта, находящіеся подъ вліяніемъ собственности на землю и на капиталъ. Поэтому авторъ предлагаетъ другую, новую теорію, относительно которой

утверждаетъ, что она есть не болѣе, какъ послѣдовательное проведеніе начала, введеннаго въ науку Ад. Смитомъ и еще глубже установленнаго школой Рикардо, а именно начала, что всѣ предметы потребленія, съ экономической точки зрѣнія, представляютъ не что иное, какъ продуктъ труда, стоютъ одного только труда. Относительно этого начала еще Краузе справедливо выразился въ томъ смыслѣ, что для соціальной науки оно имѣетъ такое же значеніе, какое представляетъ для жизни открытая Галилеемъ единица быстроты.

Согласно съ этой теоріей пауперизмъ и кризисъ возникаютъ отъ одной и той же причины, иными словами, въ системѣ нынѣшнихъ экономическихъ сношеній оба эти величайшіе тормаза равномѣрнаго и непрерывнаго общественнаго прогресса причиняются однимъ и тѣмъ же обстоятельствомъ. Обстоятельство это состоитъ вотъ въ чемъ: если торговыя сношенія предоставляются въ отношеніи къ распредѣленію національнаго продукта на собственную волю, то извѣстныя отношенія, связанныя съ общественнымъ развитіемъ, порождаютъ то, что, по мѣрѣ увеличенія производительности общественнаго труда, заработная плата рабочихъ классовъ составляетъ все меньшую и меньшую долю національнаго продукта. При этомъ рѣчь идетъ не о количествѣ заработной платы, не о массѣ хлѣба, которую обезпечиваетъ она рабочимъ, а объ относительной долѣ продукта ими получаемаго. Если, напр., 100,000 рабочихъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ производили 1 милліонъ шеффелей пшеницы, а въ настоящее время производятъ 2 милліона, но при этомъ каждый рабочій теперь, какъ и прежде, получаетъ въ видѣ заработной платы по 50 шеффелей, то, хотя заработная плата по своимъ размѣрамъ оставалась бы безъ измѣненія, но въ качествѣ относительной доли продукта она уменьшилась бы вдвое. Она упала бы еще ниже, если бы она уменьшилась также и въ количественномъ отношеніи,

напр., до 40 шеффелей, но въ качествѣ относительной доли продукта она упала бы даже и въ томъ случаѣ, если бы поднялась въ количественномъ отношеніи до 60 или 80 шеффелей. Въ качествѣ относительной доли продукта она не упала бы лишь тогда, если бы по своимъ количественнымъ размѣрамъ она увеличивалась въ прямомъ отношеніи съ возрастаніемъ производительности труда, если бы она поднялась съ 50 до 100 шеффелей, ибо только въ такомъ случаѣ какъ до возвышенія производительности, такъ и впослѣдствіи она одинаково простиралась бы до половины всего продукта. Авторъ считаетъ величайшею заслугою Рикардо, что онъ впервые выставилъ это понятіе относительной заработной платы, хотя, къ сожалѣнію, ни самъ не съумѣлъ съ нимъ справиться надлежащимъ образомъ, ни научилъ этому другихъ.

Авторъ совершенно убѣжденъ, что если можетъ быть доказано то обстоятельство, что въ настоящее время заработная плата составляетъ все меньшую и меньшую часть продукта, то связь его съ пауперизмомъ и кризисами не подлежитъ сомнѣнію. Ясно, что вмѣстѣ съ этимъ, рабочіе въ самомъ лучшемъ случаѣ удерживали бы за собою только свой прежній доходъ, что̀, сообразно нынѣшнему юридическому и политическому ихъ положенію, повлекло бы за собою явленіе пауперизма. Столь же ясно, что, вмѣстѣ съ этимъ обстоятельствомъ, главный каналъ сбыта, какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли, а именно покупная сила четырехъ пятыхъ или пяти шестыхъ общества не могла бы расширяться соотвѣтственно прогрессу производства, а, напротивъ, соотвѣтственно ему одновременно съуживалась бы, откуда не трудно было бы доказать необходимость застоя на рынкѣ. Авторъ нимало не сомнѣвается, что это обстоятельство можетъ быть доказано, что при нынѣшнихъ экономическихъ отношеніяхъ оно проявляется даже съ такою силою, что заработная плата понижается, по меньшей мѣрѣ, въ томъ же от-

ношеніи, если не въ бо̀льшемъ, какъ повышается производительность труда.

Доказательство, что это дѣйствительно такъ, покоится на предварительномъ доказательствѣ двухъ слѣдующихъ необходимыхъ предположеній. Должно быть доказано, вопервыхъ, что производительность труда вообще возросла и продолжаетъ возростать, а, вовторыхъ, что количественный размѣръ заработной платы возросъ вмѣстѣ съ нею, по меньшей мѣрѣ не въ такомъ же отношеніи, остался одинаковъ, или даже уменьшился. Коль скоро доказаны оба эти историческія предположенія, то наличность означеннаго обстоятельства представляетъ необходимое теоретическое ихъ послѣдствіе: заработная плата въ качествѣ относительной доли продукта должна тогда съ своей стороны упасть въ какомъ-либо отношеніи къ возростающей производительности.

Кажется поэтому, что стоитъ только приступить къ доказательству этихъ двухъ предположеній, чтобы вслѣдъ затѣмъ перейти къ болѣе легкому доказательству того, что изъ этого источника должны проистекать пауперизмъ и торговые кризисы. Но въ дѣйствительности мы еще далеко не дошли до этого. При нынѣшней путаницѣ экономическихъ понятій, пожалуй, станутъ даже утверждать, что на заработную плату вообще нельзя смотрѣть, какъ на относительную долю продукта. Весь методъ, при помощи котораго производились до сихъ поръ изслѣдованія въ области экономической науки, затрудняетъ пониманіе того положенія, къ которому авторъ сводитъ экономическія страданія нашего времени.

И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы выходить изъ того положенія, что *дѣленіемъ труда* общество *связывается* въ неразрывное хозяйственное цѣлое, вмѣсто того, чтобы переходить съ точки зрѣнія этого цѣлаго къ объясненію отдѣльныхъ понятій и явленій, вмѣсто того, слѣдовательно, чтобы поставить во главу изслѣдова-

нія понятіе о національномъ (общественномъ) имуществѣ, національномъ производствѣ, національномъ капиталѣ, національномъ доходѣ и о его подраздѣленіи на поземельную ренту, прибыль и заработную плату, и при помощи этихъ *общественныхъ* понятій разъяснять долю участія въ нихъ *отдѣльныхъ* лицъ, наука народнаго хозяйства, подобно другимъ наукамъ, не могла уйти отъ преувеличенной индивидуалистической наклонности нашего времени. Она разорвала на клочки то́, что̀ вслѣдствіе раздѣленія труда представляетъ неразрывное соціальное цѣлое, то́, что̀ можетъ существовать *только* при предположеніи подобнаго цѣлаго, и отъ этихъ то клочковъ пожелала снова подняться къ понятію цѣлаго. Такъ, напр., она приняла въ основаніе своихъ выводовъ понятіе объ имуществѣ отдѣльнаго лица, не подумавши о томъ, что имущество лица, соединеннаго въ общество съ другими посредствомъ раздѣленія труда, представляетъ нѣчто совершенно *иное,* нежели имущество индивидуума, ведущаго вполнѣ изолированное хозяйство. Такъ, напр., она исходила изъ понятія о поземельной рентѣ отдѣльнаго землевладѣльца, не помысливши о томъ, что понятіе о поземельной рентѣ уже предполагаетъ понятіе о прибыли на капиталъ и о заработной платѣ, и что обо всѣхъ этихъ понятіяхъ вообще не можетъ быть и рѣчи, помимо предположенія о наличности нынѣшняго общества и его общественнаго дохода, только части котораго и представляютъ достающіяся обществу поземельную ренту, прибыль и т. п. Она поступала такимъ образомъ, какъ если бы общество представляло не болѣе, какъ сумму различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не нравственное, или, что̀ то же, соціальное цѣлое, какъ если бы самое народное хозяйство было не болѣе, какъ аггрегатъ индивидуальныхъ хозяйствъ, а не органическое совокупное хозяйство.

Если бы наука политической экономіи не впала въ

этотъ совершенно ложный методъ, то она въ настоящее время имѣла бы уже совершенно иной видъ и, конечно, далеко подвинулась бы уже въ своемъ развитіи. Авторъ не можетъ отказать себѣ въ желаніи набросать краткій очеркъ той системы, какой именно требовалъ бы методъ, продиктованный принципомъ этой науки.

Если-бы наука политической экономіи пожелала идти по надлежащему пути, то въ первой своей части, соотвѣтствующей нынѣшнему пониманію народной экономіи, какъ простаго ученія о природѣ обмѣна, она, конечно, приняла бы въ основаніе нынѣшнее народно-экономическое состояніе со всѣмъ уже существующимъ богатствомъ народно-хозяйственныхъ явленій, предоставленныхъ самимъ себѣ. Въ такомъ случаѣ въ первомъ отдѣленіи этой части она должна была бы сразу отправиться отъ понятія національной (общественной) работы, какъ соподчиненія единичныхъ силъ, неразрывно связанныхъ въ одно цѣлое при посредствѣ раздѣленія труда, — національнаго имущества, какъ соединенія всѣхъ единичныхъ имуществъ націи, столь же неразрывно связанныхъ посредствомъ потребленія плодовъ національнаго труда. Далѣе ей слѣдовало бы показать, какимъ образомъ отношеніе раздѣленія труда раздробляетъ соціальную работу, расходуемую на каждый предметъ потребленія, на подраздѣленія производства, — первоначальное производство, фабрикацію, транспортъ,—а эти подраздѣленія на дальнѣйшія производственныя группы, именно, на отдѣльныя предпріятія, благодаря чему и самое національное богатство принимаетъ группировку, соотвѣтствующую только-что указаннымъ подраздѣленіямъ. Потомъ ей было бы необходимо провести различіе той части народнаго имущества, которая заключается въ *національной почвѣ*, и той части его, которая представляетъ *національный капиталъ*, какъ понятіе о продуктѣ, распредѣленномъ между различными предпріятіями и предна-

значенномъ для дальнѣйшаго производства, и сверхъ того противопоставить національному капиталу — *національный продуктъ*, служащій результатомъ движущагося національнаго производства въ теченіи опредѣленнаго промежутка времени. Ей предстояло бы далѣе показать, какъ одна часть послѣдняго предназначается для возстановленія потребленнаго въ производствѣ или отслужившаго свою службу капитала, другая же часть имѣетъ цѣлью удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей общества и отдѣльныхъ его членовъ. Ей пришлось бы наконецъ изслѣдовать понятіе о національной производительности и показать, какъ отъ степени этой послѣдней зависитъ соотвѣтствующая цифрѣ населенія сумма національнаго продукта, или, что одно и то же, сумма національнаго дохода, сумма національнаго богатства.

Послѣ такого общаго изложенія народно-экономическихъ понятій и ихъ взаимной связи, слѣдовало бы обнаружить, насколько руководительство національнымъ производствомъ и движеніе послѣдняго, точно такъ же, какъ и распредѣленіе національнаго продукта, зависятъ отъ учрежденій права.

Для болѣе вразумительнаго выясненія этой зависимости слѣдовало бы прежде всего показать, какую иную форму должно было, бы принять руководительство національнымъ производствомъ и движеніе его и на сколько иначе происходило бы распредѣленіе національнаго продукта, если-бы, вмѣсто частной собственности на землю и капиталъ, и то и другое было въ обладаніи государства и продолжала бы существовать только собственность на долю національнаго продукта, приходящуюся каждому члену общества. Не было бы никакой необходимости, чтобы при подобномъ положеніи вещей,—которое слѣдовало бы принять во вниманіе не какъ дѣйствительно возможное къ немедленному осуществленію, а лишь для лучшаго изученія предмета, — распредѣленіе національнаго продукта происхо-

дило помимо дистрибутивныхъ нормъ права, а, напротивъ того, частная доля каждаго могла бы устанрвляться соотвѣтственно количеству его работы, на основаніи положительныхъ предписаній права. Отдѣльныя занятія рабочихъ, какъ бы ни различались они по силѣ и ловкости, легко сравниваются между собою и взаимно измѣряются Такимъ образомъ, при подобномъ состояніи вещей, дѣло состояло бы не въ отмѣнѣ собственности, а только въ приведеніи ея къ первоначальному ея принципу. Слѣдовало бы также представить для сравненія, какъ при такомъ состояніи права должно было бы существовать общественное оффиціальное учрежденіе, которое приняло бы на себя руководительство національнымъ производствомъ соотвѣтственно общественнымъ потребностямъ, — между тѣмъ какъ при нынѣшнемъ положеніи вещей мѣсто подобнаго учрежденія занимаетъ интересъ отдѣльныхъ собственниковъ, которые также употребляютъ принадлежащія имъ части народнаго имущества на производство, удовлетворяющее потребностямъ общества. Необходимо было бы далѣе показать, что при указанномъ состояніи вещей достаточно было бы одного только распоряженія оффиціальнаго учрежденія для перемѣщенія того или другаго товара, состоящаго въ производствѣ, съ одной ступени производства на другую и въ концѣ концовъ въ мѣстопребываніе потребителя,—между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ состояніи, въ которомъ собственность на землю и на капиталъ ведетъ за собою также и собственность на непосредственно производимый при ихъ помощи продуктъ, вмѣсто упомянутаго распоряженія и за вычетомъ одинаковой хозяйственной работы на транспортъ, дѣйствуютъ юридическая сдѣлка покупки или обмѣна продуктовъ, торговля и съ нею деньги, такъ что все движеніе національнаго производства, отъ перваго рабочаго акта первоначальнаго производства до окончанія продукта, совершается подъ видомъ цѣлаго ряда передачъ и от-

чужденій собственности. Слѣдовало бы представить, какъ въ первомъ случаѣ указанное учрежденіе должно было бы заботиться о томъ, чтобы одна часть національнаго продукта постоянно воспроизводилась для возстановленія потребленнаго производствомъ капитала, другая же часть возстановляла бы только доходъ, т.-е. продуктъ, необходимый для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей общества,—между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ на мѣсто означенной заботы становятся бережливость и интересъ владѣльцевъ капитала или ихъ замѣстителей, которые разсматриваютъ и употребляютъ въ качествѣ прибыли или дохода то́, что́ оставляетъ по себѣ въ излишкѣ торговля ихъ продуктами по замѣщеніи капитала, и берутся только за такія отрасли производства, въ которыхъ имѣется подобный излишекъ.

Послѣ того, какъ было бы показано вліяніе положительнаго права на управленіе продукціей и на движеніе ея въ означенномъ отношеніи, слѣдовало бы заняться выясненіемъ его вліянія на распредѣленіе національнаго продукта. Необходимо было бы показать, какъ при такомъ состояніи общества, при которомъ почва и капиталъ принадлежатъ государству и только національный доходъ переходитъ въ собственность отдѣльныхъ лицъ на основаніи юридическаго принципа затраченной каждымъ работы, — весь національный доходъ выпадалъ бы въ пользу производителей, между тѣмъ какъ при существованіи собственности на землю и на капиталъ онъ распредѣляется между производителями, владѣльцами земли и владѣльцами капитала такимъ образомъ, что на долю послѣднихъ выпадаетъ его всего болѣе. Слѣдовало бы обнаружить, какъ это распредѣленіе въ первомъ случаѣ, гдѣ бы оно происходило соотвѣтственно количеству затраченной работы, могло бы быть осуществлено такимъ образомъ, что каждый участникъ въ національномъ производствѣ, подъ видомъ свидѣтельства о количествѣ затраченнаго

имъ рабочаго времени, получалъ бы требованіе на равную цѣнность всякаго другаго продукта, который ему выдавался бы изъ общественныхъ складовъ въ полное право собственности, на подобіе нынѣшней заработной платы. Необходимо было бы выяснить, какъ во второмъ случаѣ распредѣленіе это принимаетъ такой видъ, что владѣльцы земли и капитала, подъ вліяніемъ закона, опускающаго заработную плату далеко ниже цѣнности продукта, нанимаютъ рабочихъ для производства продукта; какъ они обмѣниваютъ произведенный ими продуктъ на деньги, соотвѣтственно той оцѣнкѣ, которая опредѣляется законами рынка и соперничества; и какъ они тогда, за вычетомъ заработной платы и возмѣщенія капитала, раздѣляютъ между собою остающуюся часть цѣнности продукта подъ именемъ поземельной ренты и прибыли, чтобы впослѣдствіи, подобно тому, какъ это дѣлаютъ и рабочіе съ своею платою, покупать на эти деньги свою долю національнаго дохода изъ складовъ частныхъ предпринимателей.

Наконецъ, въ томъ же первомъ отдѣленіи этой части науки народнаго хозяйства, слѣдовало бы показать, какимъ образомъ, при градаціи и іерархіи всѣхъ человѣческихъ потребностей, направленіе и разнообразіе національнаго производства диктуется распредѣленіемъ національнаго дохода, такъ что въ одномъ случаѣ оффиціальное учрежденіе, нормирующее роды производства, а въ другомъ случаѣ интересъ владѣльцевъ капитала и почвы должны повиноваться только указаніямъ, лежащимъ въ этомъ распредѣленіи національнаго дохода.

Въ то время, какъ въ этомъ первомъ отдѣленіи должно было бы обсудить національно-экономическое движеніе при предположеніи *одинаковыхъ* производительныхъ силъ, во второмъ отдѣленіи слѣдовало-бы показать вліяніе *измѣненія* производительныхъ силъ на это движеніе и притомъ измѣненія какъ суммы произво-

дительныхъ силъ, такъ и силой ихъ производительности. При этомъ слѣдовало бы прежде всего выяснить значеніе увеличенія національнаго капитала и „сбереженія“. Тогда обнаружилось бы и то, что сбереженіе есть лишь такая форма увеличенія капитала, которая обусловливается существованіемъ собственности на землю и на капиталъ и которая во многихъ случаяхъ могла бы быть замѣнена кредитомъ.

Далѣе необходимо было бы показать, какимъ образомъ увеличеніе суммы *производительныхъ силъ*, вслѣдствіе увеличенія количества народнаго труда или увеличенія населенія, хотя вообще и не въ состояніи повысить національный капиталъ и національный продуктъ, а потому и ренту съ капитала и заработную плату націи, дѣйствуетъ только на уровень поземельной ренты, такъ какъ увеличеніе заработной платы (т.-е. ея массы) достается бо̀льшему числу рабочихъ, увеличеніе прибыли приходится на бо̀льшій капиталъ, и *только* увеличеніе поземельной ренты приходится на одну и ту же площадь земли;—но что увеличеніе національнаго богатства, иными словами, такое увеличеніе національнаго продукта, которое можетъ сдѣлать прибавку этого послѣдняго въ пользу всѣхъ, можетъ произойти только благодаря увеличенію *производительности труда*.

Далѣе слѣдовало бы выяснить, изъ какихъ маленькихъ зародышей вышло національное богатство, какъ даже самая рента—поземельная и прибыль съ капитала, взятыя вмѣстѣ,—сдѣлалась возможна только благодаря прогрессу производительности труда.

Наконецъ въ третьемъ отдѣленіи предстояло бы изложить, какимъ образомъ необходимо удовлетворять тѣмъ потребностямъ, которыя вытекаютъ изъ существованія общества, какъ таковаго, и правительства въ немъ, иными словами, слѣдовало бы разсмотрѣть финансовое хозяйство или основанія налоговъ и ихъ употребленія въ ихъ одновременномъ вліяніи на дви-

женіе производства и на распредѣленіе національнаго продукта.

Лишь послѣ того, какъ были бы разсмотрѣны въ этой первой части науки „производство, распредѣленіе и потребленіе“ товаровъ, самопроизвольный ходъ изслѣдованія привелъ бы къ тому, чтобы во второй части показать опасности, которыя угрожаютъ обществу, вслѣдствіе предоставленнаго самому себѣ прогрессу національно-хозяйственнаго развитія, и чтобы въ третьей части преподать тѣ мѣры, которыя могли бы предотвратить указанныя опасности.

Подобный методъ изслѣдованія находилъ бы оправданіе въ самомъ себѣ, хотя, строго говоря, онъ столь же мало заслуживалъ бы названія систематическаго метода, какъ и то поверхностное разбрасыванье народнохозяйственнаго матеріала, которое слѣдуетъ зачесть въ вину въ особенности школѣ Сэя и нѣмецкимъ писателямъ. Но если этотъ послѣдній способъ отношенія къ дѣлу способствовалъ тому, чтобы отвратить взглядъ наблюдателя отъ живаго развитія общественнаго хозяйства, то предыдущій методъ самъ показываетъ ясно, что именно живая и стремительная фраза, въ которой находится въ настоящее время общественное хозяйство, препятствуетъ этому матеріалу сохранять ту равномѣрность, благодаря которой онъ могъ бы быть подраздѣленъ и упорядоченъ подобно тому, какъ это дѣлается, напр., въ наукѣ права. Означенный методъ содержалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе, что общественное хозяйство будетъ вполнѣ пригодно къ подраздѣленію и изслѣдованію только по прошествіи указанной фазы, но зато въ качествѣ главной и самой обширной изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ, которая современемъ поглотитъ и самое право.

Такъ какъ въ наукѣ не слѣдовали этому плану, то прежде чѣмъ приступить къ доказательству той истины, что движеніе заработной платы не соотвѣтствуетъ увеличенію производительности труда, авторъ считаетъ

себя вынужденнымъ къ предыдущему очерку лучшаго метода присовокупить болѣе или менѣе полную теорію, соотвѣтствующую этому послѣднему, по меньшей мѣрѣ, распредѣленія національнаго продукта

II.

Заработная плата, рента и прибыль суть соціальные факты и понятія.— Рента покоится на двухъ предположеніяхъ, экономическомъ и юридическомъ.—Раздѣленіе ренты на составныя части —Понятіе о мѣновой цѣнности. — Общее понятіе о деньгахъ и о денежныхъ функціяхъ. — Тяготѣніе рыночной цѣнности къ стоимости произведеній. — Условія, опредѣляющія высоту заработной платы.—Покупная сила, находящаяся въ рукахъ у рабочаго населенія, не догоняетъ производительности труда.—Кризисы и пауперизмъ.

Авторъ еще разъ повторяетъ, что заработная плата, рента, прибыль съ капитала суть соціальные факты и понятія, которые существуютъ лишь потому, что отдѣльныя лица, принимающія въ нихъ участіе, соединены въ единое общество связью раздѣленія труда. Прибѣгая къ принципіальному разъясненію дѣла, подъ задѣльной платою, рентою и т. д. слѣдуетъ скорѣе разумѣть ту задѣльную плату и пр., которыя выпадаютъ на долю цѣлаго общества въ совокупности, или представлять себѣ все общество подъ видомъ одного рабочаго, одного землевладѣльца и одного капиталиста. Это слѣдуетъ дѣлать на томъ основаніи, что законы, которые регулируютъ дальнѣйшее подраздѣленіе трехъ отраслей дохода между *отдѣльными* рабочими, *отдѣльными* землевладѣльцами и *отдѣльными* капиталистами, существенно отличаются отъ тѣхъ, которые господствуютъ надъ раздѣленіемъ продукта на заработную плату, поземельную ренту и прибыль *вообще*, и принимать первые за послѣдніе, какъ поступала школа Сэя, значитъ смѣшивать игру случайно-

стей на поверхности обмѣна съ началами, дѣйствующими съ незамѣтною и спокойною силою.

Ренту по этой теоріи представляетъ всякій доходъ, который получается безъ труда, а единственно на основаніи владѣнія. Что подобный доходъ въ обществѣ существуетъ, о томъ никто не станетъ спорить, хотя бы при этомъ и утверждалось, что это владѣніе покоится на собственномъ трудѣ Сюда относятся поземельная рента, прибыль предпринимателя и процентъ.

Такъ какъ независимо отъ труда не можетъ быть произведено никакого дохода, то рента покоится на двухъ необходимыхъ предположеніяхъ. Первое: не можетъ существовать ренты, если трудъ не производитъ болѣе, чѣмъ сколько необходимо, по меньшей мѣрѣ, для продолженія работы, ибо невозможно, чтобы кто либо, не работая лично, могъ получать при отсутствіи такого излишка правильный доходъ. Второе: не можетъ существовать ренты, если не существуетъ учрежденій, которыя этотъ излишекъ вполнѣ или отчасти отвлекаютъ отъ производителя и направляютъ къ другимъ лицамъ, ибо производитель, по самой природѣ вещей, всегда является обладателемъ своего продукта. Что работа даетъ подобный излишекъ,—это покоится на общественно-экономическихъ основаніяхъ, возвышающихъ производительность труда. Что этотъ излишекъ частью или вполнѣ отвлекается отъ рабочихъ и направляется къ другимъ лицамъ, — это покоится на основѣ положительнаго права, соединеннаго съ силою. Первоначальную роль этой силы брало на себя рабство, возникновеніе котораго совпадаетъ съ начатками земледѣлія и землевладѣнія. Когда вся почва страны перешла въ частную собственность, когда въ то же время возникла частная собственность на всякій капиталъ, то это учрежденіе стало обнаруживать подобное же давленіе и на отпущенныхъ или свободныхъ рабочихъ. Оно дѣйствуетъ на подобіе рабства, во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что продуктъ принадлежитъ не

производителю, а господину капитала и земли, а, во-вторыхъ, въ томъ, что не обладающіе ничѣмъ рабочіе весьма довольны, когда могутъ получать часть своего собственнаго продукта для поддержанія своей жизни, т.-е для продолженія своей работы. Такимъ образомъ на мѣсто рабовладѣльческаго распорядка становится контрактъ рабочихъ съ хозяиномъ, но этотъ контрактъ свободенъ лишь въ формальномъ отношеніи, и голодъ почти всецѣло замѣняетъ прямое принужденіе работать. То, что̀ прежде называлось кормомъ, впослѣдствіи стало называться заработною платою.

Итакъ, рента (въ обширномъ смыслѣ) и заработная плата суть тѣ доли, на которыя распадается продуктъ, насколько онъ представляетъ доходъ. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ больше одна изъ этихъ долей, тѣмъ меньше другая, чѣмъ больше возвышается (относительно) одна, тѣмъ больше понижается другая. Кромѣ того о повышеніи или о пониженіи заработной платы говорятъ еще въ иномъ смыслѣ, а именно въ томъ, превышаетъ-ли заработная плата необходимыя потребности рабочаго, вокругъ которыхъ она колеблется, или не достигаетъ ихъ. Въ одномъ смыслѣ заработная плата можетъ быть высока, въ другомъ низка, и наоборотъ,— въ зависимости отъ производительности труда.

Первоначально роли капиталиста и землевладѣльца совпадали въ одномъ лицѣ послѣдняго и даже сюда же привходила и роль оптоваго торговца. Понятно, что на этой ступени развитія вся рента представляла одну нераздѣльную массу. Впослѣдствіи, съ установленіемъ раздѣленія труда, капиталъ переходитъ въ другія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляется отъ ренты прибыль. Рента поступаетъ тогда подъ видомъ поземельной къ владѣльцу сыраго продукта, а прибыль къ фабриканту. Отдѣленіе землевладѣнія отъ владѣнія капиталомъ и сопровождающее его раздѣленіе ренты на поземельную ренту и прибыль поступаетъ впервые вмѣстѣ съ отдѣленіемъ деревни отъ города, вмѣстѣ съ

легальнымъ обособленіемъ городскихъ ремеслъ отъ земледѣлія.

Раздѣленіе ренты на означенныя составныя части происходитъ соотвѣтственно цѣнности суровья и цѣнности, придаваемой суровью фабрикаціей и транспортомъ. Чѣмъ ниже цѣнность суровья по отношенію къ цѣнности обработаннаго продукта или наоборотъ, тѣмъ меньше или больше будетъ приходящаяся на суровье часть ренты, тѣмъ больше или меньше будетъ часть ренты, приходящаяся на фабрикатъ. Послѣдняя доля ренты называется прибылью и вычисляется на капиталахъ въ % на сто. Остальной излишекъ есть рента въ собственномъ смыслѣ, потому что онъ принадлежитъ землевладѣльцу лишь какъ таковому, независимо отъ долей, приходящихся ему какъ владѣльцу капитала, или какъ рабочему. Такъ какъ прибыль тѣмъ выше, чѣмъ больше приходится процентовъ по разсчету на капиталъ, то прибыль эта должна *повышаться* или *падать* въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ *понижается* или *повышается* цѣнность суровья относительно цѣнности фабриката. Это происходитъ на томъ основаніи, что къ капиталу, относительно котораго вычисляется часть ренты вообще, въ качествѣ прибыли въ процентахъ, присоединяется цѣнность суровья, которое капиталистъ принужденъ *покупать* на свой капиталъ. Такъ какъ рента раздѣляется въ отношеніи цѣнности суровья къ цѣнности фабриката, и, слѣдовательно, когда послѣдняя бываетъ высока, то къ капиталу присоединяется лишь незначительная цѣнность суровья, и наоборотъ, когда послѣдняя бываетъ низка, то къ капиталу присоединяется высокая цѣнность суровья; то очевидно, что уровень отношенія ренты съ капитала къ цѣнности капитала долженъ подниматься параллельно возвышенію цѣнности фабричнаго продукта, и, слѣдовательно, пониженію цѣнности сыраго продукта, и падать при обратныхъ условіяхъ, ибо прибыль съ капитала должна вычисляться въ одномъ слу-

чаѣ по отношенію къ сравнительно болѣе низкой цѣнности капитала, а въ другомъ по отношенію къ болѣе высокой цѣнности его.

Если прибыль съ капитала высока, то поземельная рента должна быть низка. При всемъ томъ на поземельную ренту должно всегда оставаться нѣчто отъ ренты вообще, хотя бы даже цѣнность сыраго продукта только равнялась цѣнности фабричнаго продукта, а не превышала ее, и это на томъ основаніи, что цѣнность сыраго продукта причисляется къ цѣнности капитала, такъ какъ она оплачивается фабрикантомъ, въ самомъ же земледѣліи цѣнность эта не фигурируетъ, ибо здѣсь сырой матеріалъ получается прямо изъ почвы и поэтому не входитъ въ составъ капитала. Перемѣна въ отношеніи цѣнности сыраго продукта и фабриката отнимаетъ у одной стороны то, что̀ отдаетъ другой. Повышеніе цѣнности сыраго продукта возвышаетъ поземельную ренту и понижаетъ прибыль, пониженіе его цѣнности оказываетъ обратное дѣйствіе. Единовременное повышеніе или пониженіе поземельной ренты и прибыли можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда измѣняется отношеніе между заработной платой и рентой вообще, или когда измѣняется производительность труда.

Если въ обществѣ существуетъ собственность на землю и на капиталъ, и при этомъ дѣленіе труда предоставлено самому себѣ, то распредѣленіе національнаго продукта совершается при посредствѣ мѣновыхъ сношеній. Отдѣльный мѣновой актъ происходитъ такимъ образомъ, что А. обмѣнивается съ В. своимъ продуктомъ, который имѣетъ для него менѣе полезности [3]), съ В. на другой продуктъ, который имѣетъ для него болѣе полезности. Тотъ же мотивъ дѣйствуетъ и по

---

[3]) Словомъ „полезность“ мы замѣняемъ слово „цѣнность потребленія“, по собственному сознанію Родбертуса, ведущее только къ путаницѣ въ понятіяхъ. *Авт.*

отношенію къ В. Значеніе, которое благодаря этому одинъ продуктъ пріобрѣтаетъ по отношенію къ другому и которое оцѣнивается обмѣниваемымъ количествомъ другаго продукта, называется цѣнностью или мѣновою цѣнностью. Такимъ образомъ обмѣнъ представляется такою сдѣлкою, въ которой каждый производитъ полезность для другаго и поэтому получаетъ отъ другаго свое возмѣщеніе, а мѣновая цѣнность есть не что иное, какъ сама эта полезность, получающая въ обмѣнѣ возмѣщеніе.

Мѣновая цѣнность прежде всего выражаетъ мѣру возмѣщенія, получаемую каждою обмѣнивающеюся стороной. Предполагая, что каждая изъ означенныхъ сторонъ всегда производила бы въ точности такую же полезность, въ какой именно нуждалась бы другая сторона для удовлетворенія своихъ потребностей,—это возмѣщеніе было бы справедливо лишь тогда, когда оно соотвѣтствовало бы пожертвованіямъ, издержкамъ, тому количеству производительной силы, какое каждая изъ сторонъ затратила бы въ производство полезности для другой стороны. Это было бы въ такомъ случаѣ, если бы обмѣниваемые продукты заключали въ себѣ равныя пожертвованія, равную стоимость, равный расходъ производительной силы, иными словами, если бы мѣновая цѣнность совпадала съ издержками производства. Трудъ есть первоначальное пожертвованіе, первоначальная стоимость, первая и послѣдняя производительная сила, которая расходуется на всѣ продукты. При означенномъ предположеніи и при справедливомъ возмѣщеніи, мѣновая цѣнность обмѣнивающихся произведеній должна быть равна количествамъ труда, которыхъ они стоили, какъ бы ни была различна или ни казалась такою работа въ различныхъ производствахъ. Однако ясно, что если означенное предположеніе невѣрно, то подобное возмѣщеніе не можетъ претендовать на справедливость; ибо какимъ образомъ А., если бы онъ не произвелъ потребную для

В. полезность, если бы онъ извѣстное количество производительной силы истратилъ безъ надобности, какимъ образомъ онъ могъ бы потребовать отъ В. такого возмѣщенія, какъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ выполнилъ указанное предположеніе? Въ изолированныхъ случаяхъ обмѣна подобное предположеніе будетъ встрѣчаться всего рѣже. Поэтому здѣсь мѣра возмѣщенія, мѣновая цѣнность будетъ зависѣть отъ *настоятельности* потребности и отъ *запаса* продуктовъ у каждой изъ обмѣнивающихся сторонъ.

Когда мѣновыя сношенія становятся общимъ правиломъ, когда каждый участникъ производитъ только полезность для другихъ, только общественную полезность, мѣновую цѣнность [1]), такъ какъ уже существу-

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ проф. Вагнеру (см. выше) Родбертусъ слѣдующимъ образомъ высказывается по вопросу о цѣнности: „Подобно всѣмъ прочимъ народно-хозяйственнымъ понятіямъ, цѣнность есть прежде всего общинное понятіе, въ которомъ душа—соціальнаго характера, получившая невѣрный покровъ отъ неправильной систематики индивидуалистическаго пониманія народно-хозяйственнаго ученія. Существуетъ только одинъ родъ цѣнности, а именно полезность (цѣнность потребленія). Противопоставлять ему подъ видомъ мѣновой цѣнности еще другой родъ цѣнности представляетъ логическую ошибку. Но эта полезность есть или индивидуальная, или соціальная полезность. Первая существуетъ по отношенію къ индивидууму и къ его потребностямъ, помимо всякой соціальной организаціи. Вторая представляетъ полезность, которою располагаетъ соціальный организмъ, состоящій изъ многихъ индивидуальныхъ организмовъ. Но какимъ же образомъ эта послѣдняя пріобрѣтаетъ свойство мѣновой цѣнности? Историческимъ путемъ—и потому лишь временно. Въ теченіи этой исторической фазы, все имѣющее мѣновую цѣнность выступаетъ на первый планъ, но понятно почему: въ теченіи періода мѣновой цѣнности,—той исторической фазы, когда характеръ мѣновой цѣнности благъ отодвигаетъ на задній планъ соціально-полезный ихъ характеръ, — соціальный организмъ, называемый нами государствомъ, развился еще не вполнѣ, не представляетъ еще полнаго цѣлаго. Онъ находится еще въ моментѣ индивидуальнаго сростанія, такъ какъ отъ индивидуальной основы исходитъ все соціальное развитіе. На этихъ то низшихъ историческихъ ступеняхъ развитія господствуетъ ступень той собственности, которая влагаетъ народное имущество отдѣльными долями въ руки частныхъ лицъ.

етъ раздѣленіе труда, то̀ *прочное* общественное соединеніе людей, въ которомъ одинъ работаетъ на всѣхъ и всѣ на одного,—тогда мѣновая цѣнность становится рыночною цѣнностью. Въ изолированныхъ, случайныхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ можетъ быть рѣчь только о мѣновой цѣнности одного обмѣниваемаго предмета относительно другаго, получаемаго въ обмѣнъ, и эта мѣновая цѣнность находится подъ вліяніемъ индивидуальнаго спроса и предложенія Рыночная цѣнность есть такая мѣновая цѣнность, которую *каждый* продуктъ имѣетъ относительно *всѣхъ* вступающихъ въ обмѣнъ продуктовъ и которая находится подъ вліяніемъ всеобщаго спроса и предложенія конкуррентовъ. Установленіе рыночной цѣнности облегчается вмѣшательствомъ особеннаго, исключительно для обмѣна предназначеннаго товара, рыночнаго товара по преимуществу, который поэтому и служитъ выраженіемъ рыночной цѣнности всѣхъ прочихъ товаровъ, а именно драгоцѣннаго металла. Каждый обмѣниваетъ свой продуктъ сначала за этотъ товаръ по преимуществу и только за полученное количество этого рыночнаго товара пріобрѣтаетъ свою цѣнность потребленія или полезность. Въ обыкновенной рѣчи говорится: онъ продаетъ и покупаетъ, такъ что обмѣнъ непосредственный распадается

Обмѣнъ *долженъ* происходить, если только имущество должно обращаться въ видахъ общей пользы и на помощь этому обмѣну должно явиться много принадлежностей: рынокъ, деньги и т. д. То, что̀ находитъ себѣ сбытъ и *цѣну* въ этой мѣновой торговлѣ, очевидно, имѣетъ *соціальную полезность*. Послѣдняя, естественно, приводитъ за собою первую въ означенной конкретной формѣ, но въ качествѣ таковой она обусловливается, или, скорѣе, маскируется на этой соціальной ступени необходимо сопровождающей ее обстановкою обмѣна... Такимъ образомъ я считаю доказаннымъ, что мѣновая цѣнность представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ историческую оболочку и привѣску общественной полезности, свойственную опредѣленному періоду исторіи. Противопоставляя полезности мѣновую цѣнность, какъ логическое противорѣчіе, мы совершили бы ту логическую ошибку, что приводили бы въ логическое противорѣчіе *логическое* и *историческое* понятіе.

при этомъ на два акта. Такъ выполняютъ золото и серебро роль денегъ, которыя въ своей идеѣ вовсе не представляютъ рыночнаго товара, а скорѣе представляютъ лишь *свидѣтельство* относительно рыночной цѣнности, которую отдаетъ каждый въ обмѣниваемомъ имъ продуктѣ, и которое каждый, съ своей стороны, можетъ реализировать въ качествѣ требованія на такое же количество рыночной цѣнности. Представляетъ только историческую необходимость, слѣдовательно, не болѣе какъ случайность, что деньги до настоящаго времени состоятъ въ товарѣ, т.-е. являются свидѣтельствомъ и требованіемъ такого рода, что постоянно выражаютъ *своею собственною цѣнностью*, — цѣнность, свидѣтельствуемую и требуемую ими.

Хотя рыночная цѣнность въ торговлѣ, предоставленной самой себѣ, и состоитъ еще подъ перемѣннымъ господствомъ всеобщаго спроса и предложенія, но тѣмъ не менѣе она все же тяготѣетъ къ количеству производительной силы, потраченной на производство продукта, къ стоимости послѣдняго. Личный интересъ влечетъ за собою то послѣдствіе, что никто не станетъ получать въ теченіи продолжительнаго времени за меньшее количество затраченной производительной силы бо̀льшее количество ея, ибо всякій накинулся бы на такую выгодную отрасль промышленности, пока снова не возстановилось бы равновѣсіе и пока въ обмѣниваемыхъ произведеніяхъ снова не стали бы обмѣниваться равные расходы производительной силы, равныя издержки, равныя работы. Но дѣйствительное рыночное движеніе всегда совершается подобно движенію маятника по обѣ стороны этой точки стоянія, хотя школа Смита-Рикардо это простое стремленіе принимала за самое осуществленіе и всѣ свои дальнѣйшіе выводы основывала на предположеніи, которое въ дѣйствительности не имѣетъ мѣста. То, что̀ Рикардо предполагаетъ дѣйствительно существующимъ, лишь должно было бы существовать и представляетъ одну изъ

величайшихъ и въ практическомъ отношеніи важнѣйшихъ національно-экономическихъ идей, которая когда-либо стремилась къ осуществленію Съ этой идеей случилось то же, что съ идеей общественнаго договора, который въ естественномъ государственномъ правѣ разсматривался какъ находящійся позади историческій *фактъ*, пока болѣе правильное воззрѣніе не признало въ немъ только *идеи*, на основаніи которой слѣдовало бы регулировать индивидуальныя права и обязанности. Однако указанный выше законъ тяготѣнія уже и въ настоящее время достигаетъ того, что вообще рыночная цѣнность продукта находится въ обратномъ отношеніи къ производительности труда, что когда при употребленіи того же количества производительной силы достигается полученіе вдвое бо́льшаго количества продукта, то и рыночная цѣнность продукта уменьшается также вдвое.

Сколько у кого имѣется рыночной цѣнности, столько у него имѣется покупной силы. Сколько у него покупной силы, столько полезности можетъ онъ снова получить путемъ обмѣна по рыночной цѣнности. И такъ, въ мѣновомъ актѣ полезности, производимой каждымъ для общества должна противополагаться покупная сила, въ противномъ случаѣ первая или не будетъ въ состояніи подняться въ рукахъ своего производителя до уровня рыночной цѣнности, или же останется безполезною для общества, потому что ей будетъ недоставать возмѣщенія. Поэтому-то, при наличности обмѣна, производители могутъ изготовлять полезности не иначе, какъ въ соотвѣтствіи съ существующею въ обществѣ покупною силою. При существованіи права собственности на землю и на капиталъ, родъ и размѣръ производства зависятъ не отъ воли рабочихъ въ собственномъ смыслѣ слова, а единственно отъ воли владѣльцевъ „производительныхъ фондовъ“. Поэтому, при существованіи обмѣна, и сами владѣльцы фондовъ могутъ употреблять въ дѣло эти

послѣдніе не иначе, какъ въ той мѣрѣ, въ какой покупная сила общества возмѣщаетъ собою ихъ продукты.

Если бы раздѣленіе труда было столь простымъ отношеніемъ, какъ оно часто изображается экономистами, если бы оно имѣло лишь такую форму, что каждое участвующее въ немъ лицо производило бы опредѣленный продуктъ исключительно въ свою собственную пользу и потому принимало бы въ цѣнности этого продукта исключительное участіе, то покупная сила каждаго всегда равнялась бы рыночной цѣнности всего принадлежащаго ему продукта. Но раздѣленіе труда далеко не столь просто. Оно не только не таково, какъ предполагаютъ экономисты, но сверхъ того имѣетъ еще характеръ такого дѣленія, что въ каждомъ отдѣльномъ продуктѣ съ собственно-производителями рабочими принимаютъ совмѣстное участіе владѣльцы производительныхъ фондовъ—землевладѣльцы и капиталисты. Это происходитъ потому, что положительное право объявляетъ почву и капиталъ принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ въ такую же собственность, какъ рабочая сила принадлежитъ рабочему. Благодаря этому рабочіе вынуждены, чтобы вообще имѣть возможность производить, вступать въ соединеніе съ владѣльцами капитала и земли и дѣлить съ ними продуктъ. Помянутое соединеніе не измѣняетъ ничего въ естественныхъ производительныхъ элементахъ всѣхъ предметовъ потребленія, а только устраняетъ общественное препятствіе производству—quod non землевладѣльца и капиталиста и устраняетъ его посредствомъ раздѣленія продукта. Поэтому, при той формѣ, какую въ дѣйствительности имѣетъ въ настоящее время раздѣленіе труда, хотя „продукты и мѣняются на продукты“, какъ говорятъ экономисты, но покупная сила, которою обладаетъ каждое участвующее лицо, сообразуется не съ цѣнностью его *продукта*, а съ *долею его участія* въ продуктѣ. То обстоятельство, что школа Сэя-Бастіа

просмотрѣла это важное явленіе, и составляетъ основаніе, что она оказывала столь сильное сопротивленіе дальнѣйшему развитію науки общественной экономіи.

Въ томъ обществѣ, о которомъ въ данную минуту идетъ рѣчь, доля участія рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ регулируется не соціальною предусмотрительностью, не сознательнымъ общественнымъ закономъ, а предоставляется вліянію мѣновыхъ сношеній, покинутыхъ на собственную волю, такъ-называемыхъ естественныхъ законовъ общества. Отъ шансовъ рынка зависитъ то, какъ велика должна быть доля каждаго класса въ національномъ продуктѣ. Относительная доля участія землевладѣльцевъ и капиталистовъ опредѣляется, правда, относительною цѣнностью сыраго продукта и фабриката, и эта послѣдняя, какъ уже показано, тяготѣетъ къ издержкамъ производства того и другаго; однако благодаря тому, что и самое высшее хозяйственное благо, начало всѣхъ продуктовъ—рабочая сила, сдѣлалось предметомъ мѣновыхъ сношеній, наиболѣе важный видъ раздѣла, а именно, раздѣлъ между производителями и рантье, также подчиняется вліянію мѣноваго оборота. Рабочій отдаетъ свою рабочую силу предпринимателю, сообразно закону спроса и предложенія, и соотвѣтственно тому же закону получаетъ за нее мѣновый эквивалентъ, свою заработную плату, а слѣдовательно, и свою долю участія въ продуктѣ, получаетъ въ томъ размѣрѣ, какъ она опредѣляется обмѣномъ.

Распредѣленіе національнаго продукта сообразно естественнымъ законамъ обмѣна влечетъ за собою то послѣдствіе, что, по мѣрѣ увеличенія производительности труда, заработная плата рабочихъ становится все меньшею и меньшею долей продукта. Если бы даже рабочій и могъ предусмотрѣть, какъ, вслѣдствіе измѣненія комбинацій однихъ и тѣхъ же простыхъ операцій съ его стороны, работа его становится все производительнѣе и производительнѣе, то онъ все

же не могъ бы добиться отъ своихъ противниковъ по обмѣну, чтобы работа его была вознаграждена соотвѣтственно ея производительности и увеличенію этой послѣдней. Рабочіе располагаютъ многими часами работы, но не располагаютъ болѣе ничѣмъ, а противъ нихъ борются въ обмѣнѣ ихъ собственный голодъ и страданія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого они легко отдаютъ свою работу, лишь бы ихъ тяжкія лишенія были удовлетворяемы эквивалентомъ обмѣна, лишь бы этого послѣдняго хватало для продолженія работы. иными словами, для утоленія работою означенныхъ лишеній и впослѣдствіи. Мѣриломъ же того, что̀ утоляетъ ихъ страданія и лишенія, является *количество* продукта, а не *относительная* его *доля*, и притомъ въ теченіи средней жизни рабочаго, въ одной и той же странѣ и въ среднемъ числѣ десятилѣтій, почти постоянное количество. Итакъ, когда трудъ становится производительнѣе, когда одинаковое количество труда производитъ болѣе продукта, когда, слѣд., одинаковое количество продукта представляетъ собою меньшую относительную долю всего продукта, то очевидно, что при господствѣ у рабочаго указаннаго выше стимула къ обмѣну, возрастаніе производительности труда сопровождается все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ пониженіемъ относительной доли продукта, составляющей заработную плату.

Съ развитіемъ общества наступаютъ еще и такія основанія, которыя усиливаютъ стимулы рабочихъ отдавать свою рабочую силу за „стоимость производства“. Чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ производительнѣе при этомъ трудъ, чѣмъ шире индивидуальная свобода, тѣмъ болѣе при обмѣнѣ, предоставленномъ самому себѣ, будутъ принуждены рабочіе трудиться „дешево“, ибо тѣмъ болѣе работа будетъ уравниваться товару, который подлежитъ закону соперничества и притомъ невыгоднаго соперничества, тѣмъ болѣе будутъ въ состояніи предприниматели *отдавать* работу наименѣе

требовательному. Какъ будто предприниматели отдаютъ работу, а не получаютъ ее? Но самыя повседневныя представленія сдѣлались до того превратными, что такъ какъ въ настоящее время нельзя работать безъ дозволенія, то этимъ дозволеніемъ называется сама работа. При условіяхъ перенесенія въ новѣйшія колоніи, которыя могутъ быть выражены формулою: искусство и капиталъ старой цивилизаціи при полной политической свободѣ, рѣдкомъ населеніи и значительномъ пространствѣ богатой почвы, законы эти, тяготѣющіе на заработной платѣ, повидимому, измѣняются, ибо здѣсь въ извѣстной степени соперничество выпадаетъ въ пользу рабочихъ. Но совсѣмъ иное дѣло—условія жизни метрополій, въ которыхъ отсутствуетъ рѣшительный факторъ означенной формулы—богатая почва въ излишнемъ количествѣ; въ которыхъ рабочіе классы никогда не находились въ такомъ положеніи, въ какое они внезапно попадаютъ въ колоніяхъ;—въ которыхъ, сверхъ того, освобожденные отъ вѣковыхъ служебныхъ отношеній, они перенесли съ собой въ свободу духъ подчиненія и привычку довольствоваться самыми жалкими средствами существованія; въ которыхъ одновременно съ ихъ эмансипаціей отношенія производительности и народонаселенія были уже противъ нихъ Здѣсь они не въ состояніи болѣе путемъ мирнаго соперничества достигнуть такого положенія, въ которомъ они могли бы успѣшно противодѣйствовать означеннымъ законамъ; здѣсь уже одной только нужды достаточно для того, чтобы не допускать ихъ болѣе закалиться въ твердомъ рѣшеніи работать только за такую плату, которая достойна свободнаго гражданина; здѣсь полная свобода рабочаго врядъ ли имѣетъ иное вліяніе на заработную плату, нежели то, какое оказываютъ улучшенные способы сообщенія на цѣну и безъ того уже пониженнаго соперничествомъ товара,—она еще болѣе увеличиваетъ предложеніе работы, она еще глубже роняетъ ея „цѣну“.

Если бы каждый участникъ въ обмѣнѣ удерживалъ за собою полный продуктъ своей работы, если бы его покупная сила состояла въ рыночной цѣнности всего продукта, какъ это невѣрно представляли себѣ экономисты, то никакое увеличеніе производительности труда не могло бы произвести застоя въ сбытѣ, какъ *отдѣльнаго* товара, такъ и *всѣхъ* товаровъ рынка ранѣе того, какъ всѣ участники получили бы уже достаточно продукта для своего потребленія. Такъ какъ рыночная цѣна продукта находится въ обратномъ отношеніи къ производительности труда, то при означенномъ предположеніи рыночная цѣнность каждаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покупная его сила оставалась бы безъ измѣненія, какъ у того, у котораго производительность труда въ продуктѣ возросла, такъ и того, у котораго этого не было. Каждый участникъ могъ бы купить бо́льшее количество каждаго продукта, производительность котораго возросла, и оставшаяся безъ уменьшенія покупная сила каждаго, благодаря увеличенію количества продукта, могла бы располагать имъ до тѣхъ поръ, пока не была бы удовлетворена потребность каждаго, пока каждый не пересталъ бы покупать, хотя и не утратилъ бы возможности къ этому. Въ подобномъ случаѣ покупная сила общества была бы равна его производительности, или, иными словами, сколько бы общество ни производило рыночной цѣнности, такимъ же количествомъ рыночной и такимъ же покупной силы оно и обладало бы, пока не были бы удовлетворены потребности всѣхъ и каждаго; а въ этомъ послѣднемъ случаѣ полезность перестала бы существовать въ качествѣ рыночной и покупной цѣнности, потому что она перестала бы служить для кого бы то ни было полезностью. Какъ извѣстно, школа Рикардо и Сэя, среди страданій чрезмѣрнаго производства, пытается доказывать также и при помощи этого примѣра, что чрезмѣрное производство невозможно, между тѣмъ какъ, очевидно, этотъ примѣръ

только придаетъ осязательный видъ счастливѣйшему экономическому положенію дѣлъ, которое можетъ быть мыслимо только въ теоріи. А именно, положеніе это таково тогда, когда чрезмѣрное производство поступаетъ лишь *вслѣдъ* за полнымъ удовлетвореніемъ потребностей всѣхъ членовъ общества, тогда какъ нынѣшніе торговые кризисы именно въ томъ и состоятъ, что, одновременно съ излишествомъ въ продуктахъ, $^4/_5$ или $^5/_6$ общества терпятъ лишенія и страданія. Когда продуктъ не только дѣлится между тремя участниками въ немъ, но, сверхъ того, въ силу „естественныхъ“ законовъ обмѣна, продоставленнаго самому себѣ, доля рабочихъ классовъ, т-е значительнаго большинства народонаселенія, не остается прочною и неизмѣнною *относительною* долею продукта, а, наоборотъ, именно въ томъ же отношеніи составляетъ меньшую долю продукта, въ какомъ возростаетъ производительность, то означенный счастливый результатъ увеличенія производительности не можетъ имѣть мѣста. При этомъ послѣднемъ предположеніи, покупная сила и производительность не находятся болѣе въ прямомъ отношеніи одна къ другой. Покупная сила бо́льшей части общества въ такомъ случаѣ скорѣе уменьшается въ отношеніи къ возростающей производительности, и обществу приходится производить полезности, которыя лишаются рыночной цѣнности и покупной силы въ то время, когда у большинства людей потребности еще вовсе не удовлетворены.

Не подлежитъ сомнѣнію, что гдѣ и когда „естественные“ зако́ны обмѣна оказываютъ подобное дѣйствіе, и никакой „сознательный“ законъ не является ему препятствіемъ, тамъ должны быть необходимымъ послѣдствіемъ явленія подобныя тѣмъ, которыя въ настоящее время обозначаются названіями торговаго застоя и пауперизма. Тогда необходимо должно наступить то безсмысленное явленіе, что производительность общества можетъ возростать до любой величины, можетъ

возростать до того, что всѣ члены общества могли бы жить отъ ея выручки въ изобиліи, и, несмотря на то и даже именно потому, большинство живетъ въ бѣдности, а меньшинство теряетъ свое имущество. Тогда необходимо должно наступить въ высшей степени странное противорѣчіе между юридической и политической свободой и экономической зависимостью большинства общества. Тогда необходимо должны наступить такія явленія, какъ торговые кризисы и пауперизмъ. Что касается торговыхъ кризисовъ, то понятно, что если покупная сила большинства падаетъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ возвышается производительность, то чрезмѣрное производство должно проявляться раньше, нежели удовлетворены сполна потребности общества. По той же причинѣ возникаетъ и пауперизмъ, т.-е. приходитъ въ окончательное разстройство экономическое положеніе массъ, одновременно съ развитіемъ ихъ потребностей.

Въ этихъ „естественныхъ“ законахъ обмѣна, предоставленнаго самому себѣ, лежитъ ключъ къ экономическимъ проблеммамъ настоящаго. Тѣ предположенія, изъ которыхъ только-что были выведены, какъ необходимыя послѣдствія, такія явленія, какъ пауперизмъ и торговые кризисы, въ настоящее время, дѣйствительно, осуществляются, и общество не издало еще никакихъ „разумныхъ“ законовъ, чтобы удержать въ уздѣ сдѣлавшіяся также дѣйствительными послѣдствія фактически дѣйствующихъ предположеній. Производительность, дѣйствительно, возросла въ чрезвычайно высокой степени, и хотя въ фабрикаціи и въ транспортѣ она увеличилась еще гораздо болѣе, нежели въ производствѣ суровья, но значительно возвысилась и въ этомъ послѣднемъ. Сверхъ того національный продуктъ увеличился еще весьма сильно вслѣдствіе увеличенія производительной силы отъ возростанія цифры населенія. Что же касается заработной платы, то она въ Европѣ никогда не стояла въ теченіи продолжи-

тельнаго времени или очень многимъ—выше точки необходимыхъ потребностей рабочаго. Этотъ-то образъ распредѣленія національнаго продукта и подарилъ общество пауперизмомъ и торговыми кризисами. Нѣтъ болѣе такого слѣпаго оптимизма, такого себялюбія, которое оказалось бы настолько ограниченнымъ, чтобы отрицать ту силу, съ которою эти явленія взошли въ жизнь и привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Споръ ведется уже не о существованіи этихъ явленій, а только о способахъ исцѣленія и вспомоществованія. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ возростать, съ одной стороны, производительность, а съ другой стороны, и послѣдствія ея при дѣйствіи свободнаго обмѣна—кризисы и пауперизмъ. Химія и механика мало-по-малу дѣлаютъ человѣка новымъ творцомъ, который имѣетъ призваніе и волю пополнять природу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ея дѣйствіе недостаточно. Одно только земледѣліе не извлекло еще особенной выгоды изъ успѣховъ химіи и механики. Только въ настоящее время начинаетъ земледѣльческая химія открывать сельскому хозяйству виды на будущее, которые въ концѣ концовъ дадутъ обществу такую же силу для созданія питательнаго матеріала, какою оно обладаетъ въ настоящее время для производства любаго количества сукна, если только имѣются для этого необходимые запасы шерсти. И, несмотря на то, если никакіе разумные законы не будутъ противопоставлены законамъ „естественнымъ“, пауперизмъ и торговые кризисы будутъ и впредь сопровождать дѣйствительность, и общество попрежнему будетъ находиться въ обладаніи производительныхъ силъ, дѣятельность которыхъ могла бы оказать помощь всѣмъ, но которыя не должны будутъ дѣйствовать, для того, чтобы не повредить всѣмъ. Потерпитъ-ли общество что-либо подобное? Удастся ли школѣ, ратующей за свободу (манчестерцы) свое собственное смѣшеніе творчества и исторіи, природы и общества, привить также и этому

послѣднему? Не думаемъ. Только въ природѣ вещи и отношенія носятъ свой разумный законъ сами въ себѣ. въ обществѣ они требуютъ этого отъ человѣка. Обществу слѣдуетъ выйти изъ того болѣзненнаго противорѣчія, изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ его держатъ „естественные“ законы обмѣна, замѣняя эти „естественные“ законы, насколько они вредны, законами разумными. Ему необходимы для этого только ясное міровоззрѣніе и нравственная сила. Первое должны заострить ему экономисты, второе оно должно пріобрѣсти себѣ само.

III.

Общія достоинства изслѣдованій Родбертуса. — Разграниченіе общественно-экономической и частно-экономической точекъ зрѣнія.—Чрезмѣрныя обобщенія. — Оцѣнка ученія о кризисахъ.—Нѣсколько замѣчаній по поводу ученія о мѣновой цѣнности и о раздѣленіи труда. — Оцѣнка значенія, придаваемаго авторомъ праву.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ изложены нами in extenso основныя начала ученія Родбертуса. То же самое ученіе, согласно принятой имъ манерѣ изложенія, онъ развиваетъ концентрически на протяженіи какъ своей первой работы „Zur Erkenntniss etc“, такъ и послѣдующей части своего главнаго сочиненія, пополняя содержаніе его подробностями, объясненіями, историческими примѣрами и налегая въ особенности на характеристику своей собственной теоріи ренты въ отличіе отъ теоріи ренты Рикардо. Въ этомъ дальнѣйшемъ изложеніи, на ряду съ нѣкоторыми увлеченіями и промахами, Родбертусъ неоднократно высказываетъ новыя и преисполненныя важности экономическія истины, на которыхъ мы остановимъ въ свое время вниманіе читателя. Но, прежде чѣмъ послѣдовать за Родбертусомъ далѣе, сдѣлаемъ нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу только-что сказаннаго.

Первое крупное достоинство изслѣдованій Родбертуса, которое впрочемъ только впослѣдствіи обнаружится во весь свой ростъ, состоитъ въ томъ, что авторъ съумѣлъ себѣ представить экономическую жизнь общества не въ неподвижномъ состояніи, на подобіе экономистовъ англійской школы, а въ видѣ вѣчно движущагося и вѣчно измѣняющагося процесса историческаго развитія общества. Заслуга нашего автора по усвоенію себѣ этого пріема, никѣмъ болѣе неоспариваемаго, но все же недостаточно глубоко проникшаго въ сознаніе изслѣдователей, станетъ еще болѣе понятной, если мы примемъ во вниманіе, что онъ примѣняетъ его къ дѣлу въ своемъ ~~первомъ~~ теоретическомъ сочиненіи, т.-е. въ то время, когда такъ-называемая историко-экономическая школа еще почти не существовала. Но это далеко не все. Еще тогда, въ упомянутомъ сочиненіи своемъ, Родбертусъ, силою проницательности и логики, сдѣлалъ для уясненія общихъ законовъ экономической исторіи общества несравненно болѣе, чѣмъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ-экономистовъ, при всей ихъ громаднѣйшей начитанности. Правда, нашъ авторъ не увлекся столь популярною впослѣдствіи, quasi-научною манерою дѣлить хозяйственную исторію народовъ и человѣчества на возрасты юношескій, возмужалый и старческій, или на періоды варварства, среднихъ вѣковъ, процвѣтанія и упадка. Равнымъ образомъ онъ никогда не дѣлалъ попытки прилаживать и подгонять готовыя теоретическія формулы англійской школы къ сброшеннымъ какъ ни попало въ кучу экономическимъ фактамъ и анекдотамъ, выдавая первые за историческіе выводы изъ послѣднихъ, какъ неоднократно поступали нѣкоторые историки-экономисты. Такъ, напр., онъ не только не могъ открыть категорію капитала и заработной платы въ быту охотничьихъ кочевыхъ народовъ [5]), но даже

[5]) См., напр., у *Wilhelm'a Roscher'a*, „Die Grundlagen der Nationaloeconomie“, 10 Auflage 1873, S. 375: „на весьма низкой ступени куль-

самое подобное открытіе считалъ не болѣе какъ баснословнымъ Но зато Родбертусъ успѣлъ подмѣтить въ экономической исторіи общества нѣчто гораздо болѣе рельефное и яркое, нежели всевозможные періоды и возрасты, а именно, постепенное измѣненіе съ теченіемъ времени тѣхъ учрежденій, понятій и явленій, которыя признавались до него, частью неизмѣнными и вѣчными, частью вышедшими во всеоружіи на поприще исторіи. Установленіемъ болѣе или менѣе явственнаго различія между такъ-называемыми имъ историческими и логическими категоріями народной экономіи нашъ авторъ впервые создаетъ ту перспективу между кратковременными и долговременными, мѣстными и всеобщими хозяйственными явленіями, отсутствіе которой отнимало такъ много вѣса у изслѣдованій классическихъ экономистовъ и повело къ забавнымъ промахамъ послѣдователей ихъ „историковъ“. Такъ, онъ вноситъ въ науку весьма важное разграниченіе между капиталомъ самимъ по себѣ, т.-е. орудіями производства, и капиталомъ историческимъ, или капиталомъ въ собственномъ смыслѣ слова, онъ признаетъ мѣновую цѣнность въ отличіе отъ полезности не болѣе какъ временною, историческою категоріею, онъ помѣщаетъ ренту вообще на болѣе ранней ступени исторіи, нежели поземельную ренту и прибыль, онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за развитіемъ мѣновыхъ сношеній и впервые кладетъ основанія генетической теоріи денегъ. Читатель, безъ сомнѣнія, согласится, что всѣхъ этихъ заслугъ за-глаза достаточно для того, чтобы отвести Родбертусу одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ ряду

туры, на которой капиталъ въ высшей степени *рѣдокъ* и поземельная рента *едва-едва существуетъ*, заработная плата, при всемъ ничтожествѣ своего абсолютнаго размѣра, должна поглощать наибольшую часть продукта. Такъ бываетъ у охотничьихъ народовъ (!!)“. Любопытно бы узнать, что̀ подѣлываютъ гг. охотники-капиталисты и охотники-помѣщики въ то время, какъ ихъ охотники-работники занимаются добываніемъ для нихъ прибыли и ренты?

экономистовъ, тѣмъ болѣе, что установленныя имъ научныя понятія, относясь къ наиболѣе общимъ законамъ экономической исторіи, являются вполнѣ необходимою ступенью къ частнѣйшему ориентированію въ ней.

Всѣ эти и многіе другіе важные результаты, вѣроятно, не были бы достигнуты Родбертусомъ, если бы онъ не составилъ себѣ предварительно болѣе или менѣе яснаго понятія объ общихъ требованіяхъ того метода, которому необходимо слѣдовать при изученіи общественно-экономическихъ вопросовъ. Сказанное выше самимъ Родбертусомъ относительно различія между частно-хозяйственнымъ, т.-е. болѣе или менѣе господствующимъ, и общественно-экономическимъ воззрѣніемъ на народную экономію настолько вразумительно, что, повидимому, не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Замѣтимъ только мимоходомъ, что упрекъ Родбертуса политической экономіи за ея чрезмѣрныя индивидуалистическія наклонности мы признаемъ вполнѣ заслуженнымъ и основательнымъ. Основу правильнаго метода, сказалъ себѣ нашъ авторъ, слѣдуетъ искать въ самомъ предметѣ изученія Такимъ предметомъ изученія является для экономиста не частная, а общественная экономія, а потому естественно, что и орудія своего изслѣдованія экономистъ долженъ заимствовать изъ области экономіи общества. Родбертусъ совершенно правъ, когда онъ обвиняетъ политическую экономію, что она разорвала на клочки то, что, вслѣдствіе раздѣленія труда, представляетъ неразрывное соціальное цѣлое, что можетъ существовать только при предположеніи подобнаго цѣлаго, и отъ этихъ то клочковъ пожелала снова подняться къ понятію цѣлаго. Политическая экономія, справедливо продолжаетъ онъ, приняла въ основаніе своихъ выводовъ понятіе объ имуществѣ отдѣльнаго лица, не подумавши о томъ, что имущество лица, соединеннаго въ общество съ другими, есть нѣчто совершенно иное, нежели имущество индивидуума, ведущаго вполнѣ изолированное хозяйство.

Иными словами, ошибка экономистовъ въ ихъ пріемѣ изученія народной экономіи состояла въ томъ, что, разсматривая современнаго индивидуума отдѣльно отъ сложнаго общества, плоть и кровь котораго онъ составляетъ, они представляли его себѣ подъ видомъ одной изъ многихъ совершенно однородныхъ единицъ, механическое соединеніе которыхъ будто бы и образуетъ цѣлое общество, на подобіе того, какъ лѣсъ образуется изъ множества деревьевъ, стадо изъ множества животныхъ и т. п. Нѣчто подобное, дѣйствительно, и представляютъ всѣ члены одного рыболовнаго, охотничьяго или кочеваго собранія людей, всѣ члены земледѣльческой общины, занимающіеся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Но экономисты, очевидно, не обратили вниманія на то, что отдѣльные индивидуумы, входящіе въ составъ современнаго экономическаго общества, *равны* между собою въ однихъ отношеніяхъ (напр., какъ товаровладѣльцы) и чрезвычайно *различны* въ другихъ (общественное дѣленіе труда), и что именно на этомъ-то различіи и покоится ихъ связь между собою и съ цѣлымъ обществомъ. Отсюда ясно, что, исходя изъ разсмотрѣнія современнаго индивидуума и его отдѣльнаго хозяйства,—этихъ клочковъ предварительно разорваннаго цѣлаго, дѣйствительно, невозможно придти къ построенію современнаго общественно-экономическаго строя, такъ какъ цѣлое и части въ данномъ случаѣ не равны. Если же въ добавокъ къ этому принять еще въ соображеніе и то, что наиболѣе существенный признакъ современнаго *индивидуума* и его хозяйственной дѣятельности состоитъ въ его *спеціальной работѣ*, разсчитанной на удовлетвореніе потребностей *общества*, то несостоятельность господствующаго индивидуалистическаго воззрѣнія сдѣлается совершенно очевидной.

Считая вѣское и категорическое указаніе Родбертуса на различіе между частнымъ и общественнымъ хозяйствомъ за одну изъ самыхъ крупныхъ, отличающихъ

его заслугъ, мы все же должны сдѣлать замѣчаніе, что не вполнѣ согласны съ нѣкоторыми изъ тѣхъ выводовъ, которые онъ сооружаетъ на упомянутомъ различіи. Такъ, напр., намъ кажется, что изъ указанной имъ связи между отдѣльными хозяйствами ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что такъ-называемые имъ „національное богатство", „національный продуктъ" и „національный капиталъ" представляютъ что-либо отличное отъ частныхъ капиталовъ и продуктовъ даннаго народа въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Думать такимъ образомъ значило бы погрѣшать въ направленіи, противоположномъ тому, на которое ополчается Родбертусъ, а именно, вопреки экономистамъ, подъ простымъ сборнымъ наименованіемъ предполагать такое тѣсное сближеніе вещей, какого въ дѣйствительности не существуетъ. Что авторъ въ данномъ случаѣ нѣсколько уклоняется отъ истины и абстракцію національнаго имущества превращаетъ въ плоть и кровь, это прекрасно можно видѣть изъ той примѣрной параллели, которую выше онъ проводитъ между „національнымъ" и „частно-правнымъ" завѣдываніемъ индустріей общества. Отъ понятія о „національномъ продуктѣ", какъ о чемъ-то совершенно реальномъ не только въ экономическомъ, но и въ юридическомъ смыслѣ слова, только и остается шагъ къ идеѣ „національнаго" завѣдыванія индустріей. Какъ примѣръ для выясненія различія между такимъ народнымъ хозяйствомъ, которое велось бы планомѣрно, и существующимъ, т.-е. пущеннымъ на произволъ отдѣльныхъ лицъ, параллель Родбертуса можетъ быть признана замѣчательно удачною. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о той формѣ, въ которой, согласно представленіямъ Родбертуса, должно осуществиться означенное планомѣрное веденіе хозяйства: своею узкостью и строгой дисциплиной форма эта немножко напоминаетъ королевско-прусскую казарму, не говоря уже о томъ, что, по какому-то странному недоразумѣнію,

ей, очевидно, предназначено служить для „совмѣщенія несовмѣстимаго“, существующихъ условій производства (организаціи въ обществѣ труда) съ *будущими* условіями распредѣленія, теперешней экономіи общества съ имѣющимъ еще установиться правомъ. Недоразумѣніе это произошло, повидимому, оттого, что Родбертусъ приписываетъ праву слишкомъ самостоятельное значеніе въ хозяйственной жизни общества, между тѣмъ какъ право есть не болѣе не менѣе, какъ юридическое отраженіе соотвѣтствующаго экономическаго строя *).

Основное положеніе ученія Родбертуса, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что относительная доля продукта, получаемая рабочимъ классомъ подъ видомъ заработной платы, въ силу указываемыхъ имъ причинъ, не только не догоняетъ все болѣе и болѣе возрастающей производительности труда, но значительно отъ нея отстаетъ. Въ такомъ общемъ видѣ положеніе это не можетъ подлежать спору. Чтобы убѣдиться въ справедливости его, достаточно сравнить возрастаніе въ послѣднее пятидесятилѣтіе, напр., въ Великобританіи и въ Соединенныхъ Штатахъ богатства, съ одной стороны, и народонаселенія вообще и рабочаго въ частности, съ другой. Но когда Родбертусъ, исходя изъ этой общей истины, дѣлаетъ смѣлую попытку объяснить съ ея помощью такія вещи, какъ экономическіе кризисы, пауперизмъ и желѣзный законъ заработной платы, то онъ считаетъ за доказанное то, что̀ ему еще предстояло доказать. Дѣло въ томъ, что одного, сравнительно болѣе быстраго увеличенія производительности труда, нежели относительной заработной платы,—которое, повторяемъ, представляетъ не подле-

*) Полагаемъ, что, будучи, въ извѣстной степени, произведеніемъ экономическаго строя, право вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ факторовъ общественной жизни.

Ред.

жащій сомнѣнію фактъ,—еще недостаточно для объясненія періодическихъ возвратныхъ толчковъ, которые, подъ именемъ кризисовъ, вносятъ такое чрезмѣрное разстройство въ современное народное хозяйство. Чтобы отдать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о происхожденіи кризисовъ необходимо было отъ общихъ основаній вопроса спуститься до изслѣдованія отдѣльныхъ фазисовъ развитія новѣйшаго хозяйства, каковы мануфактурная и фабричная индустрія. Этого Родбертусъ еще не сдѣлалъ, а потому и долженъ былъ прибѣгнуть къ объясненію сравнительно частнаго экономическаго явленія, свойственнаго главнымъ образомъ XIX столѣтію, съ помощью общей экономической причины, дѣйствіе которой обнимаетъ гораздо болѣе обширный періодъ времени. Такъ, мы видѣли, что происхожденіе кризисовъ Родбертусъ выводитъ изъ того факта, что покупная сила рабочаго класса остается позади производительной силы труда и потому теряетъ соотвѣтствіе съ нею. Но ни одинъ изъ донынѣшнихъ кризисовъ не приводилъ еще къ окончательной потерѣ этого соотвѣтствія, т.-е. къ совершенному прекращенію обмѣновъ и закрытію рынковъ, иными словами, *эластичность* рынковъ до настоящаго времени оказывалась постоянно настолько значительною, что, по окончаніи возвратныхъ толчковъ, давала имъ возможность постепенно поглотить бо́льшую часть произведеннаго. Никто, разумѣется, не поручится за то, что такое состояніе вещей будетъ продолжаться вѣчно, и, если вѣрить опытнымъ людямъ, то по́слѣдній кризисъ, по объему и распространенію своего дѣйствія далеко оставляющій за собою всѣ прежніе, принимаетъ уже хронической характеръ и, повидимому, является провозвѣстникомъ совершенно новаго экономическаго строя. Но такъ какъ до настоящаго времени болѣе быстрое возрастаніе производительности труда, чѣмъ заработной платы, не имѣло тѣхъ послѣдствій, на какія указываетъ Родбертусъ, т.-е. не повлекло за собою *по-*

стояннаго нарушенія равновѣсія между покупною силою общества и производительною силою труда, то для выясненія имѣющихся на лицо *временныхъ* нарушеній таковаго необходимо было обратиться къ другимъ болѣе близкимъ и болѣе конкретнымъ причинамъ. Крупная индустрія съ ея машинами, попеременное образованіе и новое поглощеніе индустріально-резервной арміи, и давленіе незанятыхъ рабочихъ на занятыхъ, — вотъ главнѣйшая причина современныхъ экономическихъ кризисовъ, желѣзнаго закона рабочей платы, и сопровождающаго ихъ пауперизма, причина столь же новая и исключительная, какъ и самые кризисы и пауперизмъ.

Отлагая до одной изъ слѣдующихъ главъ оцѣнку теоріи ренты Родбертуса, которую онъ развиваетъ впослѣдствіи подробнѣе, привлекаетъ вниманіе читателя къ тому, что авторъ имѣетъ уже совершенно отчетливое понятіе объ историческомъ развитіи цѣнности, мѣновой цѣнности и денегъ. Съ замѣчательною прозорливостью, онъ, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ настаиваетъ на томъ, что мѣновая цѣнность становится рыночною цѣнностью лишь тогда, когда каждый участникъ производитъ только полезность для другихъ,—*когда одинъ работаетъ на всѣхъ, а всѣ на одного.* Въ изолированныхъ, случайныхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ, говоритъ онъ, можетъ быть рѣчь только о мѣновой цѣнности одного обмѣниваемаго предмета относительно другаго, получаемаго въ обмѣнъ, и эта мѣновая цѣнность находится подъ вліяніемъ индивидуальнаго спроса и предложенія. Всякій серьезный изслѣдователь, вѣроятно, пойметъ съ перваго взгляда, какая величайшая важность заключалась въ правильномъ объясненіи этого экономическаго факта, — объясненіи, служащемъ ключемъ къ принятію всей современной экономической системы, въ ея взаимно отношеніи съ правомъ. Именно, отсутствіе правильнаго представленія о немъ у весьма многихъ экономистовъ,

которые современныхъ производителей товаровъ разсматривали только какъ мелкихъ хозяевъ, сбывающихъ на сторону излишекъ отъ своего собственнаго потребленія, слѣдовательно, собственную полезность, а не полезность для другихъ, и повело ко многимъ, весьма серьезнымъ научнымъ заблужденіямъ.

Не меньшею глубиною воззрѣнія отличается и то мѣсто сочиненія Родбертуса, въ которомъ онъ объявляетъ мѣновую цѣнность одною только историческою категоріею Изученіе быта дикарей и полудикарей совершенно убѣждаетъ въ томъ, что они часто лишены всякаго представленія о мѣновой цѣнности. Только смѣшеніе мѣновой цѣнности съ полезностью для общества,—черту общею нашему автору со многими другими нѣмецкими писателями, — нельзя поставить въ особенную заслугу Родбертусу. Онъ находился близко у истиннаго рѣшенія этого вопроса, когда настаивалъ на томъ, что въ системѣ раздѣленнаго производства каждый участникъ производитъ полезность для другихъ, но все же до него не добрался. А между тѣмъ ларчикъ открывался очень просто: мѣновая цѣнность объединяетъ отдѣльныя полезности для другихъ, потому что служитъ мѣновымъ выраженіемъ затраты, общечеловѣческаго труда, въ отличіе отъ того же труда, создающаго специфическія полезности для общества.

Сдѣлаемъ въ заключеніе этой главы еще то общее замѣчаніе, что Родбертусъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ преувеличиваетъ созидающую роль имущественнаго права въ современной хозяйственной системѣ. Согласно приводимому имъ воззрѣнію, механизмъ распредѣленія собственности является единственною причиною кризисовъ и пауперизма, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности самый этотъ механизмъ есть только юридическая формулировка соотвѣтствующей организаціи производства. О какой собственности, кромѣ все болѣе и болѣе крупной, можетъ идти рѣчь въ обще-

ствѣ, состоящемъ изъ пожизненныхъ спеціалистовъ съ централизированнымъ машиннымъ производствомъ и съ децентрализированнымъ потребленіемъ богатства

Но обратимся снова къ покинутому нами на время изложенію содержанія изслѣдованій Родбертуса.

Николай Зиберъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАРЛЪ РОДБЕРТУСЪ-ЯГЕЦОВЪ И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ *).

(Продолженіе)

IV.

Экономическое благо составляетъ результатъ труда —Раздѣленіе труда не измѣняетъ этой истины.—Но она затемняется a) невѣрными представленіями о капиталѣ, который сравнивается съ запасомъ въ изолированномъ хозяйствѣ и къ которому неправильно причисляется также и заработная плата, и b) смѣшеніемъ общественно-экономическаго факта—стоимости товара съ частно-хозяйственнымъ—издержками предпринимателя.—Земледѣліе и фабрики совмѣстно производятъ всѣ три отрасли дохода.—Различныя теоріи происхожденія чистаго дохода — Теорія Родбертуса

Первое исходное положеніе теоріи автора есть то, что всякое хозяйственное добро есть продуктъ труда, или, что̀ то же самое, что производительна одна только работа. Положеніе это означаетъ, вопервыхъ, что только то добро принадлежитъ къ хозяйственнымъ, которое стоило труда, вовторыхъ, что всякое хозяйственное добро есть продуктъ труда, а не природы или иной силы. За исключеніемъ труда не существуетъ ничего такого, чего добро могло бы еще стоить, или, говоря иначе, трудъ есть единственный элементъ въ исторіи возникновенія добра, который можетъ быть

*) См. „Юридич. Вѣсти.“ 1881 г., январь.

понять съ точки зрѣнія его стоимости. Къ понятію труда существенно принадлежитъ какъ то, что сдѣлано *усиліе*, котораго поэтому невозможно повторить по отношенію къ чему-либо другому, такъ и то, что усиліе это сдѣлано *субъектомъ*, котораго постигаетъ невозвратимость таковаго. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается источникъ того, что только *одному человѣку* вещь можетъ что-нибудь стоить Обоимъ этимъ критеріямъ понятіе работы, расходуемой человѣкомъ для усвоенія матеріальнаго добра, соотвѣтствуетъ въ полнѣйшей мѣрѣ Передъ лицомъ богатства или бѣдности природы человѣкъ стоитъ единственно съ своимъ трудомъ. Расходъ этого труда необходимъ для производства предметовъ потребленія. Расходъ этотъ, разъ потраченный, не можетъ быть потребленъ для доставленія другаго добра. Расходъ этотъ настигаетъ одного только человѣка, такъ какъ онъ состоитъ изъ его силы и его времени, а то и другое ограниченно, сравнительно съ безконечнымъ множествомъ добра. Итакъ, если данное добро стоитъ человѣку израсходованнаго имъ труда, то въ исторіи возникновенія добра не существуетъ ничего иного, что̀ находилось бы къ человѣку въ такомъ же отношеніи, относительно чего можно было бы сказать, что оно *стоитъ* человѣку столько-то, для усвоенія добра. Кто въ экономической сферѣ представляетъ себѣ добро иначе, тотъ или *олицетворяетъ* природу, или понимаетъ дѣло съ *естественно-научной*, а не съ *хозяйственной точки зрѣнія*. Человѣкъ можетъ быть очень благодаренъ природѣ за то, что выполняется ею по отношенію къ хозяйственному добру, такъ какъ участіе природы сберегаетъ его трудъ, но хозяйство обращаетъ на это вниманія не болѣе того, насколько работа дополняетъ дѣло самой природы. Подобно тому, какъ тотъ или другой родъ добра представляетъ хозяйственное добро лишь вслѣдствіе наличности въ немъ этой силы,—онъ представляетъ таковое исключительно въ размѣрѣ этой силы. Это основное положеніе получило

почти полныя права гражданства среди англійскихъ экономистовъ, и, что̀ еще важнѣе, оно неизгладимо запечатлѣно въ сознаніи народа, несмотря ни на какіе софизмы ученія, питающаго заднія мысли.

Истина эта не измѣняется ни вслѣдствіе раздѣленія труда, ни вслѣдствіе существованія собственности на почву и на капиталъ, ни вслѣдствіе того, что человѣку удается производить все болѣе и болѣе предметовъ потребленія при помощи все меньшаго и меньшаго количества труда. Раздѣленіе труда влечетъ за собою лишь то послѣдствіе, что не *одно*, а *различныя* лица выполняютъ различныя работы, требуемыя, напр., для производства сюртука, начиная отъ обработки почвы подъ прокормленіе овцы и кончая шитьемъ сукна, и что это раздѣленіе труда влечетъ за собою въ концѣ концовъ также и дѣленіе продукта. Но раздѣленіе труда нисколько не препятствуетъ тому, чтобы сюртукъ былъ продуктомъ только той матеріальной работы, которая одинаково необходима для производства его какъ до раздѣленія труда, такъ и по раздѣленіи послѣдняго. Собственность на землю и капиталъ производитъ только то, что эти работы предпринимаются на службѣ у землевладѣльца и капиталиста, и что поэтому продуктъ работы принадлежитъ прежде всего имъ, между тѣмъ какъ рабочіе получаютъ изъ этого продукта свою заработную плату. Но продуктъ не перестаетъ вслѣдствіе этого быть продуктомъ однихъ только этихъ рабочихъ, не становится поэтому также и продуктомъ означенныхъ землевладѣльца и капиталиста, т.-е. ихъ почвы и капитала, а не личнаго труда, насколько этотъ послѣдній принимаетъ дѣйствительное участіе въ производствѣ. Относительно этого положенія въ передовой политической экономіи также не спорятъ болѣе, какого бы кто ни придерживался мнѣнія на счетъ правомѣрности подобной ренты. Даже Бастіа и самъ Тьеръ въ своей книгѣ „О собственности“ допускаютъ, что поземельная рента и прибыль съ капи-

тала суть продукты труда, что же касается до англійскихъ экономистовъ, то они никогда не оспаривали этого. Наконецъ, если человѣку удается производить болѣе товаровъ при помощи меньшаго труда, то отъ этого работа только становится болѣе производительной. Если работа на плодородномъ полѣ приноситъ болѣе продукта, чѣмъ на безплодномъ, то въ первомъ случаѣ она лишь производитъ болѣе, она становится только производительнѣе, чѣмъ во второмъ. Если рабочій при помощи струга можетъ настрогать въ то же самое время и лучше и болѣе досокъ, чѣмъ при помощи камня, то опять-таки работа становится отъ этого лишь болѣе производительной. Строганье досокъ въ первомъ случаѣ стоило бы менѣе, нежели во второмъ, говоря точнѣе, въ первомъ случаѣ, кромѣ непосредственной работы строганья оно стоило бы также той работы, которую потребно было къ ней присоединить вслѣдствіе стиранья струга, но, несмотря на то, оба эти количества работы, пошедшія на строганье досокъ, оказываются гораздо меньше, нежели въ томъ случаѣ, если бы работа была выполняема безъ струга. Но ни подъ какимъ видомъ нельзя разсматривать съ хозяйственной точки зрѣнія одну часть продукта съ плодороднѣйшаго поля, какъ продуктъ почвы или капитала, какъ таковыхъ, а не какъ продуктъ затраченной въ нее работы, ни подъ какимъ видомъ нельзя смотрѣть на одну долю строганья досокъ стругомъ, какъ на продуктъ дѣйствующей въ стругѣ естественной силы, или ея владѣльца, какъ таковаго, а не какъ на продуктъ работы. Съ хозяйственной точки зрѣнія, каждое отдѣльное количество продукта, какъ съ менѣе, такъ и съ болѣе плодороднаго поля, какъ до употребленія струга, такъ и по употребленіи его, слѣдуетъ разсматривать какъ продуктъ работы, только въ одномъ случаѣ бо́льшей, а въ другой меньшей работы, въ одномъ случаѣ одной непосредственной, а въ другомъ и посредственной и непосредственной, вмѣстѣ взятыхъ.

Изъ этихъ болѣе благопріятныхъ количественныхъ или качественныхъ отношеній продукта къ работѣ возникаетъ только представленіе о производительности труда. одно изъ важнѣйшихъ понятій нашей науки, а нисколько не измѣненіе основнаго положенія, что всякій хозяйственный продуктъ есть единственно продуктъ работы.

Несмотря на всю свою простоту, разсматриваемая нами истина нерѣдко затемняется въ теоріи совершенно невѣрными соображеніями. Нѣкоторые писатели пошли такъ далеко, что стали причислять къ *издержкамъ* стоимости *товаровъ* всю совокупность различныхъ отраслей дохода—*заработную плату*, *прибыль и ренту*. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ двоякая ошибка: а) невѣрное представленіе о капиталѣ, благодаря которому заработную плату причисляютъ къ капиталу наравнѣ съ орудіями и матеріаломъ, между тѣмъ какъ она принадлежитъ къ одной и той же категоріи съ рентою и прибылью; b) смѣшеніе стоимости товара съ издержками предпринимателя.

а) Понятіе о капиталѣ извращается слѣдующимъ образомъ. По примѣру Ад Смита, запасъ матеріала, орудій и средствъ существованія, принадлежащій производителю, ведущему изолированное хозяйство, принимается вполнѣ соотвѣтствующимъ нынѣшнему частному капиталу. Такъ какъ при раздѣленіи труда также должны существовать для всякаго предпріятія матеріалы и орудія, при помощи которыхъ ведется производство, и запасъ средствъ, при помощи которыхъ рабочій существуетъ въ теченіи производства, то отсюда дѣлается тотъ ошибочный выводъ, что заработная плата каждаго предпріятія стоитъ на ряду съ матеріалами и орудіями, въ качествѣ столь же необходимаго предварительнаго запаса производства. Выводъ этотъ заключаетъ въ себѣ не менѣе трехъ заблужденій: 1) Нѣтъ возможности признавать запасъ непосредственныхъ благъ, находящихся въ обладаніи чело-

вѣка, ведущаго изолированное хозяйство, за его капиталъ, или за его запасъ, соотвѣтствующій нынѣшнему капиталу. Матеріалы и орудія въ такомъ хозяйствѣ дѣйствительно находятся къ продукту въ отношеніи капитала. Они произведены лишь для того, чтобы съ ихъ помощью производить продуктъ, и послѣдній всегда будетъ соотвѣтствовать ихъ свойству и объему. Но самыя средства существованія при этомъ производятся только для того, чтобы ими жить, а не для того, что бы они давали силу производить далѣе. Они составляютъ доходъ того періода, въ который они произведены. Кромѣ того, понятіе капитала можетъ быть поставлено въ противоположность только понятію дохода или чистаго продукта. Если же средства существованія. подобно матеріалу и орудіямъ, разсматривать въ видѣ капитала, то для человѣка, ведущаго изолированное хозяйство, никакое благо не будетъ капиталомъ, ибо весь его продуктъ представляетъ или непосредственные или посредственные (матеріалъ и орудія) предметы потребленія. 2) Даже и при состояніи раздѣленія труда въ началѣ производства не существуетъ никакого запаса средствъ существованія, изъ котораго бы должна быть уплачена заработная плата за послѣдующее производство, иными словами. заработная плата выдается *совсѣмъ не изъ запаса* средствъ существованія, состоящаго на лицо уже при самомъ началѣ производства. Заработная плата есть скорѣе доля *продукта*, т.-е. продукта того періода, за который она выдается, и представляло бы величайшую расточительность держать заработную плату въ натуральномъ видѣ при самомъ началѣ производства. Напротивъ, наиболѣе важная по своимъ послѣдствіямъ особенность раздѣленія труда именно въ томъ и состоитъ, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности работа идетъ въ *одно и то же время*. Въ то время, какъ на самой низшей ступени производства постоянно добывается изъ земли матеріалъ, на послѣдующей ма-

теріалъ постоянно превращается въ полуфабрикатъ, а на самой верхней постоянно заканчивается производство товаровъ. Итакъ, если въ какомъ-нибудь предпріятіи, въ которомъ могутъ производиться не средства существованія, а совершенно иныя блага, рабочіе трудятся одинъ день, одну недѣлю или одинъ мѣсяцъ, то на ряду съ ними въ тотъ же день, въ ту же недѣлю, въ тотъ же мѣсяцъ заканчивается производство средствъ существованія. *Именно изъ этихъ-то производимыхъ одновременно средствъ существованія и получаетъ рабочій свою плату.* То же самое, что̀ составляетъ результатъ труда извѣстнаго періода, есть продуктъ того же періода, или, говоря проще, продуктъ въ противоположность капиталу, и такимъ образомъ рабочіе вознаграждаются не изъ капитала, не изъ запаса, существующаго уже при началѣ ихъ работы, а изъ собственнаго ихъ продукта, или, если этотъ послѣдній не состоитъ самъ въ средствахъ существованія, то изъ тѣхъ средствъ существованія, которыя составляютъ продуктъ того же періода, за какой они получаютъ свою плату. 3) Само собою разумѣется, что и въ состояніи раздѣленія труда, при началѣ производства состоитъ уже на лицо извѣстный запасъ средствъ существованія, а именно тотъ, которымъ живетъ рабочій во время самой работы Однако этотъ запасъ не тотъ, изъ котораго выдается заработная плата за ту работу, о которой идетъ рѣчь. Онъ ведетъ свое начало въ качествѣ дохода изъ предшествующаго періода, для котораго онъ въ свое время былъ заработною же платою, но такъ же точно въ качествѣ лишь части продукта. Этотъ запасъ аналогиченъ тому запасу, которымъ обладалъ человѣкъ, ведущій изолированное хозяйство, и который также назывался не капиталомъ, а доходомъ. Рабочій всегда получаетъ свою плату по окончаніи работы, и, спрашивается, принадлежитъ-ли къ *капиталу* этого производства та заработная плата, которая выдается рабочему за какое бы то ни было производство? Въ насто-

ящее время предприниматель располагаетъ, прежде всего, подъ видомъ денежной суммы, требованіемъ, ордеромъ на любой фондъ товаровъ, представляющимъ до поры до времени индифферентный капиталъ. Принимаясь за опредѣленное дѣло, онъ превращаетъ свой ордеръ въ соотвѣтствующіе матеріалы и необходимыя орудія. Эти послѣднія должны во всякомъ случаѣ существовать въ наличности и становятся капиталомъ въ тотъ моментъ, когда рабочій начинаетъ производство. При всемъ томъ рабочему никогда не выдается плата до исполненія работы, а только по доставленіи имъ продукта, хотя бы этотъ послѣдній не былъ еще совершенно готовъ для потребленія. Тутъ возможны два случая. Или предпріятіе по самой своей природѣ идетъ такъ быстро, что предприниматель вознаграждаетъ рабочаго изъ самой выручки этого продукта, или, что̀ случается чаще, время расплаты приходитъ раньше, чѣмъ приведенъ къ окончанію и проданъ продуктъ. Въ первомъ случаѣ фондъ предпринимателя долженъ только покрывать необходимые матеріалы и орудія, а не заработную плату. Во второмъ случаѣ фондъ этотъ долженъ быть настолько большихъ размѣровъ, сколько нужно и для выдачи заработной платы. Однако, несмотря на то, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ рабочій одинаково получаетъ свое вознагражденіе изъ продукта, а не изъ того запаса благъ, который будто бы существовалъ, подъ видомъ капитала, при самомъ началѣ производства. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Первый случай долженъ быть ясенъ самъ по себѣ: рабочій, очевидно, получаетъ здѣсь свое вознагражденіе не изъ капитала предпринимателя, а въ видѣ доли продукта, все равно, натурой или деньгами. Тотъ запасъ, которымъ рабочій содержится во время производства, представляетъ не авансированный ему предпринимателемъ капиталъ, а просто заработную плату *за предыдущій періодъ*. Подобнымъ образомъ рабочій всегда авансируетъ самъ

себѣ капиталъ, все равно, вознаграждается-ли онъ изъ выручки продукта, или же еще до полученія ея изъ фонда предпринимателя. Однако и во второмъ случаѣ рабочій вознаграждается исключительно изъ продукта. Конечно, предприниматель долженъ имѣть фондъ, изъ котораго онъ платитъ рабочему. Но фондъ этотъ не есть запасъ средствъ существованія, который бы такъ же существовалъ при началѣ предпріятія, какъ матеріалы и орудія. Это просто денежный фондъ, фондъ требованія, который выдается рабочему за уже обнаруженный, хотя еще не вполнѣ законченный и не превращенный въ серебро продуктъ работы, и который рабочій, какъ и въ первомъ случаѣ, реализируетъ подъ видомъ продукта *того же времени*, за которое онъ получаетъ плату. Причина та, что вышеозначенная особенность раздѣленія труда дѣйствуетъ также и здѣсь, и различіе этого случая отъ перваго, состоящее въ томъ, что здѣсь предприниматель, кромѣ орудій и матеріаловъ, долженъ имѣть еще и денежный фондъ, проистекаетъ лишь отъ того обстоятельства, что періоды производства отдѣльныхъ отраслей сталкиваются между собою неравномѣрно. Рабочій только потому и получаетъ право на участіе въ продуктѣ подъ видомъ денежнаго требованія, что онъ *уже* доставилъ продуктъ, и продавецъ средствъ существованія только потому и можетъ реализировать для того это требованіе, что продуктъ уже существуетъ, и что въ деньгахъ, имъ получаемыхъ, онъ получаетъ гарантію своего вознагражденія продуктомъ, доставленнымъ рабочимъ. Говоря короче, хлѣбъ, которымъ живетъ рабочій, хотя и *хуже*, чѣмъ хлѣбъ рантье, но такъ же *свѣжъ*.

Но то обстоятельство, что въ фондѣ предпринимателя должно содержаться также и требованіе на средства существованія рабочаго, уже потому не можетъ дать намъ право относить заработную плату къ капиталу, наравнѣ съ орудіями и матеріалами, что въ такомъ

случаѣ то же самое должно было бы имѣть примѣненіе и къ прибыли и къ рентѣ. Предпринимателъ часто нуждается въ фондѣ, чтобы уплатить въ срокъ первую ренту или аренду. Арендаторъ, снимающій участокъ въ день Іоанна, уже въ день Михаила долженъ заплатить ренту и проценты за четверть года впередъ, не будучи въ состояніи привести до сихъ поръ къ окончанію оборотъ Очевидно, что на этомъ основаніи ренту и прибыль слѣдовало бы причислять къ капиталу точно такъ же, какъ и заработную плату. Но на это никто не согласится, хотя предприниматель одинаковымъ образомъ обязанъ платить изъ своего фонда поземельную ренту и проценты, какъ и заработную плату. и въ то же время то и другое суть не менѣе доли продукта, какъ и эта послѣдняя. Ясно поэтому, что коль скоро стала извѣстна природа заработной платы, какъ доли продукта, наравнѣ съ рентою и прибылью, то представляетъ не болѣе. какъ произволъ, причислять ее къ *капиталу*. т.-е., къ *орудіямъ* и *матеріаламъ*, а не къ *доходу*, какъ и прибыль съ рентою. Отдѣлять одну часть непосредственныхъ благъ и притомъ ту, которая образуетъ содержаніе бо́льшей части націи, отъ другой части ихъ, которую мы назвали доходомъ и которая служитъ для удовлетворенія потребностей ранѣе, значитъ поступать въ явное противорѣчіе съ новѣйшею идеею права и съ дѣйствительнымъ теченіемъ вещей. Читатель видитъ, что даже самое народно-хозяйственное воззрѣніе непроизвольно предполагаетъ еще рабство. Но въ такомъ случаѣ рабочіе были бы только болѣе совершенными машинами и ихъ средства существованія, переставая быть доходомъ, становились бы подобны пищѣ рабочаго скота или углю, потребляемому машиною, чего въ настоящее время ужъ болѣе допустить невозможно (?).

Если заработная плата уподобляется рентѣ, а не матеріалу и орудіямъ, то и капиталъ слѣдуетъ опредѣлять иначе, нежели это дѣлается въ господствующей

теоріи Въ такомъ случаѣ нужно отличать капиталъ въ узкомъ смыслѣ отъ капитала въ широкомъ смыслѣ, или отъ фонда предпріятія. Первый обнимаетъ дѣйствительный запасъ орудій и матеріаловъ, второй весь фондъ, необходимый при нынѣшнихъ отношеніяхъ раздѣленія труда для постановки на ноги какого-нибудь предпріятія. А именно, сообразно нынѣшнимъ отношеніямъ, фондъ предпринимателя долженъ быть достаточно великъ для того, чтобы не только поддерживать матеріалъ и орудія, но также выплачивать необходимую заработную плату и прибыль до полученія выручки за продуктъ. Обѣ части имѣютъ для предпринимателя одинаковую важность. Обѣ онѣ—имущество, и то, что онъ получаетъ въ производствѣ, онъ относитъ къ цѣлому фонду. Обѣ онѣ далѣе не только для предпринимателя, но, при нынѣшнихъ отношеніяхъ, и для самого общества одинаково необходимы при началѣ производства. При всемъ томъ только одна изъ нихъ дѣйствительно существуетъ при началѣ производства въ качествѣ предварительно накопленнаго запаса, другая же представляетъ лишь запасъ орудій обращенія, который первоначально не изображаетъ никакого дѣйствительно существующаго количества благъ въ натурѣ, а только части будущаго продукта, для ликвидаціи котораго онъ служитъ. Первый является абсолютно-необходимымъ для производства капиталомъ, второй имѣетъ только относительную необходимость, благодаря нынѣшнему состоянію производства Первый поэтому есть капиталъ въ собственномъ смыслѣ и только съ нимъ совпадаетъ понятіе національнаго капитала [6]).

---

[6]) Въ письмѣ къ проф. Вагнеру отъ 20 февраля 1875 года Родбертусъ писалъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Цѣлый міръ лежитъ между этими двумя понятіями—капиталъ самъ-по-себѣ и частный капиталъ. Вполнѣ схватить это различіе можно только въ томъ случаѣ, если представить себѣ античное государственное устройство, въ которомъ къ частному капиталу принадлежали также и сами люди, потомъ

b) Обращаясь къ другой ошибкѣ, совершаемой экономистами по отношенію къ занимающему насъ вопросу о трудѣ, какъ о единственномъ источникѣ стои-

обратить вниманіе на слѣдующій за нимъ всемірно-историческій слой, въ которомъ существуетъ только собственность на землю и на капиталъ, и, вслѣдствіе того, къ частному капиталу принадлежатъ еще и средства существованія рабочихъ; и наконецъ послѣ этого слоя уяснить себѣ періодъ будущаго, въ который продолжало бы существовать право собственности только на доходъ, что же касается до продукта націи и почвы, то этотъ послѣдній, до своего превращенія въ доходъ, принадлежалъ бы государству. Если послѣ этого начать разсматривать означенные три, лежащіе одинъ на другомъ, народно-экономическіе возраста, какъ они представляются въ профиль, и потомъ сравнить результаты горизонтальнаго разрѣза съ результатами вертикальнаго разрѣза, тогда можно въ точности видѣть, что̀ такое капиталъ самъ-по-себѣ (логическій) и что̀ такое частный (историческій) капиталъ. Простите мнѣ, что я постоянно прибѣгаю къ образамъ. При несчастномъ устройствѣ моего ума я всегда *вижу* все, даже и абстрактное, и потому часто объясняюсь по готтентотски для другихъ, хотя мнѣ самому все кажется яснымъ." И въ другомъ мѣстѣ. „На понятіи капитала исторія оставляетъ свои слѣды самымъ очевиднымъ и осязательнымъ образомъ и понятіе это представляетъ наиболѣе замѣчательный примѣръ того, какъ легко поверхностное научное воззрѣніе принимаетъ случайный историческій покровъ за самую сущность вещи. Это вы уже показали въ своемъ предыдущемъ изслѣдованіи и противопоставленіи капитала самого-по-себѣ и частнаго капитала. . Это должно подѣйствовать, хотя защитниковъ свободной торговли, которые не могутъ отдѣлаться отъ косы у себя за спиною, и не легко будетъ поймать на этотъ крючекъ. Прослѣдить это противорѣчіе между капиталомъ самимъ-по-себѣ и частнымъ капиталомъ, въ четырехъ различныхъ отношеніяхъ капитала,—въ чемъ состоитъ капиталъ, какъ возникаетъ капиталъ, какъ относится капиталъ къ доходу и какъ воспроизводится капиталъ,—по различнымъ послѣдовательнымъ историческимъ эпохамъ, представляетъ не малый интересъ. Я ограничусь пока вопросомъ, въ чемъ состоитъ капиталъ? Логическое понятіе о капиталѣ, что онъ есть продуктъ, предназначенный для дальнѣйшаго производства, включаетъ въ себѣ, *строю говоря*, только орудія и матеріалъ. Но исторія въ первый періодъ допускаетъ обращеніе въ капиталъ самихъ людей, а впослѣдствіи, при установленіи собственности на капиталъ и землю, оставляетъ въ капиталѣ еще собственность рабочихъ классовъ, потому что владѣльцы національнаго продукта предназначаютъ заработную плату для дальнѣйшаго производства, а также и деньги.... Только въ будущемъ содержаніе рабочихъ и деньги перестанутъ входить въ понятіе капитала".

мости, а именно къ смѣшенію ими стоимости производства съ издержками предпринимателя, мы должны замѣтить слѣдующее: если справедливо, что заработная плата принадлежитъ къ одной категоріи не съ матеріаломъ и орудіями, а съ поземельной рентою и прибылью на капиталъ, то она не принадлежитъ въ томъ же смыслѣ, какъ орудія и матеріалы, и къ стоимости произведенія. Рента же и прибыль съ капитала не представляютъ собою стоимости товара, а только издержки предпринимателя или предпріятія. Понятіе „стоимость товара“ относится къ понятію „издержки предпріятія“, точно такъ же, какъ понятіе капитала въ узкомъ смыслѣ относится къ понятію капитала въ широкомъ смыслѣ. Въ понятіи „стоимость товара“ становишься на чисто объективную точку отношенія стоимости. Оно должно быть, слѣдовательно, отвлечено отъ конкретныхъ обстоятельствъ, и означенное отношеніе должно быть принято во вниманіе абсолютно или само по себѣ. Тогда матеріалъ и орудія, насколько они потреблены, являются въ видѣ издержекъ, такъ какъ именно они, *а не поземельная рента и прибыль*, образуютъ абсолютный расходъ, производимый ради полученія товара. Рента и прибыль суть доли продукта, который произошелъ на свѣтъ, благодаря означенному абсолютному расходу, и было бы несоотвѣтственно сущности дѣла называть издержками продукта то, что составляетъ его дробь. Напротивъ того, предприниматель справедливо считаетъ *все*, что онъ долженъ израсходовать, за нѣчто такое, что ему слѣдуетъ истратить именно ради даннаго предпріятія, и, съ этой точки зрѣнія, различіе между издержками на матеріалъ и на орудія, съ одной, и заработною платою и рентою, съ другой стороны, исчезаетъ точно такъ же, какъ это было для предпринимателя и по отношенію къ капиталу Но съ этимъ вмѣстѣ покидается также и абсолютная, объективная точка зрѣнія, съ которой только и можно было говорить о стоимости производства. Рѣчь идетъ объ из-

держкахъ предпринимателя, изъ которыхъ наличность одной части требуется только при нынѣшнихъ условіяхъ. Стоимость же производства предмета потребленія представляетъ стоимость въ собственномъ смыслѣ слова, которая въ своихъ составныхъ частяхъ (прошлый и настоящій *трудъ*) остается вѣчною.

Второе важное положеніе теоріи автора заключается въ томъ, что поземельная рента, прибыль съ капитала и заработная плата представляютъ доходъ, и что поэтому ихъ не слѣдуетъ разсматривать только какъ часть земледѣлія или только какъ часть промышленности, хотя извѣстная ихъ доля получается уже на этой фазѣ производства, а другая исключительно на послѣдующей. Такъ какъ эти три отрасли національнаго продукта суть доходъ, и всѣмъ тремъ классамъ общества необходимо жить на нихъ, то для доставленія послѣднимъ пригодныхъ для потребленія товаровъ недостаточно ни одной только земледѣльческой, ни одной обрабатывающей промышленности, а нужно соединеніе той и другой. Земледѣліе даетъ только сырье, фабричная работа должна на немъ оставить и свои слѣды, обѣ должны быть соединены въ цѣлое, чтобы доставить продуктъ, пригодный для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Поэтому земледѣліе и фабрики работаютъ совмѣстно для всѣхъ трехъ классовъ общества, хотя отраслей дохода не одна, а три, такъ что поземельная рента, прибыль съ капитала и заработная плата производятся не одною только или другою изъ этихъ работъ, а всѣ вмѣстѣ соединеніемъ той и другой. Итакъ раздѣленіе общественнаго дохода на три отрасли происходитъ не въ производствѣ, какъ полагаетъ большинство экономистовъ, которые выводятъ ренту изъ однихъ только земледѣльческихъ работъ, а исключительно въ распредѣленіи *общаго* продукта всѣхъ означенныхъ различнаго качества работъ. Сельско-хозяйственная работа даетъ только сырой продуктъ, *цѣнность* котораго отлагаетъ поземельную ренту

или прибыль, или ту и другую вмѣстѣ, и эту цѣнность сырой продуктъ имѣетъ только потому, что фабричные рабочіе сотрудничаютъ съ земледѣльческими, чтобы довести до окончанія обработку товара. Такимъ же образомъ и фабричные рабочіе доставляютъ не болѣе, какъ свой собственный результатъ, т.-е. также лишь одну дробь обработки товара, дробь, *цѣнность* которой въ свою очередь опредѣляетъ долю. получаемую владѣльцемъ этой дроби въ продуктѣ сотрудничающихъ рабочихъ. Экономистамъ недоставало пониманія великаго народно-хозяйственнаго отношенія раздѣленія труда и потому отношеніе трехъ отраслей дохода къ этому послѣднему en masse они представляли себѣ иначе.

Спрашивается, благодаря какимъ причинамъ происходитъ то, что, хотя всякій доходъ есть исключительно продуктъ труда, въ обществѣ получаютъ доходъ лица, которыя пальцемъ не дотрогиваются до его производства? Подобныхъ личностей существуетъ безчисленное множество и даже цѣлые классы. Судья, завѣдывающій правомъ общества, врачъ, исцѣляющій его болѣзни, учитель, воспитывающій его дѣтей, получаютъ доходъ, на производство котораго они не потратили ровно никакого труда, который, слѣдовательно, очевидно представляетъ продуктъ работы другихъ лицъ. Всѣ эти лица получаютъ свой доходъ изъ того, что̀ экономисты назвали „производнымъ распредѣленіемъ богатства“, получаютъ его изъ дохода другихъ, которые принимаютъ участіе въ „первоначальномъ распредѣленіи богатства“, въ качествѣ справедливаго вознагражденія за столь же трудныя, какъ и необходимыя услуги, которыя они, съ своей стороны, оказываютъ обществу. Однако въ обществѣ существуютъ еще лица, которыя принимаютъ участіе въ этомъ „первоначальномъ распредѣленіи“ и изъ него получаютъ свой доходъ, не работая надъ его производствомъ и въ то же время не оказывая въ обмѣнъ за него полезныхъ услугъ обще-

ству или производителямъ общественнаго дохода. Въ одномъ мѣстѣ получается такимъ беззаботнымъ образомъ арендная плата за землю, въ другомъ процентъ на капиталъ Самый даже предприниматель можетъ поручить завѣдываніе своимъ дѣломъ наемному руководителю и, при всемъ томъ, извлекать доходъ, прибыль даже изъ чужихъ капиталовъ, за которые онъ самъ платитъ проценты. Всѣ эти личности или классы могутъ посвящать себя полезнѣйшимъ для общества занятіямъ, могутъ быть въ извѣстномъ смыслѣ благодѣтелями общества, но означенный доходъ они получаютъ не въ видѣ вознагражденія за эти полезныя занятія и благодѣянія, не на подобіе того, какъ получаютъ свой доходъ судья, врачъ или учитель. Итакъ благодаря какимъ же именно причинамъ получается упомянутый доходъ всѣми этими личностями и классами, участвующими въ „первоначальномъ распредѣленіи богатства“? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ теорія ренты вообще, поземельной ренты и прибыли съ капитала.

Однако способы рѣшенія этого вопроса, предлагаемые новѣйшими экономистами, уклоняются одинъ отъ другаго, и только теорія ренты и прибыли съ капитала является болѣе или менѣе продуманной Эта послѣдняя характеризуется тремя различными направленіями. Одинъ отвѣтъ даетъ школа Рикардо. Въ Англіи экономисты остались наиболѣе вѣрны великому положенію Смита, что всѣ хозяйственныя блага суть не болѣе какъ продуктъ труда. Того же положенія придерживается, какъ извѣстно, и Рикардо, который открыто признаетъ, что поземельная рента и прибыль съ капитала не только составляютъ продуктъ труда, но сверхъ того продуктъ труда не тѣхъ, кто его получаетъ, а другихъ лицъ. Поземельная рента, по его мнѣнію, возникаетъ, благодаря различію въ плодородіи и въ разстояніи отъ рынка отдѣльныхъ участковъ земли, а также благодаря уменьшенію производитель-

ности послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ. Подробную оцѣнку этого послѣдняго ученія читатель найдетъ ниже. Что же касается до начала прибыли съ капитала, то Рикардо разсматриваетъ его довольно поверхностно. Онъ, правда, даетъ довольно пространную теорію повышенія и пониженія прибыли, но существованіе ея онъ принимаетъ въ качествѣ первоначальнаго факта. „Первоначально", говоритъ онъ, „когда приступаютъ къ обработкѣ почвы, она приноситъ только одну заработную плату и прибыль", и лишь мимоходомъ объясняетъ онъ эту прибыль, какъ вознагражденіе за сбереженіе капитала, — объясненіе, въ которомъ, правда, одновременно указывается и на юридическую, и на экономическую основу прибыли, но которое при всемъ томъ представляетъ скорѣе тавтологію, нежели объясненіе. Вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: такъ какъ не рабочій, а предприниматель беретъ взаймы капиталъ у его владѣльца, то откуда возникаетъ для предпринимателя возможность платить проценты, каковъ тотъ первоначальный фондъ, котораго проценты представляютъ лишь фондъ производный, иными словами, откуда берется прибыль, изъ которой могутъ выплачиваться проценты? Нужда, конечно, могла бы вызвать у предпринимателя обѣщаніе уплаты процентовъ, но ея недостаточно для того, чтобы имѣть ихъ въ данное время на готовѣ. — Другой отвѣтъ даетъ школа Сэя, которая однако не признаетъ вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ выше. А именно она отрицаетъ, что доходъ, получаемый землевладѣльцами и капиталистами, вообще представляетъ продуктъ труда. Она желаетъ свести его на особенныя „производительныя услуги" естественныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ въ почвѣ и капиталѣ и настолько увеличиваютъ продуктъ труда. Въ этомъ состоитъ экономическій источникъ такого дохода. Юридическое же основаніе, по которому продуктъ, долженствующій составлять результатъ есте-

ственныхъ силъ, принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ въ обществѣ, отыскивается въ правѣ собственности на землю и на капиталъ, и первое выводится изъ необходимости культуры, послѣднее же изъ того, что оно само есть продуктъ труда и потому получаетъ проценты, какъ естественные плоды свои. Эта теорія была, и, быть можетъ, продолжаетъ оставаться и до настоящаго времени господствующей во Франціи и въ Германіи. Однако французскій соціализмъ строитъ свою теорію именно на этой подкладкѣ. Онъ поставилъ вопросъ: если поземельная рента и прибыль съ капитала суть только продукты естественныхъ силъ, то какъ можетъ быть оправдано подобное усвоеніе въ виду нищеты общества? Этотъ оборотъ, очевидно, побудилъ Бастіа дать въ своихъ „Экономическихъ гармоніяхъ“ еще третій отвѣтъ. Онъ первый изъ числа выдающихся экономистовъ Франціи принимаетъ вышеозначенный вопросъ. Онъ сознается, что поземельная рента и прибыль суть продукты труда, продукты человѣческихъ услугъ, но онъ утверждаетъ, что это продукты работы или услуги тѣхъ, которые его получаютъ, или правомѣрныхъ ихъ предшественниковъ. Тотъ же самый взглядъ лежитъ и въ основаніи книги Тьера „О собственности“. Отвѣтъ, который авторъ, съ своей стороны, даетъ на упомянутый вопросъ, ставитъ четвертую теорію, отличную отъ указанныхъ.

Подобно Рикардо, авторъ принимаетъ означенную постановку вопроса. Онъ также видитъ въ каждой части общественнаго дохода не что иное, какъ продуктъ труда, также видитъ въ тѣхъ частяхъ общественнаго дохода, которыя называются поземельною рентою и прибылью, продуктъ труда не тѣхъ, кто его получаетъ, а другихъ лицъ; но у него имѣется другое объясненіе этого явленія, нежели у Рикардо, объясненіе, которое, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствуетъ экономической дѣйствительности и основаніямъ права, нежели то, которое даетъ теорія Рикардо.

Во всѣ времена, когда существуетъ раздѣленіе труда, съ нимъ бываютъ связаны два явленія, къ которымъ могутъ быть сведены какъ происхожденіе поземельной ренты, такъ и прибыли съ капитала, т.-е. ренты вообще.

Первое изъ этихъ явленій имѣетъ экономическую природу. Оно состоитъ въ томъ, что трудъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ раздѣленъ, даетъ больше, нежели сколько потребно для существованія рабочихъ и для продолженія ихъ труда, что онъ такимъ образомъ производитъ столько, чтобы обезпечить и другимъ лицамъ возможность жить продуктами его. Занятія, остающіяся за вычетомъ раздѣленія труда, представляютъ не болѣе какъ оккупацію, захватъ матеріала, существующаго отъ природы, и потому крайне скуднаго, какъ-то, собираніе плодовъ и, самое бо̀льшее, охота. Такимъ образомъ до своего дѣленія трудъ не даетъ возможности рабочему поддерживать свое существованіе не только жалкимъ образомъ, но даже какъ бы то ни было. Съ раздѣленіемъ труда возникаютъ тѣ занятія, которыя подкрѣпляютъ природу въ производствѣ ею своего матеріала —земледѣліе и скотоводство, и только въ этой формѣ работа становится достаточной для того, чтобы доставить продуктъ, превышающій потребности рабочаго. Подобно тому, какъ работа только по раздѣленіи становится столь производительною, что на ея продуктъ могутъ существовать также и другія лица, такимъ же образомъ и всякое дальнѣйшее увеличеніе ея производительности, всякое увеличеніе возможности жить многимъ другимъ или тѣмъ же самымъ лицамъ лучше прежняго, не работая, происходитъ только на основѣ раздѣленія труда. Это послѣднее, безъ сомнѣнія, было дверью, сквозь которую человѣчество впервые могло пройти на необозримый путь своего экономическаго прогресса.

Второе изъ означенныхъ явленій есть явленіе юридическаго свойства. Оно состоитъ въ томъ, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ раздѣленіе труда, съ тѣхъ поръ

какъ трудъ впервые сдѣлался производительнымъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ производитъ излишекъ сверхъ необходимаго содержанія рабочихъ, — съ тѣхъ самыхъ поръ, почва и капиталъ, а поэтому и продуктъ самаго труда, никогда не принадлежали (?) рабочимъ, а другимъ частнымъ лицамъ. Лишь до раздѣленія труда, слѣдовательно, до начала всякой цивилизаціи, изолированный рабочій обладаетъ одновременно почвою, капиталомъ и своимъ продуктомъ труда,—въ это время земля, на которой онъ охотится, лукъ, изъ котораго онъ стрѣляетъ. дичь, которую онъ бьетъ, одинаково принадлежатъ еще ему. Но гдѣ существуетъ раздѣленіе труда, тамъ это непосредственное отношеніе рабочаго къ почвѣ, капиталу и продукту труда прекращается. Оглянитесь вокругъ себя. Гдѣ рабочему принадлежитъ земля? Гдѣ принадлежитъ ему капиталъ? Онъ получаетъ послѣдній на руки или въ качествѣ матеріала, или въ качествѣ орудія или машины отъ другаго лица, отъ собственника этихъ послѣднихъ. Онъ не получаетъ ихъ даже въ качествѣ предпринимателя, какъ ложно думалъ Бастіа. И гдѣ принадлежитъ рабочему продуктъ его труда? Нигдѣ, на протяженіи всего производства, начиная съ того момента, когда онъ обработываетъ поле, на которомъ онъ собираетъ клеверъ, которымъ онъ кормитъ овцу, когда онъ стрижетъ ея шерсть, прядетъ, ткетъ и краситъ, везетъ къ потребителю, — ни разу во все теченіе этого процесса продуктъ не принадлежитъ рабочему. Лишь тогда, когда каждый изъ этихъ различныхъ рабочихъ закончилъ производство своей части продукта, онъ получаетъ свой доходъ въ видѣ заработной платы, которая представляетъ нѣчто совершенно иное, нежели его продуктъ труда [7]), только тогда онъ получаетъ этотъ доходъ въ

7) Въ своей брошюрѣ: „Zur Erkenntniss unserer staats wirthschaftlichen Zustaende“, 1842 г., стр. 110 и сл. Родбертусъ даетъ слѣдующее объясненіе этого явленія: „Хотя товары мѣняются другъ на друга всегда соотвѣтственно равнымъ количествамъ труда, однако товаръ, обмѣниваемый

свою собственность, предполагая, что онъ уже разсматривается въ качествѣ лица, обладающаго правомъ. Этотъ родъ юридическаго отношенія рабочаго къ почвѣ, капиталу и къ его продукту труда, несомнѣнно, существуетъ въ настоящее время повсюду (?), и оно тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе развилось и чѣмъ сдѣлалось производительнѣе раздѣленіе въ обществѣ труда.

за работу, которую еще *предстоитъ обнаружить*, получаетъ за себя этой, предстоящей къ обнаруженію работы постоянно *бо́льшее* количество, чѣмъ сколько заключается въ товарѣ уже *обнаруженной* работы. Товары берутъ за себя всегда *больше работы* отъ рабочихъ, чѣмъ сколько ея заключается въ нихъ самихъ, но въ обмѣнѣ за продукты они не берутъ за себя продуктъ бо́льшей работы, а лишь продуктъ равной работы.. То, что́ остается отъ продукта, часть котораго обмѣнена на имѣющую быть обнаруженной работу, и представляетъ собою ренту... Пока производительность труда настолько мала, что продуктъ даетъ пропитаніе только производителямъ, о рентѣ не можетъ быть и рѣчи. Но если производительность, напр., охоты, возрастаетъ вдвое, и если при этомъ орудія охоты принадлежатъ однимъ лицамъ, земля другимъ, и трудъ третьимъ, то явится рента, хотя продукты попрежнему будутъ обмѣниваться сообразно содержащимся въ нихъ количествамъ труда. Чтобы это произошло, необходимо лишь одно. чтобы рабочій или охотникъ .. получалъ не весь продуктъ работы и довольствовался бы за работу одного дня *меньшимъ* продуктомъ труда, чѣмъ какова цѣнность одного дня. Германнъ дѣлаетъ по этому поводу замѣчаніе, что глупо было бы со стороны рабочаго за п. работы въ А. безъ всякаго дальнѣйшаго вознагражденія давать $^3/_4$ п., при помощи которыхъ онъ можетъ возстановить А.—$1^1/_4$ раза. Однако рабочіе не очень благодарны за то, что они начинаютъ находить это глупымъ и всѣми способами стараются поучить ихъ иному. Гдѣ для этого недостаточно разсказовъ миссъ Мартино, тамъ оказываетъ помощь ultima ratio regis Но даже оставляя въ сторонѣ ихъ настроеніе: они должны соглашаться на это, если не желаютъ умирать съ голоду. Рабочая плата въ цѣломъ регулируется сообразно дѣйствительному количеству, необходимому для ихъ содержанія, какъ бы ни была велика производительность труда. И въ томъ, что заработная плата находится въ такомъ положеніи, что еще не съумѣли устроить такъ, чтобы доля рабочаго въ продуктѣ была постоянно одинакова *относительно* и такимъ образомъ давала бы ему возможность воспользоваться прогрессомъ индустріи, въ этомъ-то и заключается основа всѣхъ экономическихъ страданій настоящаго... Итакъ ясно, что поземельная

Намъ, конечно, возразятъ, что хотя въ настоящее время это и дѣйствительно такъ, но первоначально было иначе. Почва и капиталъ правомѣрно перешли къ нынѣшнимъ ихъ владѣльцамъ черезъ цѣлый рядъ генерацій отъ первоначальныхъ производителей. Нѣтъ, отвѣтимъ мы на это, съ самыхъ тѣхъ поръ какъ существуетъ раздѣленіе труда, почва фактически обрабатывалась и капиталъ фактически производился не тѣми лицами, кому они принадлежали, а другими. Обратитесь къ древнѣйшимъ націямъ, къ первымъ всемірно-историческимъ носителямъ нашей культуры, что̀ встрѣтите вы тамъ бокъ о бокъ съ начатками раздѣленія труда? Эксплоатацію одного другимъ, жены, дѣтей

рента и прибыль съ капитала могутъ получаться безъ того, чтобы была необходимость въ *надбавкѣ* цѣнности или цѣны продукта. Получается-ли послѣдняя въ обмѣнѣ, предоставленномъ, подобно нынѣшнему, самому себѣ, или нѣтъ,—это мы оставляемъ въ данномъ случаѣ въ сторонѣ. Мы полагаемъ, что господствующее воззрѣніе будетъ уже поколеблено, если только доказана означенная *возможность* полученія ренты безъ надбавки цѣнности. Ибо въ дѣйствительности никакая надбавка цѣнности не можетъ создать сама по себѣ ренты: она только переводила бы ренту изъ кармановъ однихъ лицъ въ карманы другихъ. Но такъ какъ эта надбавка должна была бы имѣть *всеобщій* характеръ, то и этотъ родъ ея дѣйствія прекратился бы. Противъ этого *нельзя возразить*, что, при всеобщей надбавкѣ цѣнности, ее заплатили бы *потребители*, такъ какъ потребители, которые уплачиваютъ ее, суть *производители*. Поэтому при одной только надбавкѣ въ цѣнѣ не нашлось бы внѣ производства никакого предмета, изъ котораго можно было бы сдѣлать ренту. Именно вслѣдствіе этого предметъ этотъ долженъ находиться въ сферѣ самого производства, — его достаточной производительности. А въ такомъ случаѣ всеобщая надбавка цѣны представляетъ только обходъ, чтобы не придти ни къ какому другому результату, кромѣ того, къ которому можно придти, допуская, что надбавки не существуетъ, но что заработная плата не поглощаетъ всей цѣнности продукта труда. Рикардо и Мак-Куллохъ имѣютъ тотъ же взглядъ относительно ренты. Они полагаютъ, что эта послѣдняя не оказываетъ рѣшительно никакого вліянія на издержки производства, и что если бы землевладѣльцы перестали получать эту ренту, то это обстоятельство не произвело бы никакой перемѣны въ производительности индустріи и не причинило бы пониженія цѣны сыраго матеріала. То же самое

и рабовъ — семейства главою дома, господиномъ. Первые повинуются и служатъ, послѣдній господствуетъ и наслаждается; тѣ трудятся, а этому принадлежатъ въ собственность впервые обработанная почва, капиталъ и продуктъ труда. Эта эксплоатація семьи главою дома столь же стара, какъ и право, безъ котораго раздѣленіе труда не можетъ существовать (не наоборотъ-ли?). Только въ эпоху, предшествующую раздѣленію труда, нѣтъ мѣста для подобной эксплоатаціи. Взгляните на родовое общество охотничьяго народа, тотъ общественный союзъ, который всего ближе предшествуетъ состоянію раздѣленія труда,—здѣсь вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда отсутствуетъ и означенная эксплоа-

---

справедливо и относительно прибыли съ капитала, если только цѣнность, регулируемая трудомъ, есть дѣйствительная цѣнность. Подобно тому какъ прибыль съ капитала существуетъ въ этомъ случаѣ, не имѣя никакого отношенія къ цѣнности продукта, она могла бы перестать существовать, не оказывая на послѣднюю вліянія, ибо основанія опредѣленія ея совершенно самостоятельны. Только продуктъ или цѣнность продукта доставались бы съ тѣхъ поръ исключительно производителямъ. Это должно было бы осуществиться такимъ образомъ, что производитель, который въ настоящее время въ своей заработной платѣ получаетъ требованіе только на одну часть произведеннаго имъ продукта, т.-е., напр., за продуктъ одного дня работы лишь требованіе на цѣнность продукта $^1/_3$ дня, получалъ бы тогда требованіе на всю цѣнность этого продукта, за продуктъ одного дня работы также и требованіе на цѣнность продукта одного дня работы. Возможно-ли подобное состояніе вещей,—этого мы здѣсь изслѣдовать не будемъ. Рѣшеніе зависѣло бы отъ рѣшенія предварительнаго вопроса, могла-ли бы взять на себя общественная предусмотрительность съ такимъ же успѣхомъ веденіе производства, какъ въ настоящее время это выполняется предпринимателемъ". Мы привели все это мѣсто цѣликомъ, такъ какъ оно чрезвычайно важно. Если оставить въ сторонѣ предположеніе Родбертуса относительно возможности выдавать производителю требованіе *на цѣнность* всего продукта его работы,—предположеніе, очевидно, несостоятельное уже на томъ основаніи, что, при такихъ условіяхъ, самое слово цѣнность не имѣло бы человѣческаго смысла, то должно сознаться, что въ предыдущемъ содержится столь полно развитое ученіе о *добавочной цѣнности*, какъ этого только можно было желать для столь ранняго времени (1842 г.)

атація. Здѣсь всѣ свободны, здѣсь еще каждому (?) принадлежатъ его охотничья добыча и его охотничьи орудія, здѣсь принадлежитъ ему также и почва, на которой онъ охотится,—ему столько же, какъ и всякому другому члену его племени. Здѣсь наступаетъ естественная эмансипація изъ семьи съ достиженіемъ совершеннолѣтія, какъ и въ семействахъ животныхъ. Здѣсь еще убиваются побѣжденные враги. Всѣ эти смутныя начала юридическихъ и экономическихъ условій суть продукты экономической необходимости. Если каждый получаетъ лишь столько добычи, сколько необходимо для содержанія себя и своей жены и для прокормленія своихъ дѣтей, то никто не можетъ жить на счетъ другаго, не можетъ существовать никакого экономическаго подчиненія, не могутъ не убиваться побѣжденные враги, такъ какъ ихъ еще нельзя употреблять въ дѣло, а отпускать ихъ на волю, значило бы уничтожать плоды побѣды. Напротивъ того, съ раздѣленіемъ труда, съ земледѣліемъ, которое дѣлаетъ работу достаточно производительною, чтобы дать возможность другимъ существовать ея плодами, тотчасъ же возникаетъ и рабство, а вмѣстѣ съ рабствомъ къ первымъ хозяйственнымъ успѣхамъ присоединяется и первый юридическій прогрессъ, ибо убіеніе побѣжденнаго врага замѣняется эксплоатаціею его побѣдителемъ. Исторія не можетъ представить намъ ни одного народа, у котораго первые слѣды раздѣленія труда и земледѣлія не совпадали бы съ такой экономической эксплоатаціей, при которой тяжесть работы не выпадала на долю однихъ, а плоды ея на долю другихъ, у котораго бы, иными словами, раздѣленіе труда не принимало при своемъ образованіи формы подчиненія однихъ другимъ. Одни только изолированные случаи обмѣна,—эти внезапно возникающія и исчезающія дѣленія труда,—предшествовали этой первой системѣ эксплоатаціи. Правильное раздѣленіе труда, которое отводитъ каждому отдѣльному лицу спеціальныя, одно-

образныя пожизненныя призванія, изъ взаимодѣйствія которыхъ получаются средства существованія для всѣхъ и каждаго, —такое раздѣленіе труда, образующее прочный союзъ для нынѣшняго общества, повсюду возникло исключительно подъ защитою силы и составляетъ продуктъ принужденія съ одной и подчиненія съ другой стороны. Древнѣйшія историческія лѣтописи свидѣтельствуютъ именно о такомъ положеніи вещей.

Сверхъ того авторъ настаиваетъ на томъ, что представляетъ хозяйственную невозможность, чтобы обработка почвы и капиталы, на которые должно опираться землевладѣніе въ томъ объемѣ, въ какомъ оно обусловливается раздѣленіемъ труда, могли быть продуктомъ труда только тѣхъ, кому они принадлежали первоначально. Изолированно трудящійся человѣкъ едва только можетъ существовать, самое же бо́льшее, это отсрочивать свое существованіе жалкой охотничьей жизнью; самъ по себѣ онъ никогда не могъ бы ни обработать участка земли, ни снабдить его постройками; одинъ только соціальный человѣкъ, живущій въ раздѣленіи труда, сдѣлалъ подобныя чудеса. Поэтому-то обработка почвы и капиталы, соотвѣтствующіе нынѣшней собственности на землю и на капиталъ, никогда, даже при самомъ своемъ возникновеніи, не могли представлять продукта индивидуальной работы, а исключительно—раздѣленія труда. Но развѣ дѣленіе труда было слѣдствіемъ свободнаго соглашенія, въ которомъ люди условливались бы относительно общей культуры, относительно общей собственности, относительно того, чтобы общій продуктъ принадлежалъ всѣмъ и подраздѣлялся между всѣми? Это утвержденіе превосходило бы по своей невѣрности даже то, на основаніи котораго собственность на землю и на капиталъ покоются на собственномъ продуктѣ изолированнаго рабочаго. Столь же мало, какъ государству могъ предшествовать общественный договоръ, и раздѣленіе труда могло быть продуктомъ не принужденія, а свободнаго соглашенія.

Но авторъ идетъ далѣе и утверждаетъ, что почва, капиталъ и непосредственный продуктъ работы и не должны были никогда и не должны въ настоящее время принадлежать въ собственность рабочему, по меньшей мѣрѣ въ томъ случаѣ, если только раздѣленіе труда должно было возникнуть, развиваться, расширяться и тѣмъ изливать на общество рогъ изобилія своихъ чудесъ. Возможно-ли существованіе общества, въ которомъ при столь развитомъ дѣленіи труда, какъ нынѣшнее, непосредственный матеріальный продуктъ труда каждаго рабочаго принадлежалъ бы ему въ собственность? Возьмемъ весьма употребительный примѣръ производства булавокъ. Прослѣдите ихъ производство отъ обработки металла, составленія изъ него требуемаго сплава, вытягиванія проволоки, обтачиванія острія, насаживанія головокъ, натыканія булавокъ на бумажку до пересылки ихъ по назначенію; не забудьте при этомъ также различныя машины и орудія, которыя были употреблены въ горномъ дѣлѣ или сопровождали булавку на каждой дальнѣйшей станціи ея производства; припомните еще, что сотрудниками въ этомъ дѣлѣ являются и тѣ рабочіе, которые производятъ и возстановляютъ эти орудія, и если вы захотите поддерживать положеніе, что естественный, матеріальный продуктъ труда долженъ *принадлежать* рабочему въ собственность, то, спрашивается, какимъ образомъ должна быть выполняема ликвидація всѣхъ этихъ требованій относительно булавки, какъ долженъ быть подраздѣляемъ общественный продуктъ, какимъ образомъ могло бы быть достигнуто при подобной общественной организаціи подобное соглашеніе между рабочими? Не существуетъ такого творческаго ума, который могъ бы разобраться въ подобной путаницѣ и затрудненіяхъ, и раздѣленіе труда, а съ нимъ и все великолѣпное зданіе цивилизаціи должны были бы потерпѣть крушеніе на томъ принципѣ, что непосредственный матеріальный продуктъ долженъ принадлежать рабочему.

Нѣтъ, почва, капиталъ и продуктъ труда никогда не должны принадлежать рабочему, точно такъ же какъ никогда со времени введенія раздѣленія труда они ему и не принадлежали. Народно-экономическое развитіе отнюдь не должно стремиться къ законодательству о передѣлѣ національнаго имущества, оно не должно стремиться къ тому, чтобы *замѣнить однихъ собственниковъ другими*, хотя означенное развитіе, несомнѣнно, стремится къ тому, чтобы воздать труду то, что́ принадлежитъ труду. Никогда, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ раздѣленіе труда, не принадлежали рабочимъ почва, капиталъ и продуктъ труда, но всегда, съ тѣхъ поръ какъ оно установилось, почва, капиталъ и продуктъ труда принадлежали въ то же время другимъ частнымъ лицамъ. Это отрицательное отношеніе собственности есть такая сторона разсматриваемаго нами факта, которая не только неизбѣжна до тѣхъ поръ, пока благосостояніе общества должно покоиться на раздѣленіи труда, но которая сверхъ того скрываетъ въ себѣ основу справедливыхъ отношеній собственности для будущаго времени. Это положительное отношеніе собственности влечетъ за собою то, что даже и доходъ рабочихъ не достигаетъ равенства съ цѣнностью ихъ продукта.

На этихъ-то двухъ явленіяхъ, первомъ—экономическомъ, что трудъ, вслѣдствіе раздѣленія, даетъ значительный излишекъ, и второмъ—юридическомъ, что со времени раздѣленія труда почва, капиталъ и продуктъ труда принадлежали не рабочимъ, а другимъ лицамъ,—основывается происхожденіе какъ ренты вообще, такъ и поземельной ренты и прибыли съ капитала.

Та простая истина, что доходъ владѣльцевъ земли и капитала составляетъ не болѣе какъ ту часть продуктовъ труда, которую доставляетъ имъ собственность на землю и на капиталъ, могла быть затемнена лишь тысячелѣтнею привычкою ума и еще болѣе того денежною формою, въ которой столь же давно реализи-

руется означенный доходъ. Если на протяженіи цѣлой жизни націи весь продуктъ труда принадлежитъ не производителямъ, а другимъ лицамъ, если даже свободные рабочіе не только не даютъ, но, наоборотъ, сами получаютъ принадлежащую имъ долю продуктовъ своего труда; если, вслѣдствіе раздѣленія собственности на землю и на капиталъ и далеко пошедшаго раздѣленія труда, остающійся излишекъ все снова и снова дѣлится между землевладѣльцемъ и капиталистомъ и постоянно превращается на рынкѣ въ деньги, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что общее представленіе усвоитъ себѣ привычку разсматривать одну только заработную плату въ качествѣ продукта труда и станетъ выводить доходъ землевладѣльца и капиталиста изъ какихъ-нибудь другихъ невѣрныхъ хозяйственныхъ и юридическихъ основъ. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся, наприм., простой выигрышъ на цѣнахъ, производительная услуга, содержащаяся въ капиталѣ [8]) и въ землѣ, собственный

---

[8]) „Въ своей извѣстной защитѣ правомѣрности полученія процентовъ, Бастіа, очевидно, смѣшиваетъ природу процентовъ и прибыли Онъ основываетъ право на полученіе процентовъ на равенствѣ „взаимныхъ услугъ“. Если двое,—говоритъ онъ,—обмѣниваютъ равныя цѣнности, то существуетъ равенство взаимныхъ услугъ, сдѣлка между ними справедлива, она не нарушаетъ интересовъ ни того, ни другаго капиталиста. Если же одинъ изъ нихъ желаетъ за сейчасъ полученную цѣнность отдать равноцѣнность лишь по прошествіи многихъ лѣтъ и до тѣхъ поръ одинъ извлекаетъ выгоду изъ полученной цѣнности, то равенство взаимныхъ отношеній будетъ поддержано только тогда, если получающій цѣнность немедленно, за вновь возникающую „услугу займа“ со стороны другаго, съ своей стороны окажетъ новую „услугу уплаты процентовъ“. Теорію эту Бастіа подтверждаетъ слѣдующимъ примѣромъ. бѣдный плотникъ Яковъ произвелъ себѣ, при помощи добавочнаго прилежанія, стругъ, а когда этотъ послѣдній понадобился его сосѣду, другому плотнику, Вильгельму, у котораго не было струга и который имѣлъ намѣреніе получить его взаймы даромъ, то плотникъ Яковъ предложилъ ему платить себѣ за стругъ проценты, ссылаясь на то, что они суть не что иное, какъ равноцѣнность за пользованіе стругомъ, уступленнымъ имъ, Яковомъ, Вильгельму. Противъ этого способа

трудъ людей, не участвующихъ въ дѣйствительномъ производствѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что необходимо протяженіе цѣлой жизни человѣка для постоянно возобновляющейся критики, для разсѣянія тумана этого представленія, для разрушенія ложныхъ, построенныхъ на немъ теорій и для нагляднаго изображенія умамъ простой истины. Искони вѣковъ про-

---

толкованія дѣла Бастіа нельзя возразить ничего кромѣ того что оно совсѣмъ не походитъ на описаніе нынѣшней общественной распри, что оно ее затемняетъ, вмѣсто того чтобы придать ей правильное освѣщеніе что оно прикрываетъ ее борьбою между партіями, которыя вовсе не борются между собою. Развѣ въ этомъ разсказѣ Яковъ не владѣлецъ капитала, а Вильгельмъ не заемщикъ-предприниматель? Но между владѣльцами капитала и предпринимателями не существуетъ въ настоящее время никакого спора, а существуетъ споръ между ними обоими, съ одной, и рабочими, съ другой стороны. Не предприниматели медлятъ платить владѣльцамъ капитала проценты, а рабочіе утверждаютъ, что получаемые тѣмъ и другимъ прибыль и проценты уменьшаютъ ихъ справедливую заработную плату Съ точки зрѣнія нынѣшней общественной распри, не Яковъ и Вильгельмъ отдѣлены другъ отъ друга, а изготовитель струга и владѣлецъ струга и далѣе тотъ, кто получаетъ стругъ взаймы, и тотъ, кто его употребляетъ въ дѣло. Дополнимъ эту параболу. И въ настоящее время Яковъ можетъ произвести стругъ въ очень короткій срокъ времени, но онъ далекъ отъ того, чтобы обладать имъ. Для себя лично получаетъ онъ не стругъ, а только низкую заработную плату за сооруженіе струга, ту же самую заработную плату, которую онъ получалъ и тогда, когда онъ создавалъ болѣе непроизводительные предметы, нежели стругъ. Продуктъ работы Якова достается на долю другаго, котораго мы назовемъ Рапаксомъ, которому Яковъ, чтобы не голодать, былъ принужденъ продать свою рабочую силу, создавшую стругъ, за кусочекъ хлѣба. Теперь уже не Яковъ даетъ взаймы Вильгельму струги и требуетъ за пользованіе ими процентовъ, а Рапаксъ. Но и Вильгельмъ не самъ употребляетъ теперь стругъ, а повторяетъ съ Иваномъ договоръ, который Рапаксъ заключилъ съ Яковомъ, такъ что Иванъ находится въ одномъ положеніи съ Яковомъ, и какъ бы ни возвышалась, при посредствѣ струга, его рабочая сила, онъ, попрежнему, долженъ продавать ее Вильгельму за кусочекъ хлѣба. Яковъ и Иванъ становятся все прилежнѣе и ловче. Яковъ научается строить паровыя машины, а Иванъ выучивается ѣздить на нихъ, или прясть ими; но тѣ же самыя

стѣйшія и ближайшія истины бывали наиболѣе непонятны человѣческому уму, въ особенности, если эти истины суть нравственныя, общественныя. если рѣчь шла о моральномъ заблужденіи, если общество должно было убѣждаться, что сдѣлалось несправедливостью то, что̀ тысячи лѣтъ считалось и было правомъ.

отношенія. тотъ же самый голодъ, который вначалѣ принуждалъ ихъ обоихъ отдавать свой трудъ за кусочекъ хлѣба, принуждаетъ ихъ и теперь, когда они, работая по 16 часовъ въ день, строютъ паровыя машины, прядутъ имп или ѣздятъ на нихъ, уступать эти машины и увеличенный при ихъ помощи продуктъ Рапаксу и Вильгельму за тотъ же самый кусочекъ хлѣба. Правда, нужна и продолжительный тяжелый трудъ домѣшали Ивану и Якову ходить въ школу. Но кое о чемъ за работой поучились подумать и они, и это кое-что тѣмъ драгоцѣннѣе, что у нихъ оно не загемяется никакими школьными теоріями, настолько у нихъ сохранилось извѣстное естественное воззрѣніе на вещи. Они удивляются тому, что въ то время какъ ихъ работа становится все производительнѣе да производительнѣе, въ то время какъ Яковъ производитъ все болѣе великолѣпныя орудія, а Иванъ съ ихъ помощью все бо́льшія, да бо́льшія массы товаровъ, они все же попрежнему, вопреки всему этому, остаются осужденными на свой кусочекъ хлѣба. Они изумляются тому, что безпрерывно возрастающее количество предметовъ потребленія, которое составляетъ послѣдствіе новыхъ открытій и труда при помощи новыхъ орудій, продолжаютъ раздѣляться все между тѣми же Рапаксомъ и Вильгельмомъ подъ различными наименованіями, которыми обозначаютъ ихъ экономисты,—поземельной ренты, прибыли, процента, арендной платы и проч. Они начинаютъ роптать, они наконецъ почти повелительно требуютъ изслѣдованія этого замѣчательнаго факта. Если же изслѣдователи, въ видахъ объясненія или оправданія означеннаго факта, пожелали бы представить дѣло такимъ образомъ, какъ будто споръ происходитъ между Рапаксомъ и Вильгельмомъ, и какъ будто дѣло идетъ о томъ, чтобы принять подъ защиту отъ самого Вильгельма ту долю прибыли, которую Вильгельмъ уступаетъ Рапаксу, если изслѣдователи, для приданія хорошаго основанія своему оправданію, стали бы отождествлять Рапакса и Вильгельма, съ одной, а Якова и Ивана, съ другой стороны, то развѣ Яковъ и Иванъ не потеряли бы отъ всего этого терпѣнія? Развѣ они не вправѣ были бы думать, что къ ихъ нуждѣ прибавляютъ еще ненависть и обманъ, но ни въ какомъ случаѣ не желаютъ показать готовности къ дѣйствительному разрѣшенію задачи"[1]

Родб.

V

Оцѣнка проводимаго Родбертусомъ начала труда — Различіе, установляемое имъ между капиталомъ и запасомъ орудій въ изолированномъ хозяйствѣ — Входитъ-ли заработная плата въ предварительный „запасъ?“ — Заработная плата входитъ въ составъ капитала. — Оцѣнка остальныхъ частей ученія Родбертуса, изложенныхъ въ предыдущей главѣ

Стремленіе Родбертуса установить по возможности ясно начало труда, какъ единственнаго источника стоимости всѣхъ экономическихъ благъ безъ исключенія, находитъ свое оправданіе въ томъ, что этотъ простой самъ по себѣ вопросъ былъ чрезвычайно затемненъ въ трудахъ французскихъ экономистовъ. Такія выраженія, какъ „трудъ природы“, „производительныя услуги природы и капитала“, оказывали своимъ двусмысленнымъ значеніемъ несоѣнимую услугу людямъ, задачею которыхъ было отвлечь запутанною рѣчью вниманіе общества отъ безпристрастнаго и вѣрнаго рѣшенія животрепещущихъ экономическихъ вопросовъ. Къ счастью, вліяніе этой школы было не слишкомъ продолжительно и въ настоящее время понятіе о томъ, что трудъ представляетъ единственную силу, творящую не только богатство, но и экономическую и политическую организацію общества, распространяется все болѣе и болѣе. Блистательныя подтвержденія громаднаго значенія труда въ исторіи развитія общества представляютъ между прочимъ свидѣтельства путешественниковъ о томъ, что у бо́льшей части первобытныхъ народовъ понятіе о трудѣ является однимъ изъ существенныхъ условій распредѣленія движимаго имущества и однимъ изъ первыхъ способовъ образованія индивидуальной собственности. То же самое значеніе, хотя и съ большими отступленіями и измѣненіями, трудъ сохраняетъ и впослѣдствіи, по введеніи и укрѣпленіи въ обществѣ сложной системы раздѣленія труда.

Обмѣнъ различныхъ продуктовъ спеціальнаго труда между отдѣльными производителями только маскируетъ указанное значеніе человѣческихъ нервовъ, мускуловъ и т п., придавая ему форму мѣноваго отношенія между отдѣльными товарами.

Различіе, приводимое далѣе Родбертусомъ, между запасомъ орудій и матеріаловъ изолированнаго производителя и нынѣшнимъ капиталомъ, основано на дѣйствительномъ фактѣ, но выражено не совсѣмъ правильно и удачно. Дѣло идетъ о сходствѣ и различіи орудій производства вообще и капитала въ частности Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ совокупный продуктъ производства распадается на орудія и матеріалы и на непосредственный продуктъ Какъ при отсутствіи раздѣленія труда, напр., въ земледѣльческой общинѣ негровъ Африки, такъ и при нынѣшней хозяйственной системѣ, тѣ и другіе просто служатъ своему назначенію:—орудія и матеріалы истираются и уничтожаются работою, непосредственный продуктъ потребляется людьми. Разница въ совокупномъ продуктѣ первобытной общины и нынѣшняго общественнаго хозяйства состоитъ отнюдь не въ назначеніи таковаго, а въ томъ, что въ первомъ случаѣ весь продуктъ производится и потребляется одними и тѣми же людьми, а во второмъ онъ проходитъ первоначально съ прибылью черезъ руки собственниковъ и потомъ только потребляется окончательно всѣми и каждымъ. Такимъ образомъ разница эта, ничего не измѣняя въ самомъ характерѣ употребленія совокупнаго продукта, оказываетъ значительное вліяніе на его распредѣленіе и получаетъ свое матеріальное выраженіе въ *доходѣ*, приносимомъ *капиталомъ*, или, что то же, совокупнымъ продуктомъ страны, принадлежащимъ въ собственность немногимъ лицамъ, въ видахъ принесенія прибыли. На этомъ основаніи одни и тѣ же орудія производства, матеріалы и предметы непосредственнаго потребленія у одного и того же народа на различныхъ ступеняхъ

развитія и у различныхъ народовъ могутъ быть и капиталомъ и не капиталомъ, смотря по тому, принадлежатъ-ли отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ, или группамъ населенія съ однородными занятіями. Именно это различіе и имѣлъ въ виду Родбертусъ, когда говорилъ объ орудіяхъ и матеріалахъ изолированнаго производителя по отношенію къ нынѣшнему капиталу, но выразилъ его недостаточно ясно, потому что самъ еще не умѣлъ отдѣлаться какъ слѣдуетъ отъ распространенной привычки величать капиталомъ всякое орудіе производства. Между тѣмъ самъ Родбертусъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что понятіе капитала можетъ быть противопоставлено только понятію дохода, тогда какъ понятіе продукта обнимаетъ и орудія, и матеріалы, и непосредственный продуктъ.

Мысль Родбертуса, что заработная плата не должна находиться въ запасѣ до начала даннаго производства, потому что составляетъ составную часть вновь полученнаго продукта, отличается не только глубиною, но и вѣрностью. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности, чтобы представить ее читателю въ болѣе ясной формѣ. Большинство экономистовъ признаетъ заработную плату или, что̀ одно и то же, средства существованія рабочаго, не только за составную часть капитала предпринимателя, но сверхъ того и за родъ запаса, который необходимо долженъ быть сбереженъ заранѣе, чтобы производство могло стать на ноги и пойти въ дѣло. Къ сожалѣнію, взглядъ этотъ совершенно невѣренъ, по той простой причинѣ, что имѣетъ въ основаніи смѣшеніе, подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ капитала или запаса, совершенно различныхъ понятій. Вопервыхъ, несправедливо, будто капиталъ сберегается черезъ простое откладываніе личнаго потребленія на подобіе тѣхъ запасовъ варенья, которые бережливая хозяйка прячетъ на зиму отъ своихъ жадныхъ домочадцевъ и расходуетъ лишь понемногу. Ка-

питалъ есть прежде всего продуктъ и, какъ таковой, не сберегается, а просто-на-просто производится, какъ объ этомъ впрочемъ можно прочитать у тѣхъ же самыхъ экономистовъ только на другихъ страницахъ. Вовторыхъ, совершенно справедливо, что всякій продуктъ, необходимый для производства, т.-е. какъ орудія и матеріалы, такъ и предметы непосредственнаго потребленія, слѣдовательно, также и капиталъ, когда рѣчь идетъ о капиталистическомъ хозяйствѣ, долженъ быть на лицо передъ самымъ началомъ процесса производства. Вѣрное само по себѣ это положеніе означаетъ однако ни болѣе, ни менѣе какъ то, что всякій предметъ долженъ быть готовъ прежде своего потребленія: машины и матеріалы—до начала производства, пища, одежда и жилище рабочаго, — прежде чѣмъ онъ станетъ работать Но спрашивается, кто же этого не зналъ заранѣе, и какимъ образомъ столь банальная вещь можетъ заключать въ себѣ объясненіе ни болѣе, ни менѣе какъ происхожденія дохода на капиталъ, въ качествѣ вознагражденія за своевременную поставку предметовъ, готовыхъ къ потребленію? Вѣдь необходимость для всякаго предмета быть готовымъ къ дѣлу прежде употребленія его есть простая необходимость природы, свойственная всякой человѣческой индустріи, все равно, прибѣгаетъ-ли она къ помощи капиталиста, какъ въ Европѣ, или не прибѣгаетъ, какъ на островахъ Самоанскихъ Поэтому совершенно правъ Родбертусъ, когда онъ утверждаетъ, что каждый рабочій подъ видомъ заработной платы получаетъ въ сущности часть своего собственнаго вчерашняго или даже сегодняшняго продукта, которая потому только и находится въ „запасѣ“ (т.-е., приготовлена прежде, чѣмъ съѣдена!), что онъ самъ произвелъ ее ранѣе, чѣмъ потребилъ. Ясное дѣло, что колоссальное недоразумѣніе, которое соорудило спеціальную заслугу сбереженія, и даже назначило за нее особое жалованье, на томъ элементарномъ фактѣ, что всѣ вещи на свѣтѣ *сначала* про-

изводятся, а *потомъ* уже *потребляются*, возникло не изъ чего иного, какъ изъ смѣшенія понятій о капиталѣ и о запасѣ съ идеей о томъ, что вещи должны быть готовы къ потребленію для поддержанія процесса производства. Дѣйствительно, и запасъ, и незапасъ, т.-е., всѣ предметы потребленія, безъ исключенія, сначала окончательно изготовляются, а потомъ идутъ въ употребленіе, а такъ какъ понятіе капитала также обнимаетъ весь продуктъ, то и выходитъ, что капиталъ тоже долженъ быть готовъ къ дѣйствію.... Развивая полнѣе мысль Родбертуса, необходимо придешь къ выводу, что обмѣнъ заработной платы на рабочую силу есть обмѣнъ только съ виду, а на самомъ дѣлѣ наемный рабочій, какъ и всякій иной производитель въ мірѣ, мѣняется только съ самимъ собою, т.-е., только производитъ свои средства существованія, потребляетъ ихъ и снова воспроизводитъ и всегда съ новымъ излишкомъ, который потомъ снова и снова проявляется подъ видомъ заработной платы, а въ сущности, по вѣрному выраженію Родбертуса, составляетъ кормъ При всемъ томъ, Родбертусъ совсѣмъ не правъ, когда онъ, основываясь на томъ, что заработная плата есть часть продукта, отказываетъ ей въ принадлежности къ капиталу. Она и то и другое, только въ разное время,—капиталъ, пока принадлежитъ капиталисту, и продуктъ, съ того момента, когда поступаетъ въ руки рабочаго. Но въ такомъ же смыслѣ и орудія производства, и матеріалы—капиталъ только до тѣхъ поръ, пока не отчуждены по частямъ потребителю, и — продуктъ — въ рукахъ послѣдняго. Правда, заработная плата, подобно рентѣ и прибыли, есть въ то же время и доходъ, но только въ смыслѣ продукта непосредственнаго потребленія, въ отличіе отъ орудій производства и матеріаловъ, потребляемыхъ въ этомъ же доходѣ косвенно.

Не совсѣмъ вѣрно то различіе между національнымъ капиталомъ, капиталомъ логическимъ или самимъ-посебѣ и капиталомъ частнымъ, которое Родбертусъ вы-

водитъ изъ предъидущихъ изысканій. Второй, по его понятіямъ, оказывается больше перваго, но только повидимому. На самомъ дѣлѣ Родбертусъ опять-таки смѣшиваетъ въ данномъ случаѣ понятія объ орудіяхъ производства и о капиталѣ, хотя эти-то понятія и хочетъ разграничить. Если Родбертусъ хочетъ сказать, что къ капиталу присоединяется также и заработная плата, между тѣмъ какъ по отношенію къ орудіямъ производства и матеріалу она есть только продуктъ непосредственнаго потребленія, то это совершенно справедливо, такъ какъ характеристика капитала въ томъ и состоитъ, что чертою принадлежности одному капиталисту совокупнаго продукта до момента его отчужденія она связываетъ заработную плату съ орудіями производства. Нельзя поэтому сказать, что частный предприниматель нуждается въ бо̀льшемъ капиталѣ, чѣмъ какой былъ бы нуженъ по самому *логическому* существу производства; онъ, или, вѣрнѣе, его предпріятіе нуждается ровно въ такомъ же количествѣ орудій, матеріаловъ и пищи, въ какомъ, ceteris paribus, нуждалось бы и каждое изолированное хозяйство.

Анализъ различія между „издержками производства“ для капиталиста, въ составъ которыхъ входятъ всѣ три отрасли дохода, и „стоимостью товара“ или трудомъ, съ надлежащимъ отмѣненіемъ различія между частно-хозяйственною и общественно-хозяйственною точкою зрѣнія, не оставляетъ ничего желать по своей ясности и опредѣленности.

Разсмотрѣніе вопроса о постепенномъ освобожденіи рабочаго отъ земли и орудій проведено въ общихъ чертахъ вѣрно, но только для ближайшаго періода времени, относительно же прежнихъ временъ Родбертусъ черезчуръ умаляетъ значеніе крестьянскаго землевладѣнія и, повидимому, ничего еще не знаетъ о земледѣльческой общинѣ. Очень сильное впечатлѣніе производитъ очеркъ вопроса объ условіяхъ образованія собственности на землю и на капиталъ нерабочихъ и

объ экономической необходимости подобнаго образованія. Здѣсь Родбертусъ возвышается до пониманія того факта, что право вытекаетъ изъ экономіи и обусловливается ею, и отчасти изглаживаетъ воспоминаніе о тѣхъ своихъ выраженіяхъ, которыя, какъ мы видѣли выше, ведутъ къ мысли, будто право есть какая-то самостоятельная потенція, направляющая распредѣленіе по такимъ путямъ исключительно, по какимъ оно бы не пошло въ противномъ случаѣ, т -е., при отсутствіи юридическаго понужденія.

Теперь намъ снова пора обратиться къ продолженію изложенія теоріи Родбертуса.

VI.

Общественно-экономическое значеніе раздѣленія труда. — Условія раздѣленія труда: формальныя и матеріальныя.—Деньги, какъ орудіе ликвидаціи —Деньги, какъ суррогатъ мѣрила цѣнности.—Деньги должны обозначать цѣнность и давать гарантію въ ея существованіи —Первоначальными деньгами были не драгоцѣнные металлы, а другой товаръ.— Условія введенія драгоцѣнныхъ металловъ какъ товара и какъ денегъ.— Въ настоящее время драгоцѣнные металлы суть деньги.—Въ качествѣ денегъ они могутъ быть замѣнены простыми знаками, написанными на трудъ

Говоря о раздѣленіи труда, Ад. Смитъ и ближайшіе послѣдователи его имѣли въ виду только раздѣленіе труда на фабрикѣ. Новѣйшіе писатели расширили это понятіе до объема территоріальнаго и даже всемірнаго раздѣленія труда. Въ каждомъ изъ этихъ отношеній сущность раздѣленія труда стоитъ, по ихъ мнѣнію, въ *коопераціи* производительныхъ силъ. Дѣйствительно, въ такой мѣрѣ понятіе это во всѣхъ своихъ видахъ совершенно одинаково. Съ *этой* точки зрѣнія не представляетъ никакого существеннаго различія, является-ли продуктъ раздѣленія труда въ болѣе тѣсномъ значеніи этого понятія реальной единицей,

напр., булавкой, или въ болѣе широкомъ смыслѣ, идеальной единицей, напр., продуктомъ націи или продуктомъ человѣчества Говоря иначе, раздѣленіе труда, согласно указанному воззрѣнію, представляетъ соединеніе лично, пространственно и временно раздѣленныхъ силъ,—соединеніе, цѣль и результатъ котораго—какъ можно бо̀льшее увеличеніе производительности труда. Но насколько національное дѣленіе труда уравнивается съ дѣленіемъ его на фабрикѣ по отношенію къ производственно-экономическому результату, иными словами, насколько и тамъ и здѣсь дѣленіе труда разсматривается какъ законченное или исполненное, когда въ одномъ случаѣ произведена булавка, а въ другомъ національный продуктъ,—дѣленіе это вообще подразумѣвается не въ *общественно-экономическомъ*, а только въ *технологическомъ* значеніи. Для достиженія цѣлей общественно-экономической науки необходимо поступать какъ разъ наоборотъ. Необходимо принять исходнымъ пунктомъ національное (общественное) раздѣленіе труда и его общественно-экономическія особенности и соотвѣтственно этому разсматривать съ общественно-экономической точки зрѣнія и самое технологическое или производственно-экономическое дѣленіе труда, которое на фабрикѣ представляетъ лишь наибольшую интенсивность національнаго дѣленія труда. Это общественно-экономическое дѣленіе труда еще не исчерпывается простымъ понятіемъ кооперації различныхъ производительныхъ силъ. Какъ существенный моментъ сюда принадлежитъ еще *распредѣленіе* произведеннаго при помощи этой всеобщей кооперації. Это и есть та соціальная связь, благодаря которой каждый выполняетъ лишь одно какое-нибудь производство, или лишь одну какую-нибудь операцію, и, несмотря на то, удовлетворяетъ всевозможнымъ потребностямъ своей жизни, ибо такимъ образомъ всѣ работаютъ на всѣхъ. Итакъ, соединеніе это не просто раздѣленіе труда, не просто кооперація рабочихъ силъ, которая

выполнилась какъ таковая въ тотъ моментъ, когда продуктъ или дѣло приведены къ окончанію, а кромѣ того еще и раздѣленіе произведеннаго. То представляетъ одну его сторону, которую можно было бы назвать также разъединеніемъ вѣтвей производства, а это—другая его сторона, образующая именно то, въ чемъ одномъ состоитъ общественно-экономическое соединеніе Замѣтимъ мимоходомъ, что раздѣленіе труда въ этомъ послѣднемъ смыслѣ представляетъ наиболѣе основное общественно-хозяйственное отношеніе, естественное начало нашей науки, изъ котораго только и можетъ выводиться общественно-экономическій матеріалъ Не существуетъ ни одного общественно-экономическаго отношенія, ни одного общественно-экономическаго понятія, которое могло бы предполагаться внѣ вмѣшательства этого принципа, могло бы имѣть самостоятельное отъ него существованіе.

Однако ни Ад. Смитъ, ни Сисмонди, повидимому, не имѣли въ виду этого общественно-экономическаго дѣленія труда, такъ какъ первый изъ нихъ выводилъ дѣленіе труда изъ первоначальной, свойственной человѣку потребности къ обмѣну, а второй изъ самаго обмѣна. Ни то, ни другое невѣрно. Обмѣнъ, очевидно, не цѣль, а средство; и что это могла бы быть за склонность, которая не находила бы своей цѣли въ удовлетвореніи самой себя? Но и самый обмѣнъ не можетъ быть основаніемъ раздѣленія труда, потому что онъ и есть это самое раздѣленіе въ его первоначальной формѣ. Раздѣленіе труда, подобно юридическому порядку и сношенію умовъ, является однимъ изъ трехъ основныхъ общественныхъ отношеній, съ которыми необходимо связывается и государство, и человѣчество, и въ которомъ исторія движется къ своимъ цѣлямъ. Подобно тому какъ это раздѣленіе представляетъ проявленіе самого государства, начало его слѣдуетъ искать у источниковъ государственной жизни, и говорить о принципѣ раздѣленія труда точно такъ же

невозможно, какъ и говорить о принципѣ государства. На возникновеніе и существованіе того и другаго оказываетъ вліяніе ни болѣе, ни менѣе, какъ все въ человѣкѣ и внѣ его.

Существуютъ два формальныя и два матеріальныя условія раздѣленія труда. Первое изъ формальныхъ лежитъ во внѣшней природѣ, въ ея разбросанности, въ пространствѣ и во времени; чѣмъ шире эта формальная основа раздѣленія труда, тѣмъ обширнѣе поле дѣйствія для открытій и изобрѣтеній, тѣмъ обширнѣе поприще раздѣленія труда, такъ что экстенсивно оно можетъ обнять все пространство земнаго шара, а интенсивно дойти до простѣйшихъ операцій. Это формальное условіе дѣйствуетъ на ту сторону раздѣленія труда, съ которой оно является кооперацією разъединенныхъ отраслей занятій. Вторымъ формальнымъ условіемъ является моральный принципъ въ его различныхъ видахъ, или какъ начало права, или какъ начало, регулирующее распредѣленіе продукта. Никогда, говоритъ Смитъ, нельзя найти у животныхъ ничего похожаго на обмѣнъ. Это происходитъ потому, что у животныхъ не имѣется моральнаго принципа. Животныя не мѣняются, не дѣлятся, а оспариваютъ другъ у друга добычу. Первое матеріальное условіе раздѣленія труда представляетъ наличность извѣстнаго излишка продукта надъ собственными потребностями производителя. Предположимъ, что А., В., С. вступаютъ въ раздѣленіе труда такимъ образомъ, что каждый принимаетъ на себя производство особаго товара, и предположимъ, сверхъ того, что каждый долженъ имѣть участіе въ удовлетвореніи всѣхъ трехъ потребностей: ясно, что раздѣленіе труда не существовало бы безъ того, чтобы каждый, за удовлетвореніемъ своихъ собственныхъ потребностей, не производилъ достаточно для удовлетворенія двухъ другихъ потребностей. Излишекъ предметовъ необходимыхъ долженъ существовать въ собственномъ смыслѣ слова, если

должно имѣть мѣсто раздѣленіе труда. Однако потребности постепенно переходятъ отъ наиболѣе необходимыхъ къ имѣющимъ меньшее значеніе. Относительно этихъ послѣднихъ долженъ существовать излишекъ продукта лишь въ косвенномъ смыслѣ этого слова. Если, напр., А. производитъ столько необходимыхъ вещей, что на нихъ могутъ содержаться В и С., то эти послѣдніе могутъ производить вещи менѣе необходимыя, и, притомъ, лишь въ такомъ количествѣ, чтобы ихъ было достаточно для удовлетворенія потребности одного только А Тѣмъ не менѣе, раздѣленіе труда все же будетъ имѣть мѣсто, ибо В. и С. могутъ на свой продуктъ получать отъ А предметы, необходимые для ихъ существованія, и оно непзбѣжно должно имѣть мѣсто, если исключительныя юридическія отношенія, напр., поземельная собственность А, препятствуютъ имъ самимъ добывать себѣ средства существованія. При всемъ томъ, можно видѣть, что въ концѣ концовъ все раздѣленіе труда всегда покоится на дѣйствительномъ избыткѣ тѣхъ отраслей, которыя доставляютъ необходимыя средства существованія. Для принятія въ систему раздѣленія труда новыхъ членовъ, избытокъ этотъ долженъ еще болѣе возрости. Если бы не возростала производительность труда Европы, то ей нельзя было бы вести торговлю съ Америкой и Индіей, и всякое новое завоеваніе, которое торговля нашей части свѣта дѣлаетъ на поверхности земли, служитъ новымъ доказательствомъ увеличенія количества собственныхъ ея продуктовъ. Производство новыхъ товаровъ при раздѣленіи труда также способствуетъ расширенію этого послѣдняго и служитъ указаніемъ на увеличеніе производительности труда. Итакъ, размѣръ излишка производства зависитъ просто-на-просто отъ степени производительности труда. Эта послѣдняя представляетъ исключительный результатъ человѣческой дѣятельности и интеллигенціи, и лишь въ началѣ соціальнаго развитія надъ нею господствуетъ степень

плодородія земли. Человѣческая же дѣятельность проявляется въ этомъ отношеніи при посредствѣ технологическаго дѣленія труда, усовершенствованныхъ способовъ производства, орудій и машинъ, всего же болѣе способовъ сношеній. Эти послѣдніе, въ смыслѣ увеличенія производительности, оказываютъ дѣйствіе болѣе могущественное, нежели земледѣліе и фабрикація, потому что вліяютъ сразу на всѣ отрасли промышленности, какъ бы творя для каждаго изъ участниковъ новую плодородную почву въ сосѣдствѣ —Второе матеріальное условіе осуществленія раздѣленія труда представляетъ возможность пониманія другъ друга для участвующихъ въ дѣленіи произведеннаго уже продукта. Прежде всего необходимо, чтобы участникамъ было извѣстно, гдѣ и въ какомъ видѣ находятся товары, которые предстоитъ обмѣнивать, и чтобы они могли сообщать объ этомъ свою волю. Указанному назначенію служатъ средства сообщенія, иными словами, все, что̀ поддерживаетъ сообщеніе мыслей или схожденіе лицъ. Сюда принадлежатъ улучшенный матеріалъ письма, искусство книгопечатанія и въ особенности почты и усовершенствованные способы перемѣщенія, имѣющіе наиболѣе существенное значеніе для увеличенія производительности труда. Къ той же категоріи вещей относятся вѣсы и мѣры и, наконецъ, деньги.

Если рядъ отдѣльныхъ производителей A., B , C , D. желаетъ вступить въ раздѣленіе труда, то можно принять за общее правило, что одни изъ нихъ будутъ постоянно имѣть такіе предметы, которые именно въ то время не будутъ нужны другимъ, и только въ видѣ исключенія каждый изъ нихъ будетъ въ состояніи найти такое лицо, которое одновременно и нуждается въ его продуктѣ и согласится отдать ему за него потребный ему продуктъ. Этому затрудненію кладетъ конецъ орудіе обмѣна. Оно становится мѣриломъ цѣнности и орудіемъ обращенія Но таково только эмпирическое

понятіе о деньгахъ. По своей сущности деньги представляютъ средство для ликвидаціи труда. Въ ограниченномъ кругу подобная ликвидація выполняется легко. Если А. произвелъ что-либо, въ чемъ нуждается В., В. что-либо нужное С , С. что-либо потребное D., D. что-либо необходимое А , то каждый можетъ отдать свой продуктъ нуждающемуся въ немъ въ такомъ количествѣ, какое соотвѣтствуетъ цѣнности получаемаго имъ отъ производителя того, что̀ нужно ему самому. Но въ кругу, обнимающемъ цѣлый народъ, подобной непосредственности нѣтъ мѣста. Здѣсь необходимо поэтому такое орудіе ликвидаціи, которое можетъ существовать только въ видѣ свидѣтельства, которое получаетъ каждый доставляющій рынку продуктъ за этотъ продуктъ, и которое, въ свою очередь, можетъ быть имъ употребляемо какъ требованіе на ту же сумму у каждаго, кто доставилъ на рынокъ другой продуктъ. Въ рукахъ этого послѣдняго подобное орудіе ликвидаціи снова стало бы служить одновременно и свидѣтельствомъ и требованіемъ и т. д. Но орудіе это необходимо должно доставлять гарантію, что основа ликвидаціи не будетъ нарушена. Для этого потребно выполненіе двухъ условій:

1) Оно должно быть въ состояніи выражать цѣнность продукта, доставленнаго кѣмъ либо въ обращеніе. При раздѣленіи труда дѣло не въ томъ, что кто-либо доставилъ въ обращеніе продуктъ вообще, или какое-нибудь количество продукта, а продуктъ, имѣющій цѣнность. Цѣнность въ этомъ смыслѣ есть доказательство, что продуктъ имѣетъ значеніе для живущихъ въ кругу раздѣленія труда, и только при помощи продукта такого рода могутъ достигаться хозяйственныя цѣли. Точно такъ же и наоборотъ, каждое отдѣльное лицо требуетъ цѣнность своего продукта назадъ, и справедливо, потому что именно на столько послужило оно обществу. Поэтому въ орудіи ликвидаціи не можетъ заключаться свидѣтельство на коли-

чество специфическаго продукта, которое кто-либо доставилъ: количество это могло быть лишеннымъ цѣнности, или имѣть лишь недостаточную цѣнность. Орудіе ликвидаціи должно свидѣтельствовать только *цѣнность* продукта, для того, чтобы доставившій продуктъ только на *цѣнность* и могъ получить требованіе. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ состоитъ это понятіе мѣрила цѣнности.

Когда требуется найти мѣрило цѣнности, то слѣдуетъ думать, что по отношенію къ цѣнности желаютъ достигнуть того же, какъ и по отношенію къ другимъ измѣряемымъ тѣламъ при помощи ихъ мѣрилъ. Но измѣрять данную длину, плоскость и т. п. означаетъ не что иное, какъ придавать наглядность конкретной величинѣ длины, плоскости и т. п. Поэтому и цѣлью мѣрила цѣнности было бы не что иное, какъ придать наглядность данной цѣнности. Но подобнымъ мѣриломъ не можетъ служить ни отдѣльный товаръ, хотя бы и постоянной цѣнности, ни работа, какъ того хочетъ Рикардо Предположимъ, что серебро было бы неизмѣнно съ точки зрѣнія собственнаго опредѣленія цѣнности: благодаря одному только этому и даже зная, что товаръ имѣетъ цѣнность п. серебра, нельзя было бы придать наглядность его цѣнности. Столь же мало достигалось бы это и тогда, если бы, при предположеніи, что количества товаровъ всегда обмѣниваются соотвѣтственно равнымъ количествамъ труда, было извѣстно, что данный товаръ имѣетъ цѣнность п. работы Нужно было бы еще спросить, сколько п. серебра или п. труда стоютъ во *всѣхъ* другихъ товарахъ. Но даже при достиженіи и этой цѣли, ни серебро, ни трудъ не могли бы занять мѣста „мѣрила“. При этомъ не было бы еще получено никакого нагляднаго воззрѣнія относительно измѣряемой цѣнности, а только была бы дана опредѣленная величина цѣнности, такъ какъ при этомъ еще отсутствовало бы такое мѣрило, которое могло бы дать объ ней совершенно опредѣленное

понятіе, способствовать уясненію ея *специфической* величины. Когда говорится, что извѣстная величина равняется тремъ метрамъ, то цѣль достигается этимъ мѣриломъ вполнѣ. Это и не можетъ быть иначе. Мѣрило есть не что иное, какъ наглядно изображенная и возведенная въ единицу часть величины самой мѣры, къ которой оно прилагается; мѣрило длины—сама длина, сдѣланная наглядною и возведенная въ единицу. Измѣрять, значитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ сравнивать данную величину мѣры съ частью ея же, сдѣланною наглядною и возведенною въ единицу Цѣнность же есть только отношеніе количества, въ которомъ одинъ товаръ, принятый за мѣрило, стоитъ многихъ другихъ. Поэтому, согласно природѣ понятія о мѣрилѣ, служить мѣриломъ цѣнности могла бы также лишь опредѣленная часть подобнаго *мѣноваго отношенія*, сдѣланная наглядною и возведенная въ единицу. Если, напр., одинъ шеффель ржи мѣняется на одинъ метръ сукна, 4 фунта масла, 32 кварты молока и проч., то для полученія мѣрила цѣнности ржи было бы необходимо принять за единицу опредѣленное мѣновое отношеніе ржи къ означеннымъ товарамъ. Нужно было бы, напр., принять за единицу отношеніе $^1/_4$ шеффеля ржи, $^1/_4$ метра сукна, 1 фунтъ масла, 8 квартъ молока и т. п., эту единицу сдѣлать для себя наглядною, назвать ее какимъ-нибудь именемъ и сравнивать съ данною цѣнностью ржи. Тогда стали бы говорить: 1 шеффель ржи имѣетъ цѣнность 4 (названіе единицы), какъ говорятъ о данной длинѣ, что она имѣетъ длину 4 аршинъ. Но усвоеніе себѣ и употребленіе подобнаго мѣрила было бы до невозможности затруднительно. Такъ какъ каждый товаръ мѣняется на многіе другіе, то нужно было бы удерживать въ умѣ единицу, состоящую изъ этого громаднаго числа уравненій. Потомъ, эта единица должна была бы распасться на множество другихъ единицъ, такъ какъ часто дѣло состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить незначительное измѣненіе цѣн-

ности. Наконецъ, измѣряемая цѣнность товара не всегда измѣряется равномѣрно во всѣхъ количествахъ, а, бо́льшею частью, лишь въ отдѣльныхъ изъ числа различныхъ обмѣниваемыхъ предметовъ. Если бы $^1/_4$ шеффеля ржи и продолжала стоить 1 ф. масла и 8 кварт молока, то, быть можетъ, она стоила бы всего $^1/_8$ метра сукна, вмѣсто прежней $^1/_4$. Итакъ, единица, взятая за мѣрило, должна была бы сама подраздѣляться далѣе и регулироваться сообразно измѣненіямъ цѣнности даже одного какого-нибудь товара. Но и за опредѣленіемъ всѣхъ этихъ трудностей подобное мѣрило могло бы употребляться лишь до той поры, пока продолжается господство одинаковыхъ потребностей. Гдѣ вмѣсто ржи, сукна и масла люди стали бы удовлетворять своимъ потребностямъ рисомъ, хлопчато-бумажными товарами и саломъ, тамъ мѣрило, отвлеченное отъ означеннаго мѣноваго отношенія, должно было бы выйти изъ употребленія. На этомъ основаніи люди принуждены искать *суррогата* мѣрила цѣнности, который служилъ бы своему назначенію если не прямо, то косвенно.

Самый важный случай измѣренія цѣнностей бываетъ тогда, когда требуется сравнивать между собою различные товары по ихъ цѣнности, *при одномъ и томъ же положеніи общественнаго хозяйства* и *въ одно и то же время*, чтобы быть въ состояніи узнать, какое количество всякаго товара приходится въ обмѣнѣ на количество всякаго другаго товара. Знать это столь необходимо, что, за отсутствіемъ подобнаго измѣренія, не могло бы существовать никакого правильнаго раздѣленія труда, поднимающагося надъ изолированными сдѣлками мѣновой торговли. Къ счастью, именно въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ дѣйствительному мѣрилу цѣнности, такъ какъ сравненіе производится въ одномъ и томъ же обществѣ и въ одно и то же время, когда производительность труда остается безъ измѣненія. Все дѣло состоитъ здѣсь въ томъ,

чтобы сравнить между собою двѣ или болѣе различныя цѣнности, узнать, *равны*-ли онѣ или нѣтъ, и на сколько одна изъ нихъ *больше*. чѣмъ другая. Для этого требуется лишь такое мѣрило, которое постоянно текло бы параллельно цѣнности товара или находилось къ ней въ одинаковомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что подобное мѣрило можетъ быть названо мѣриломъ не иначе какъ приблизительно. Скорѣе это самостоятельное, вполнѣ независимое отъ цѣнности мѣрило, обладающее въ своихъ частяхъ своими собственными масштабами Масштабы эти можно было бы назвать суррогатами мѣрила цѣнности, которые употребляются вмѣсто этого послѣдняго ради большаго удобства. Они постоянно находятся въ прямомъ отношеніи съ мѣриломъ цѣнности и поэтому могутъ быть употребляемы съ достаточною безопасностью, чтобы указывать опредѣляемою ими величиною мѣры требуемую и соотвѣтствующую величину цѣнности. Количества товара, заключающія въ себѣ одинаковую массу этого мѣрила-суррогата, имѣли бы постоянно одинаковую цѣнность, и товаръ, который превосходилъ бы другой на извѣстную часть своего мѣрила-суррогата, превосходилъ бы его на столько же и по цѣнности. Таковъ въ основаніи своемъ суррогатъ мѣрила цѣнности, служащій, собственно говоря, не мѣриломъ, а указателемъ цѣнности, совершенно на подобіе того, какъ термометръ, который было бы вѣрнѣе называть термоскопомъ, служитъ не для измѣренія, а только для указанія температуры. Подобно тому, какъ, при помощи термометра, мы ни въ какомъ случаѣ не узнаемъ количества самой теплоты, а лишь *относительныя* величины расширеній ртути, отъ которыхъ мы заключаемъ къ *относительнымъ* величинамъ теплоты, точно такъ же и въ суррогатѣ мѣрила цѣнности мы получаемъ не величину самой цѣнности, а лишь *относительныя* величины золота или работы, изъ которыхъ мы познаемъ *относительныя* величины цѣнности. Спрашивается

теперь, что именно служитъ наилучшимъ мѣриломъ-суррогатомъ? Несомнѣнно то, что̀ представляетъ наибольшую гарантію для выраженія реальной цѣнности товаровъ. Драгоцѣнный металлъ, какъ извѣстно, имѣетъ тотъ недостатокъ, что его собственная цѣнность лишена постоянства. Напротивъ того, трудъ является естественной основой измѣренія цѣнности всѣхъ товаровъ самихъ по себѣ. Поэтому, если предполагается, что количества обмѣниваемыхъ товаровъ содержатъ труда поровну, то не только трудъ годится въ суррогаты мѣрила цѣнности товаровъ, но послужитъ этому назначенію еще лучше, нежели драгоцѣнный металлъ и совершенно такъ же, какъ служилъ бы ему такой товаръ, который не подвергался бы никакимъ самостоятельнымъ колебаніямъ цѣнности. При всемъ томъ, мы тотчасъ увидимъ, почему роль подобнаго суррогата исполняетъ въ дѣйствительности до поры, до времени не трудъ, а именно драгоцѣнный металлъ.

2) Орудіе ликвидаціи должно представлять гарантію, что цѣнность, которая имъ означается, дѣйствительно, существуетъ на рынкѣ. Ясно, что это условіе необходимо не менѣе перваго. Такъ какъ отъ раздѣленія труда именно и требуется, чтобы за доставленные нами продукты доставлялись различные продукты, въ которыхъ нуждаемся мы сами, то ни успѣхъ, ни цѣль раздѣленія труда не были бы достигнуты въ томъ случаѣ, если бы цѣнность, которая была доставлена и обозначена орудіемъ ликвидаціи, не находилась бы въ запасѣ. Въ такомъ случаѣ какому-нибудь производителю, доставившему на рынокъ произведенную имъ цѣнность, очевидно, пришлось бы возвращаться домой съ пустыми руками, такъ какъ той цѣнности, на которую написано его свидѣтельство, не состояло бы въ наличности. Итакъ, орудіе ликвидаціи должно имѣть способность реализироваться во всякое время, а это бываетъ тогда, когда вся сумма цѣнностей, которая обозначается массою выданныхъ свидѣтельствъ и тре-

бованій, состоитъ на лицо въ естественной своей формѣ.

Выполненіе этихъ двухъ условій—орудіе ликвидаціи 1) обозначаетъ цѣнность и 2) даетъ гарантію, что означенная на немъ цѣнность, дѣйствительно, существуетъ, — является ручательствомъ за то, что ликвидація будетъ происходить правильно, т.-е., что будетъ осуществлено начало, въ силу котораго каждый получитъ изъ массы національнаго продукта ни больше, ни меньше, чѣмъ сколько доставилъ его самъ. Но разъ существуетъ подобное ручательство, подтвержденное опытомъ, то каждый будетъ отдавать свои продукты за орудіе ликвидаціи въ увѣренности, что пріобрѣтетъ за него другое. Вслѣдствіе этого орудіе ликвидаціи становится деньгами, т.-е. при состояніи предоставленнаго самому себѣ обмѣна и приносящей доходъ собственности, свидѣтельствомъ, которое всякій принимаетъ, и требованіемъ, которое всякій уважаетъ. Нынѣшнія металлическія деньги вполнѣ удовлетворяютъ этимъ условіямъ, именно благодаря тому, что онѣ *товаръ*.

Цѣнность денегъ въ обмѣнѣ, предоставленномъ самому себѣ, установляется, согласно съ основаніями, дѣйствующими относительно всѣхъ товаровъ. Если имѣется товаръ, который каждымъ принимается за всѣ другіе, то цѣнность каждаго товара относительно всѣхъ другихъ товаровъ должна быть выражаема при помощи этого посредника. Это происходитъ по той причинѣ, что если какой-либо одинъ товаръ часто и продолжительно обмѣнивается за всѣ другіе товары, то количество всеобщаго мѣноваго товара, которое дается за какой-нибудь другой товаръ, показываетъ также и то количество всѣхъ другихъ товаровъ, которое дается за этотъ товаръ, т.-е. цѣнность каждаго товара. Если, напр., серебро мѣняется на всѣ товары, и такимъ образомъ обнаруживается количество всѣхъ другихъ товаровъ, которые даются за марку серебра въ фунтахъ,

шеффеляхъ, метрахъ, ведрахъ, то каждый въ точности знаетъ, какова цѣнность товара, стоющаго одну марку серебра. Существенное условіе того товара, который долженъ служить въ качествѣ всеобщаго мѣрила цѣнности, представляетъ то, чтобы онъ былъ дѣлимъ безъ ущерба для своей цѣнности. Такому назначенію благородные металлы удовлетворяютъ превосходно.

Не менѣе этого, подобно всякому другому товару, драгоцѣнный металлъ даетъ обезпеченіе, что цѣнность, обозначаемая обращающимся количествомъ этого всеобщаго мѣноваго товара, дѣйствительно существуетъ и готова отвѣчать тому требованію, которое въ немъ заключается. Деньги точно такъ же предполагаютъ раздѣленіе труда, какъ и это послѣднее предполагаетъ деньги, иными словами, деньги постоянно возникаютъ uno actu съ постояннымъ раздѣленіемъ труда. Поэтому товары, въ которыхъ нуждаются въ кругу участниковъ, будутъ производиться уже сами-по-себѣ, безъ возложенія на денежный товаръ отвѣтственности за это производство. На производство товаровъ деньги оказываютъ вліяніе лишь въ той мѣрѣ, насколько, въ качествѣ всеобщаго показателя цѣнности, они указываютъ каждому тѣ выгоды, которыя могутъ быть достигнуты въ томъ или въ другомъ производствѣ. Итакъ, если деньги должны давать обезпеченіе, что обозначаемая ими цѣнность существуетъ, то это не слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что всѣ требуемые товары непремѣнно и производятся, а совершенно достаточно того, чтобы работа, произведшая цѣнность *въ кругу дѣленія труда*, могла удовлетворить каждаго, кто на то уполномоченъ обладаніемъ драгоцѣннаго металла или другаго товара и реализируетъ послѣдній въ видѣ денегъ. Это обезпеченіе—орудіе ликвидаціи, являющееся товаромъ, даетъ при помощи того, что, подобно прочимъ товарамъ, оно подлежитъ издержкамъ стоимости и основаніямъ опредѣленія цѣнности, и потому никто, не обладающій подобнымъ орудіемъ ликвидаціи, не

можетъ получать товаръ изъ круга раздѣленія труда, если не доставилъ равноцѣнности его. Онъ или произвелъ съ самаго начала товаръ, который служитъ орудіемъ ликвидаціи, и въ такомъ случаѣ онъ, разумѣется, произвелъ цѣнность, равную той, которую получилъ взамѣнъ его, или же онъ получилъ это орудіе за другой произведенный имъ товаръ и въ этомъ случаѣ доставилъ заранѣе равноцѣнность, если только онъ реализируетъ требованіе, содержащееся въ деньгахъ.

Первоначальными деньгами могъ быть исключительно товаръ. Дѣленіе труда въ качествѣ проявленія самого государства возникло не до него и не чрезъ него, а одновременно съ нимъ, и потому имѣетъ столь же грубое, естественное и безсознательное начало и точку отправленія, какъ и само государство. На этомъ основаніи деньги могли быть введены въ употребленіе не вслѣдствіе свободнаго размышленія человѣка, а лишь сами собою. Въ первобытномъ и грубомъ состояніи общества, когда имѣются лишь скудныя промышленныя свѣдѣнія и потребности, когда каждый удовлетворяетъ почти всѣмъ своимъ потребностямъ своими собственными произведеніями, и когда отрывочное раздѣленіе труда проявляется только въ отдѣльныхъ мѣновыхъ актахъ,—вліяніе одного и того же климата и одной и той же мѣстности производитъ одинаковый образъ жизни и одинаковые вкусы. И то и другое будетъ имѣть послѣдствіемъ, что какой-нибудь одинъ товаръ сдѣлается наиболѣе любимымъ, наиболѣе искомымъ и потому наичаще обмѣниваемымъ на другіе. Этимъ товаромъ будетъ предварительно тотъ, который служитъ для удовлетворенія наибо́льшаго числа потребностей. Въ то же время подобный товаръ будетъ дѣйствовать такъ же и какъ мѣрило имущества, не потому, что онъ уже употребляется въ качествѣ всеобщаго мѣрила цѣнности, которое показывало цѣнность всѣхъ прочихъ, въ чьемъ бы то ни было владѣніи на-

ходящихся товаровъ, а первоначально лишь настолько, насколько имущество каждаго фактически состоитъ въ этомъ товарѣ, и такимъ образомъ количество этого говара служитъ для непосредственнаго выраженія размѣровъ имущества. Разъ, что подобное мѣрило состоитъ на лицо,—а до этой ступени природа доводитъ человѣка безъ всякаго съ его стороны содѣйствія,—то необходимъ лишь маленькій шагъ, чтобы означенный товаръ сталъ деньгами, и этотъ шагъ дѣлается не въ силу общаго соглашенія, а благодаря простому размышленію каждаго лица. А именно, если подобный товаръ не легко подвергается порчѣ, то каждый, обладающій другимъ товаромъ, въ которомъ онъ болѣе не нуждается, даже при самыхъ обыкновенныхъ умственныхъ способностяхъ, пришелъ бы непремѣнно къ мысли вымѣнивать сколько возможно больше своего товара на тотъ другой, всѣми требуемый, образующій имущество товаръ. Онъ сталъ бы стремиться къ этому не только для того, чтобы самому немедленно потребить его, но и для того, чтобы, вмѣсто ненужнаго ему товара, располагать такимъ, за который, именно благодаря всеобщей въ немъ потребности, можно получить во всякое время какой-либо иной товаръ. Если подобное соображеніе сдѣлается всеобщимъ,—а оно должно стать таковымъ, потому что оно близко интересамъ каждаго,—то въ скоромъ времени всѣ производимые и требуемые въ кругу раздѣленія труда товары начнутъ обмѣниваться за этотъ многотребуемый товаръ. Тогда мало-по-малу въ представленіи каждаго установится то отношеніе количества, въ которомъ станутъ обмѣниваться другіе товары за этотъ товаръ, и такимъ образомъ послѣдній сдѣлается непосредственно деньгами, потому что онъ станетъ орудіемъ обращенія и мѣриломъ цѣнности.

Судя по необходимой природѣ того товара, которому предстояло выступить первоначально въ качествѣ денегъ,—это былъ не драгоцѣнный металлъ, а иной то-

варъ. И въ самомъ дѣлѣ это доказывается одновременно миѳами, исторіею и этнографіею. Такъ, напр., во всѣхъ странахъ умѣреннаго пояса, въ которыхъ велась охотничья и кочевая жизнь, а впослѣдствіи совершился переходъ къ земледѣлію, первоначальную роль денегъ по легко объяснимымъ причинамъ долженъ былъ играть скотъ. Такой предметъ, который могъ доставлять пищу, одежду, кровлю и орудія, который повсюду продолжительно и съ легкостью могъ содержать самъ себя, который былъ предметомъ или опорою первыхъ жизненныхъ занятій или промысловъ,—естественно долженъ былъ явиться обще-искомымъ и потребнымъ, самою любимою частью имущества. Лишь тогда могъ сдѣлаться любимымъ товаромъ другой товаръ, а не тотъ, который удовлетворялъ всеобщимъ, необходимымъ, дѣйствительнымъ потребностямъ, когда рабство прекратило избіеніе плѣнныхъ враговъ и переложило тяжесть производства съ плечъ всѣхъ и каждаго на плечи отдѣльнаго класса лицъ; когда господа сдѣлались единственными лицами, ведущими торговлю, которымъ обладаніе необходимыми благами, получаемыми отъ другихъ, дозволяло расширить свою фантазію и сластолюбіе; когда началось блестящее время сагъ и героевъ, къ которому примыкаетъ образованіе и развитіе государствъ и положительныхъ религій, и когда вновь возникшіе короли и вновь построенные замки стали нуждаться въ украшеніяхъ. Этимъ многоискомымъ и многопотребнымъ товаромъ, этимъ излюбленнымъ имуществомъ, благодаря своей красотѣ, сдѣлались золото и серебро. Это также подтверждается миѳами, какъ, напр., миѳомъ о быкахъ Геріона, и историческимъ фактомъ, что золото и серебро сдѣлались прежде всего деньгами тамъ, гдѣ ограниченное ихъ количество возвышало ихъ прелесть и гдѣ началось образованіе государствъ. Развѣ же этотъ способъ возникновенія денегъ не показываетъ ясно, что кромѣ товара ничто не могло быть деньгами? Необходимость

этого лежитъ столько же въ отношеніяхъ цѣнности, сколько и въ обезпеченіи возмѣщенія. Согласно своей природѣ, цѣнность измѣнчива, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ отрывочнѣе и аѳористичнѣе раздѣленіе труда въ началѣ своего существованія. Представляетъ уже весьма развитую стадію торговли, когда цѣнность получаетъ только тенденцію регулироваться главнымъ образомъ стоимостью производства, и даже эта послѣдняя измѣнчива; еще далѣе назадъ лежитъ отношеніе запаса къ потребности, которое тогда главнымъ образомъ опредѣляетъ размѣръ цѣнности; еще глубже въ исторію, когда еще не возникало никакихъ правильныхъ рыночныхъ потребностей, единственнымъ началомъ цѣнности является напряженіе или ослабленіе потребности индивидуумовъ. При всемъ томъ служить мѣриломъ цѣнности составляетъ самый существенный аттрибутъ денегъ. Естественно измѣняющаяся цѣнность должна имѣть возможность каждое мгновеніе изображаться или отражаться въ деньгахъ, но для этой цѣли можетъ служить только одинъ товаръ, причемъ тотъ, какъ извѣстно, оказывается для этого самымъ лучшимъ, который самъ всего менѣе подлежитъ подобнымъ измѣненіямъ цѣнности. Только въ такомъ случаѣ, если бы цѣнность не подвергалась подобнымъ колебаніямъ, если бы возможно было ее регулировать, то въ этомъ отношеніи существовала бы возможность введенія другихъ денегъ. Но подобное регулированіе могло бы имѣть мѣсто исключительно въ кругу наиболѣе правильнаго и прочнаго раздѣленія занятій, которое, благодаря высокой степени своего развитія, несло бы въ самомъ себѣ необходимость своего существованія. Между тѣмъ раздѣленіе труда на своей наиболѣе ранней ступени само нуждается въ деньгахъ, и потому первоначально могло быть деньгами лишь то, что только и могло соотвѣтствовать отношеніямъ цѣнности, необходимо обусловленнымъ зачатками раздѣленія труда.—Совершенно подобное же основаніе имѣло значе-

ніе и относительно обезпеченія возмѣщенія. Первоначальный обмѣнъ носитъ отрывистый характеръ и состоитъ въ отдѣльныхъ и въ случайныхъ мѣновыхъ актахъ. При подобномъ состояніи вещей никто не могъ бы принимать за деньги нѣчто такое, что̀ не могло бы представлять непосредственнаго возмѣщенія, содержащагося въ немъ самомъ за отчужденный предметъ потребленія, такъ какъ не существовало бы никакой увѣренности, что это возмѣщеніе будетъ получено еще гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Лишь при существованіи *такой* увѣренности никому нѣтъ надобности обращать вниманіе на то, чтобы сами деньги представляли въ извѣстномъ смыслѣ возмѣщеніе. Обезпеченіе перваго рода конечно можетъ быть осуществлено даже при отсутствіи послѣдняго условія, но обезпеченіе втораго рода можетъ быть осуществлено только при существованіи прочнаго, правильнаго и развитаго раздѣленія труда.

Изъ этой исторіи возникновенія денегъ видно, что драгоцѣнный металлъ, бо̀льшею частью, служилъ деньгами еще въ иномъ смыслѣ и по инымъ основаніямъ, нежели теперь. Первоначально золото и серебро принимались только какъ товаръ, и мы имѣли случай видѣть, что только благодаря этому и были введены и могли быть введены въ употребленіе деньги. Подобно тому какъ первоначально принимался за всякій продуктъ скотъ, такъ какъ это былъ товаръ, которымъ можно было удовлетворить бо́льшей части потребностей, и который поэтому прежде всего цѣнился какъ главная составная часть имущества, такъ же точно потомъ стали принимать за продукты золото и серебро. Правда, золото и серебро не могли, подобно скоту, удовлетворять настоятельнымъ потребностямъ, но объ этомъ послѣднемъ должны были заботиться рабы, положеніе же господина требовало внѣшняго блеска, и такимъ образомъ драгоцѣнные металлы сдѣлались такою же главною составною частью богатства, какъ предвари-

тельно скотъ. Золото и серебро стали принимать за всякій продуктъ, потому что нуждались въ нихъ самихъ, ихъ стали принимать первоначально въ качествѣ возмѣщенія, заключающагося въ нихъ самихъ, за то, что̀ было отдаваемо за нихъ. Именно, благодаря этому, они только и дѣйствовали какъ деньги, хотя *еще не были деньгами* въ смыслѣ понятія о деньгахъ. Въ настоящее же время золото и серебро не только дѣйствуютъ какъ деньги, *они—суть деньги*.

Въ настоящее время золото и серебро являются *еще* деньгами, или, лучше сказать, уже деньгами, потому что всѣ увѣрены въ томъ, что всегда получатъ за нихъ блага, какія потребуются въ качествѣ возмѣщенія за проданный продуктъ. Эта увѣренность для массы установилась лишь въ результатѣ опыта и фактически, но экономисту извѣстно, что это возможно только потому, что золото и серебро выполняютъ при помощи своего товарнаго качества оба условія, гарантирующія правильное посредничество въ раздѣленіи труда. При всемъ томъ, металлъ, исполняющій роль денегъ, ни въ какомъ случаѣ не принимается за товаръ, если только въ немъ не нуждаются, какъ въ таковомъ, или не желаютъ употребить его на особое назначеніе. Въ послѣднемъ случаѣ самый металлъ представлялъ бы возмѣщеніе за продуктъ, который былъ отданъ въ обмѣнъ, и вслѣдствіе этого пересталъ бы функціонировать въ качествѣ денегъ. Но въ настоящее время каждый желаетъ имѣть возмѣщеніе за самыя деньги, и возмѣщеніе это, при существованіи системы прочнаго и необходимаго раздѣленія труда, представляетъ тысячи товаровъ, преобладающихъ надъ драгоцѣнными металлами въ ряду потребностей. Итакъ, какимъ же образомъ каждый сталъ бы принимать какъ товаръ слѣдующіе за его продуктъ драгоцѣнные металлы? Послѣдніе не имѣли бы для него ровно никакой цѣнности, пока не удовлетворены всѣ предварительныя потребности.

Каждый принимаетъ въ настоящее время металлическія деньги вслѣдствіе увѣренности, что онъ получитъ за нихъ то, въ чемъ нуждается. Вмѣстѣ съ тѣмъ и металлическія деньги въ настоящее время суть только деньги, не потому что онѣ товаръ, въ которомъ нуждается каждый, а потому, что онѣ суть вѣрное требованіе, потому что онѣ сдѣлались деньгами также соотвѣтственно понятію о деньгахъ Это особенно замѣтно на нынѣшнихъ бумажныхъ деньгахъ. Прочныя бумажныя деньги, хотя онѣ и не имѣютъ почти никакой цѣнности какъ товаръ, принимаются столь же охотно, какъ и металлическія деньги. Не существуетъ лучшаго доказательства, что никому нѣтъ дѣла до денежнаго товара, а есть дѣло исключительно до денегъ, какъ до требованія на совершенно иные товары. Нельзя отвѣтить на это, что бумажныя деньги принимаются лишь настолько, насколько господствуетъ довѣріе имѣть возможность размѣнять ихъ на металлическія деньги: если это не приводится въ исполненіе, хотя и можетъ приводиться, то именно это и показываетъ, что желателенъ не денежный *товаръ* Если только означенное довѣріе бо́льшею частью и поддерживаетъ курсъ бумажныхъ денегъ, то это происходитъ не просто потому, что за нихъ всегда можно получить денежный товаръ, а потому, что, какъ доказываетъ возможность ихъ реализаціи въ видѣ денежнаго товара, бумажныя деньги соотвѣтствуютъ потребностямъ обмѣна, т.-е. выполняютъ условія, которымъ должно отвѣчать орудіе ликвидаціи. Довѣріе къ эмиссіонерамъ бумажныхъ денегъ, вытекающее изъ другихъ источниковъ, можетъ поддерживать курсъ бумажныхъ денегъ даже при увѣренности въ томъ, что не существуетъ вовсе денежнаго товара для размѣна ихъ, какъ тому служила примѣромъ въ теченіи многихъ лѣтъ Англія.

Такимъ образомъ слѣдуетъ проводить различіе между двумя историческими періодами металлическихъ денегъ. Въ теченіи того и другаго онѣ суть деньги, благодаря

своему товарному качеству,—въ теченіи перваго въ силу того, что онѣ обезпечиваютъ возмѣщеніе самымъ этимъ качествомъ, въ настоящее же время вслѣдствіе того, что онѣ обезпечиваютъ возмѣщеніе только при его посредствѣ, что онѣ представляютъ только солидное требованіе на послѣднее. Существуетъ и такой отдѣлъ исторіи, который разграничиваетъ между собою оба эти періода, именно тотъ, когда впервые стали чеканить благородные металлы, вмѣсто того, чтобы вѣсить ихъ. Оба эти различные момента металлическихъ денегъ нужно стараться представлять себѣ раздѣльно, исторически, а не такъ, какъ это дѣлается обыкновенно, т.-е. логически, какъ если бы они совпадали въ природѣ металлическихъ денегъ такимъ образомъ, что второй моментъ существовалъ бы только на основѣ перваго. Справедливо, что послѣдній не могъ бы проявиться, если бы предварительно не проявился первый; однако каждый изъ нихъ существуетъ самъ-по-себѣ, и первый былъ только историческимъ введеніемъ [9]).

---

[9] Къ этому мѣсту своей брошюры „Zur Erkenntniss etc“ авторъ дѣлаетъ слѣдующее важное примѣчаніе: „Это представляетъ замѣчательный примѣръ того, какъ соціальное, если не учрежденіе, то средство, въ своемъ историческомъ развитіи, постепенно становится не тѣмъ, за что оно считалось и принималось первоначально, какъ соціальныя отношенія покоются на необходимостяхъ природы, на предписаніяхъ природы и на явленіяхъ природы, но потомъ, постепенно, изъ собственнаго развитія переходятъ въ область человѣческой свободы, въ которой продолжаетъ ихъ новый богъ исторіи—самъ человѣкъ Я, по меньшей мѣрѣ, убѣжденъ, что современемъ обозначенныя мною ниже деньги замѣнятъ собою деньги металлическія. .. Въ такомъ случаѣ будетъ проводиться уже различіе между тремя періодами въ исторіи денегъ: первый, въ теченіи котораго деньгами могъ быть только товаръ, какъ товаръ, второй, когда деньгами могъ быть только товаръ, но не какъ товаръ, и третій, когда деньги перестали бы вовсе быть товаромъ Въ теченіи перваго товаръ долженъ былъ быть деньгами какъ товаръ, ибо въ противномъ случаѣ не могло бы быть обезпечено соотвѣтствующее возмѣщеніе, въ теченіи втораго товаръ долженъ быть деньгами, хотя уже не какъ товаръ, ибо цѣнность еще не можетъ быть

Говоря эмпирически, деньги суть не что иное какъ орудіе обращенія, логически,—не что иное, какъ орудіе ликвидаціи. Каждое занятіе, при которомъ въ нихъ нынче нуждаются, при продажѣ за металлъ кончено лишь на половину, ибо тотъ, кто отдаетъ свой продуктъ за деньги и желаетъ эти послѣднія снова употребить въ дѣло, а не переплавить, видитъ свое возмѣщеніе не въ деньгахъ, а въ томъ, что онъ получитъ за деньги. Это имѣетъ значеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда деньгами уплачиваются подати и поземельная рента, такъ какъ и то и другое представляютъ лишь денежную форму натуральныхъ податей и ренты.

Такъ какъ въ настоящее время никто болѣе не принимаетъ денегъ на томъ основаніи, что онѣ какъ товаръ могли бы служить возмѣщеніемъ за отданный продуктъ, а исключительно потому, что, удовлетворяя при посредствѣ своего товарнаго качества условіямъ орудія ликвидаціи, онѣ могутъ доставить такое возмѣщеніе въ другомъ продуктѣ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что можетъ существовать еще и другое орудіе ликвидаціи, нежели товаръ, если только и оно одинаково выполнитъ условія, которымъ долженъ отвѣчать таковой. Если это справедливо, то функцію орудія ликвидаціи могъ бы выполнять простой знакъ. Эти условія состояли бы въ слѣдующемъ: а) чтобы орудіе было

выражаема иначе, какъ въ таковомъ; въ теченіи третьяго можетъ уже быть деньгами не товаръ, а нѣчто другое, ибо и цѣнность должна быть обозначаема уже иначе. У каждаго изъ этихъ различныхъ періодовъ лежитъ въ основаніи своеобразная ступень развитія въ раздѣленіи труда: у перваго—начальная, на которой раздѣленіе труда находится еще только въ зародышѣ своего слитія, и на которой отдѣльный человѣкъ и отдѣльная семья еще въ состояніи, по собственному усмотрѣнію, относиться къ нему отрицательно; у втораго—фактическое, развитое дѣленіе труда, въ которомъ человѣкъ уже обязанъ жить, потому что въ противномъ случаѣ онъ не нашелъ бы себѣ мѣста; у третьяго—познаніе и овладѣніе этимъ развитымъ раздѣленіемъ труда *(этимъ-ли)?* и духовная сторона—начало царства свободы, человѣческой автономіи также и въ этой сферѣ".

въ состояніи указывать цѣнность вещей; б) чтобы оно давало обезпеченіе, что показанная цѣнность дѣйствительно существуетъ. Итакъ, если простой знакъ можетъ указывать цѣнность, которую свидѣтельствуетъ и на которую представляетъ требованіе орудіе ликвидаціи, и если при обращеніи простаго знака могутъ быть приняты мѣры, которыя сдѣлали бы достовѣрнымъ, что эта засвидѣтельствованная и требуемая цѣнность дѣйствительно существуетъ, — то, естественно, что и простой знакъ можетъ также служить орудіемъ ликвидаціи. Это возможно: а) при томъ условіи, что цѣнность товаровъ совпадаетъ съ количествомъ труда, ибо тогда часы, дни и пр труда, написанные на знакахъ, выполняли бы роль мѣрила цѣнности столь же хорошо, какъ и талеры, пфенниги и пр., содержащіеся въ опредѣленномъ количествѣ серебра, и б) при томъ условіи, чтобы получалъ подобные знаки лишь тотъ, кто дѣйствительно сбылъ продуктъ труда. Какимъ бы широкимъ ни вообразить себѣ круга раздѣленія труда, но если это правило соблюдается въ точности, то сумма существующей цѣнности должна въ точности равняться суммѣ свидѣтельствуемой цѣнности. Впрочемъ, само собою разумѣется, что все это можетъ быть только дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

VII

Оцѣнка ученія объ общественно-экономической сторонѣ раздѣленія труда. — Замѣчанія по поводу ученія о происхожденіи и развитіи денегъ. — Ошибка Родбертуса по вопросу о денежныхъ знакахъ.

Въ ученіи о раздѣленіи труда со временъ Адама Смита до того времени, когда писалъ Родбертусъ, не произошло почти никакого измѣненія. Прославляя на

перерывъ другъ передъ другомъ выгоды раздѣленія труда, экономисты, бо́льшею частью, довольствовались для разъясненія этого кореннаго явленія современной экономической жизни повтореніемъ на всѣ лады знаменитаго примѣра Смита о производствѣ булавокъ. Къ сожалѣнію, примѣръ этотъ, относясь къ совершенно-спеціальной, узко-технической мануфактурной области, не могъ дать надлежащаго понятія о раздѣленіи труда въ самомъ обществѣ, и, отвлекая вниманіе изслѣдователей отъ этого важнаго вопроса, скорѣе способствовалъ затемненію, чѣмъ разъясненію сущности дѣла. Присоединивъ къ ученію о раздѣленіи труда, на-ряду съ техническимъ, также и общественно-экономическій моментъ, Родбертусъ сдѣлалъ, несомнѣнно, новый и многоцѣнный вкладъ въ науку. Онъ справедливо говоритъ, что понятіе объ общественно экономическомъ раздѣленіи труда есть основное общественно-хозяйственное понятіе, естественное начало науки народной экономіи, изъ котораго только и можетъ выводиться *общественно-экономическій*, и, прибавимъ отъ себя, *юридическій* матеріалъ. Исходя изъ того основанія, что общественное раздѣленіе труда, въ отличіе отъ раздѣленія его внутри отдѣльной мастерской, семьи, общины, кооперації, не только раздѣляетъ, но и соединяетъ путемъ обмѣна отдѣльныя звенья производства, не трудно убѣдиться, что вся совокупность *общественно-экономическихъ* явленій — цѣнность, деньги, капиталъ, доходъ, кредитъ, законъ народонаселенія— находится въ тѣснѣйшей внутренней зависимости отъ означеннаго вида раздѣленія труда, и, при отсутствіи яснаго объ немъ представленія, совершенно не можетъ быть понята. Съ другой стороны, не менѣе справедливо и то, что, служа источникомъ обмѣна и обособляя собственность по отдѣльнымъ хозяйствамъ, то же самое общественное раздѣленіе труда представляетъ скрытую основу, на которой покоится вся совокупность учрежденій какъ публичнаго, такъ и граждан-

скаго права. Исторія зарожденія и образованія сословій и общественныхъ классовъ, исторія возникновенія и развитія права обязательствъ — договора мѣны, купли-продажи, займа, найма, залога, поручительства, — права собственности, — которое, именно подъ вліяніемъ постепеннаго расчлененія функцій общества, превратилось изъ права *общиннаго пользованія* вещью въ право *отчужденія* ея однимъ лицомъ въ *личное пользованіе* многихъ другихъ лицъ,—все это и многое другое можетъ быть осмыслено не иначе, какъ принимая во вниманіе ту тайную пружину, которая приводитъ въ движеніе упомянутый юридическій механизмъ. Какимъ образомъ, напр., можно понять, въ чемъ состоитъ наслѣдственное право, если не имѣешь никакого представленія о лежащей въ основаніи его наслѣдственности функцій? Отчеты путешественниковъ представляютъ намъ такой изобильный выборъ данныхъ для подтвержденія того факта, что именно наслѣдственность функцій, а не что-либо иное является дѣйствительною подкладкою наслѣдственнаго права, что только слѣпой прошелъ бы мимо нихъ безъ вниманія. Повсюду, напр., въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ права собственности передаются по наслѣдству въ женской линіи, тому же порядку слѣдуетъ и переходъ по наслѣдству должностей (Малайскій Архипелагъ, Сандвичевы острова, многія общежитія африканскихъ негровъ). Какое точное понятіе можно далѣе себѣ составить о природѣ права обязательствъ, не разъяснивъ заранѣе экономическаго значенія въ высшей степени характеристической для системы раздѣленія труда мѣновой сдѣлки, изъ которой выросло все право обязательствъ со всѣми его развѣтвленіями? Возможно-ли имѣть правильный взглядъ на возникновеніе и развитіе вещнаго права, не принимая въ соображеніе того факта, что постепенное индивидуализированіе въ обществѣ права собственности шествуетъ прямо по стопамъ дробленія общественныхъ профессій? Самый даже процессъ ин-

дивидуализаціи собственности далеко не столь простъ, какъ это кажется, а, напротивъ, отличается такою сложностью, что окончательный приговоръ о немъ можетъ быть составленъ не иначе, какъ при помощи глубокаго и тщательнаго изученія его историко-экономической основы. Процессъ возрастанія раздѣленія труда въ обществѣ сопровождается все бо́льшимъ и бо́льшимъ сосредоточеніемъ производства въ отдѣльныхъ пунктахъ, за которымъ, въ свою очередь, слѣдуетъ, на-ряду съ индивидуализированіемъ собственности въ моментъ ея потребленія, все бо́льшее и бо́льшее сосредоточеніе ея въ немногихъ рукахъ въ продолженіи процесса производства. Отсюда возникаетъ совершенно новый, невѣдомый ни древности, ни среднимъ вѣкамъ, родъ права собственности,—т.-е. права отчужденія предметовъ, предназначенныхъ отъ самаго своего рожденія для потребленія другихъ людей, въ видахъ все новаго и новаго повторенія все той же операціи. Такимъ-то образомъ, право собственности, т.-е. согласно прямому смыслу этого выраженія, право личнаго потребленія вещи, превращается въ право отчужденія ея для потребленія другими лицами, т.-е. въ нѣчто совершенно противоположное. Нечего поэтому удивляться, что иногда, въ моментъ экономическаго кризиса, подобная собственность, оставаясь на основаніи положительнаго закона соединеніемъ исключительныхъ для собственника правъ владѣнія, пользованія и распоряженія вещью, внезапно превращается въ ничто, и тѣмъ ясно показываетъ, что гг. юристы въ своихъ опредѣленіяхъ этого права отстали отъ исторіи на цѣлыя столѣтія.

Намъ слѣдуетъ еще прибавить, что изображеніе генетическаго развитія денегъ въ сочиненіи Родбертуса представляетъ замѣчательный примѣръ вполнѣ оригинальнаго и цѣннаго изслѣдованія въ этой въ высшей степени интересной, хотя мало извѣстной области. Все, или почти все, что̀ говорится имъ о мѣрилѣ цѣнности,

объ орудіи ликвидаціи, или, что то же самое, о всеобщемъ эквивалентѣ, о товарномъ характерѣ денегъ, отличается большою поучительностью и новизною. Только съ выводомъ автора, сдѣланнымъ изъ вѣрнаго, въ сущности, но нѣсколько преувеличеннаго положенія, что въ настоящее время деньги не обращаются исключительно, какъ товаръ, а, главнымъ образомъ, какъ деньги, мы не можемъ согласиться. Выводъ этотъ, какъ читателю извѣстно, состоитъ въ томъ, что Родбертусъ признаетъ совершенно логичнымъ и осуществимымъ дѣломъ замѣну металлическихъ денегъ простыми знаками, написанными на часы и дни труда. То обстоятельство, что, при всемъ своемъ пониманіи общей теоріи денегъ, Родбертусъ могъ допустить себя впасть въ подобную ошибку, показываетъ, что механизмъ денежнаго обмѣна все же не представлялся ему въ достаточно ясномъ свѣтѣ. На самомъ дѣлѣ деньги не только когда-то были, а потомъ перестали быть товаромъ, но всегда оставались имъ, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда ихъ замѣняли бумажными знаками. Доказательства этого на-лицо, — всѣ безъ исключенія бумажныя деньги пишутся на рубли, гульдены, марки, франки и тѣмъ ясно свидѣтельствуютъ, что замѣняютъ собою временно отсутствующій осязательный и реальный вѣсъ металла. Напротивъ, бумажные знаки, которые относились бы прямо къ днямъ и къ часамъ труда, не только не были бы въ состояніи исполнять роль мѣрила цѣнности, на подобіе талеровъ, пфенниговъ и др., но оказались бы совершенно излишними во всякой системѣ общественно-раздѣленнаго труда. Металлическія деньги и ихъ знаки составляютъ продуктъ частно-правоваго, мѣноваго хозяйства, и онѣ товаръ потому, что родились и дѣйствуютъ въ мірѣ товаровъ. По мнѣнію Родбертуса, всѣ прочіе товары могли бы остаться, по-прежнему, товарами, т.-е. — продуктами раздѣленнаго, профессіональнаго труда, а деньги сдѣлались бы знаками уже не товаровъ, а непосредствен-

наго труда, такъ-сказать, вылущеннаго изъ скорлупы товара. Подобному назначенію знаки Родбертуса, дѣйствительно, могли бы служить въ какой-нибудь коопераціи или общинѣ, но въ системѣ раздѣленнаго труда они были бы столь же неумѣстны, какъ и вышеприведенное „національное завѣдываніе промышленностью“.

Николай Зиберъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАРЛЪ РОДБЕРТУСЪ-ЯГЕЦОВЪ И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ *).

(Окончаніе).

VIII.

Способъ подраздѣленія ренты вообще на ренту поземельную и на прибыль съ капитала.—Смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ.—Раздѣленіе собственности между землевладѣльцемъ и капиталистомъ. — Особый способъ возникновенія поземельной ренты въ отличіе отъ прибыли. — Сравнительное возвышеніе производительности труда въ Европѣ—въ земледѣліи и въ обрабатывающей промышленности.—Изложеніе и опроверженіе теоріи ренты Рикардо. — Основанія народно-хозяйственныя, сельско-хозяйственныя и статистическія.

Спрашивается теперь, на какихъ основаніяхъ рента вообще подраздѣляется на ренту поземельную и на прибыль съ капитала? Если та и другая, какъ это было показано выше, имѣютъ въ послѣднемъ результатѣ одно и то же начало, обѣ представляютъ ренту, то, спрашивается, какія особенныя начала лежатъ въ основаніи поземельной ренты въ отличіе отъ прибыли?

Въ хозяйствѣ, трудъ котораго еще не раздѣленъ, и которое ведется при помощи рабовъ, рента еще не отдѣляется отъ прибыли. Въ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ, свободными рабочими и денежными сношеніями, первая отдѣляется отъ второй. Суть дѣла

*) См. „Юридич. Вѣсти“ 1881 г., январь и февраль.

состоитъ здѣсь въ томъ, что въ первомъ случаѣ мѣновая цѣнность и деньги не играютъ еще никакой роли, а во-второмъ имъ принадлежитъ главная роль. Даже по самому понятію въ первомъ случаѣ невозможно отличить поземельную ренту отъ прибыли на капиталъ. Прежде всего рента здѣсь не дѣлится между землевладѣльцемъ и капиталистомъ, которые до поры до времени соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ. Кромѣ того эта рента ни вполнѣ, ни частью не можетъ быть выражена отношеніемъ къ совокупному имуществу или къ его отдѣльнымъ частямъ, въ качествѣ составной его части: такъ какъ въ этомъ состояніи мѣновая цѣнность вообще еще не проявляется, то не достаетъ еще одноименнаго масштаба для оцѣнки какъ означенной ренты и ея частей, такъ и всей совокупности имущества и его частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности выразить отношеніе между тою и другою. Наконецъ въ этомъ состояніи не существуетъ даже и понятія о капиталѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Капиталъ самъ по себѣ, логически и въ народно-экономическомъ отношеніи есть продуктъ, употребляющійся въ дѣло для дальнѣйшаго производства, или, какъ это удачно было названо, предварительный трудъ. Но по отношенію къ особой прибыли, которую онъ долженъ приносить, или въ смыслѣ капитала нынѣшняго предпринимателя, онъ долженъ представлять собою авансъ или затрату, чтобы быть капиталомъ. Такъ, подъ нынѣшнимъ историческимъ капиталомъ разумѣется цѣнность матеріала, орудій и авансированнаго вознагражденія за трудъ, причемъ она разсматривается какъ капиталъ, на который вычисляется прибыль, ибо она повсюду проявляется въ качествѣ аванса и проявляется такимъ образомъ потому, что на капиталъ и землю существуетъ частная собственность. Но въ хозяйствѣ съ нераздѣльнымъ и рабскимъ трудомъ орудія и заработная плата не могутъ считаться авансомъ, потому что всѣ процессы и вещи здѣсь

соединены въ рукахъ одного господина. На этомъ-то основаніи,—такъ какъ здѣсь рента вообще не дѣлится между землевладѣльцемъ и капиталистомъ, такъ какъ за отсутствіемъ одноименнаго масштаба для оцѣнки здѣсь невозможно выразить ни отношенія между рентою и имуществомъ, ни понятія о нынѣшнемъ капиталѣ, — то здѣсь не можетъ существовать и никакого уровня прибыли съ капитала, а также и поземельной ренты въ собственномъ смыслѣ слова. Только денежный капиталъ и денежный процентъ. sors и foenus при торговлѣ между отдѣльными хозяйствами мыслимы въ подобномъ состояніи. Возможность установленія уровня процентовъ дается здѣсь тѣмъ, что въ деньгахъ имѣется одноименный масштабъ какъ для главной суммы, такъ и для процентовъ. Но этотъ уровень процентовъ будетъ исключительно ростовщичій, т.-е. будетъ опредѣляться не соотвѣтственно размѣру возможной промышленной прибыли съ капитала, какъ нынѣшній общій уровень процентовъ, — а какими либо мотивами личной потребности заемщика. Поэтому еще Аристотель говоритъ: „деньги были предназначены только для обмѣна, искусство-же пріобрѣтенія, раздающее ихъ на проценты, употребляетъ ихъ при помощи ростовщичества, для самоувеличенія. Именно отъ этого получили въ Греціи свое названіе проценты, которые означаютъ несеніе яицъ, ибо равное рождается отъ равнаго, и такимъ-то образомъ въ этомъ искусствѣ деньги, отданныя на проценты, снова рождаютъ деньги-же".

Описанное здѣсь состояніе, въ которомъ сырой продуктъ не перемѣняетъ своего владѣльца, ни въ какомъ случаѣ не является плодомъ народно-экономической фантазіи,—оно представляетъ государственно-хозяйственный типъ древности. Авторъ прекрасно знаетъ, что у него этотъ типъ выставленъ слишкомъ рѣзко и что дѣйствительность смягчила и измѣнила въ немъ многое, что многіе ремесленники были свободны, что именно

аѳинская жизнь представляла картину болѣе крупнаго денежнаго хозяйства, довольно бойкой торговли и сношеній. Но онъ знаетъ и то, что эти свободные ремесленники, какъ это существуетъ еще и въ настоящее время въ Китаѣ и въ Остъ-Индіи, обыкновенно работали не на собственный свой счетъ, а за рабочую плату въ тѣхъ большихъ частныхъ хозяйствахъ, — надъ остающимся у этихъ хозяйствъ матеріаломъ,—которыя, по словамъ Аристотеля, представляютъ характеристическую черту экономической жизни аѳинянъ Духъ наблюдательности этого философа никогда не могъ бы установить того различія въ искусствѣ пріобрѣтенія, которое встрѣчается въ первой книгѣ его „Политики", если-бы описанное у него состояніе вещей не имѣло корней въ дѣйствительности. Хотя въ нашихъ глазахъ можетъ показаться предразсудкомъ, что ту дѣятельность, которая занимается одною только отдачею денегъ на проценты,—наше нынѣшнее банковое дѣло,—онъ считаетъ за отвратительное ростовщичество; ту, которая состоитъ въ простой торговлѣ, въ покупкѣ товаровъ для перепродажи, также признаетъ вредною, даже ту, которая исчерпывается превращеніемъ въ деньги излишковъ собственнаго хозяйства, допускаетъ лишь по исключенію; и напротивъ порядочною и достойною свободнаго гражданина находитъ исключительно ту, которая въ собственномъ хозяйствѣ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ дома:—хотя, повторяемъ, подобныя различія кажутся намъ не болѣе какъ предразсудками, но и сами общественные предразсудки покоятся исключительно на общественныхъ правилахъ. Это обстоятельство есть также причина того, почему древніе не имѣли понятія о капиталѣ въ новѣйшемъ смыслѣ, а равно о прибыли съ капитала и о поземельной рентѣ, а знали только займы денегъ и проценты на нихъ. Оно же является одною изъ причинъ того, почему вся область политической экономіи была для древнихъ закрыта и должна была оставаться таковою,

почему въ экономическихъ произведеніяхъ такихъ умовъ, какъ Ксенофонтъ и Аристотель, нельзя найти ничего иного. кромѣ правилъ простой домашней экономіи

Съ замѣною такого положенія вещей раздѣленіемъ труда въ обществѣ, которое также представляетъ историческое явленіе, возникшее главнымъ образомъ въ германской Европѣ съ образованіемъ городовъ и служившее колыбелью германскаго права, основаннаго на раздѣленіи городскихъ и сельскихъ промысловъ, роли землевладѣльца и капиталиста отдѣляются одна отъ другой. подраздѣляются далѣе, однимъ словомъ, на мѣсто натуральнаго хозяйства вступаетъ денежное. Тутъ ужъ понятіе о національномъ доходѣ неотдѣлимо отъ понятія цѣнности и денегъ, потому что продуктъ каждой ступени раздѣленія труда, какъ бы онъ самостоятеленъ ни былъ, не годится на потребленіе въ своемъ непосредственномъ видѣ, пока онъ не превращенъ въ серебро. На первый планъ выступаетъ тутъ мѣновая цѣнность и объ ней только и спрашивается въ каждомъ хозяйствѣ и производствѣ. Поэтому величина имущества опредѣляется уже не соотвѣтственно обилію и полезности существующихъ произведеній въ натурѣ; поэтому ни одна часть натуральнаго хозяйственнаго продукта не можетъ болѣе употребляться для поддержанія имущества или для замѣщенія капитала; поэтому и всѣ виды доходовъ опредѣляются уже не непосредственнымъ рабочимъ продуктомъ, а при помощи обмѣна, деньгами. Но сущность дѣла отъ этого не измѣняется и вліяніе собственности на землю и на капиталъ, на долю, получаемую рабочимъ, остается прежнее Что прежде опредѣлялось какъ доля въ натурѣ, то впослѣдствіи стало опредѣляться какъ денежная доля. Поэтому не нужно думать, что, съ пріобрѣтеніемъ продуктомъ формы мѣновой цѣнности, для возникновенія прибыли и ренты необходима какая-то „надбавка“ цѣнности, что продуктъ долженъ сдѣлаться

на столько-то „дороже“, или, наоборотъ, при отсутствіи дохода этой категоріи, онъ долженъ сдѣлаться „дешевле“. Чтобы давать всѣ три отрасли дохода, мѣновой цѣнности не нужно быть выше, чѣмъ какова она въ натуральномъ продуктѣ, ей нужно быть только равной количеству труда, котораго стоило ея производство. Здѣсь все зависитъ отъ производительности труда, отъ того, достаточно-ли продукта труда на отдѣленіе, сверхъ заработной платы и возмѣщенія капитала, также и поземельной ренты съ прибылью. Для этого достаточно, чтобы заработная плата не была равна естественной мѣновой цѣнности продукта, такъ какъ при этомъ условіи часть продукта останется на ренту и на возмѣщеніе капитала. Значитъ, рѣчь можетъ идти не о надбавкѣ цѣнности, а скорѣе о ея вычетѣ изъ заработной платы.

Съ раздѣленіемъ труда раздѣляется также и собственность между землевладѣльцемъ и капиталистомъ, а съ нею и прежняя, нераздѣльная рента и продуктъ. Это раздѣленіе ренты происходитъ соотвѣтственно цѣнности относительныхъ долей продукта, — суровья и фабричныхъ произведеній. Если цѣнность этихъ обѣихъ долей продукта будетъ равна, то будетъ равна и рента. При дальнѣйшемъ подраздѣленіи между капиталистами фабричныхъ отраслей, подраздѣляется между ними столь-же соотвѣтственно продукту каждаго и та часть ренты вообще, которая относится къ фабричному продукту въ цѣломъ. Каждый изъ нихъ считаетъ это доходомъ съ своего капитала, какъ землевладѣлецъ доходомъ съ земли, хотя теперь уже съ мѣньшимъ правомъ, нежели до раздѣленія труда, такъ какъ самъ рабочій пересталъ уже быть собственностью и заявляетъ право собственности на часть своего продукта. Это кажущееся отношеніе тѣмъ болѣе укрѣпляется, что денежная форма начинаетъ придаваться и имуществу, и рентѣ, такъ что послѣдняя выражается въ доляхъ перваго, или, какъ гово-

ритъ Аристотель, и здѣсь „равное рождается отъ равнаго“.

Если предположить, что существуютъ только одинъ коллективный землевладѣлецъ и одинъ коллективный фабрикантъ, и допустить, что цѣнность товаровъ регулируется количествомъ заключающагося въ нихъ труда, то чѣмъ меньше будетъ производительность земледѣльческаго труда, а, вмѣстѣ, чѣмъ больше работа, заключающаяся въ земледѣльческомъ продуктѣ и его цѣнность, тѣмъ больше будетъ та часть ренты, которая достается землевладѣльцу, и тѣмъ меньше та, которая достается фабриканту, и наоборотъ. Часть ренты вообще, не вошедшая въ общій уровень прибыли, какъ на фабричный, такъ и на земледѣльческій капиталъ, а приходящаяся исключительно на *сырой* продуктъ, будетъ принадлежать землевладѣльцу и составлять исключительно поземельную ренту. Такая рента всегда и необходимо *должна оставаться* за вычетомъ прибыли на капиталъ, и при условіи, что цѣнность продуктовъ регулируется трудомъ, все равно, велика или мала цѣнность сыраго матеріала. И вотъ почему: земледѣліе не нуждается въ продуктѣ предшествующаго ему производства, какъ въ матеріалѣ, а вообще только *начинаетъ* производство, и частью имущества, аналогичнаго матеріалу въ земледѣліи, была бы самая почва, которая однако принимается всѣми теоріями за даровую силу. Поэтому, хотя земледѣліе и имѣетъ съ фабрикаціей общими двѣ части капитала (орудія и заработную плату), оказывающія вліяніе на величину частей ренты, но не имѣетъ съ нею общею той части (сырой матеріалъ), которая не оказываетъ этого вліянія, но по отношенію къ которой тѣмъ не менѣе вычисляется часть ренты вообще, опредѣляемая тѣми двумя частями капитала, подъ видомъ части прибыли; эта послѣдняя часть капитала имѣется только въ фабричныхъ предпріятіяхъ. При равной величинѣ частей ренты, приходящихся на сырой и на фабричный про-

дуктъ, фабричный капиталъ оказывается, слѣдовательно, больше земледѣльческаго на всю сумму цѣнности содержащагося въ немъ сыраго матеріала. Увеличивая собою фабричный капиталъ, цѣнность эта ведетъ къ пониженію самаго уровня прибыли на капиталъ, который служитъ нормою и для земледѣлія, а потому необходимо должна оставаться одна часть отъ получаемой въ земледѣліи части ренты вообще, которая не поглощается вычисленіемъ прибыли, сообразно этому уровню, и составляетъ *поземельную ренту*. Этого не произошло бы лишь тогда, если-бы или въ фабрикаціи не участвовала цѣнность матеріала, или въ земледѣліи цѣнность сыраго матеріала вычислялась бы въ томъ же отношеніи, какъ и въ капиталѣ фабрикаціи, если-бы, слѣдовательно, или въ фабрикаціи также фигурировали бы лишь одни орудія и заработная плата, или же и въ земледѣліи фигурировала бы въ капиталѣ цѣнность почвы. Только въ такомъ случаѣ части ренты, упадающія на земледѣліе и фабрикацію, находились бы въ равномъ отношеніи не только съ количествами труда, которыхъ они стоили, но также и съ капиталами, по отношенію къ которымъ вычислялась бы прибыль, только въ такомъ случаѣ вся часть ренты, падающая на сырой продуктъ, была бы поглощаема прибылью. Авторъ повторяетъ: при нынѣшнихъ условіяхъ, лицо, предпринимающее фабричныя работы, *должно покупать свой матеріалъ*, и потому считать его частью аванса, имѣющаго право на прибыль въ *общей* цифрѣ капитала, между тѣмъ какъ въ земледѣльческомъ капиталѣ подобной цѣнности матеріала не имѣется Это изложеніе представляетъ, по словамъ автора, *фундаментъ и центральный пунктъ его теоріи ренты*.

Высота ренты вообще, при данной цѣнности продукта даннаго количества труда, находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ заработной платы, которая въ свою очередь регулируется необходимыми средствами существованія рабочаго, представляющими опре-

дѣленную величину для даннаго времени и для данной страны. При опредѣленной высотѣ ренты вообще, высота поземельной ренты находится въ обратномъ отношеніи, какъ въ высотѣ прибыли съ капитала, такъ и къ высотѣ производительности сыраго матеріала. Чѣмъ выше или ниже поземельная рента, тѣмъ ниже или выше прибыль съ капитала, и наоборотъ чѣмъ выше или ниже производительность обработки сырья, тѣмъ выше или ниже поземельная рента. Но высота ренты вообще находится въ прямомъ отношеніи къ производительности труда во всѣхъ отрасляхъ. Чѣмъ больше доля, которую занимаетъ сырой продуктъ въ цѣнности всего продукта, и чѣмъ меньше часть ренты вообще, упадающая на фабричный продуктъ, тѣмъ выше должна быть поземельная рента и тѣмъ ниже прибыль съ капитала. Наконецъ, чѣмъ ниже производительность труда въ производствѣ сыраго продукта, и точно также, чѣмъ ниже производительность труда въ изготовленіи фабриката, тѣмъ выше ихъ цѣнность.

Примѣняя эти правила и выводы изъ нихъ къ исторіи Европы, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. По его мнѣнію, производительность труда у европейскихъ народовъ въ послѣднія столѣтія вообще возрасла и притомъ, какъ въ производствѣ суровья, такъ и въ производствѣ фабриката, и, вслѣдствіе того, относительная доля національнаго продукта, упадающая на заработную плату, понизилась, рента же вообще возрасла. Сверхъ того авторъ полагаетъ, что производительность въ фабричномъ дѣлѣ возвысилась болѣе, нежели въ сельскомъ хозяйствѣ и что поэтому часть ренты, приходящейся на сырой продуктъ, поднялась болѣе значительно, нежели та, которая приходится на фабричный продуктъ, такъ что поземельная рента возрасла; а прибыль съ капитала относительно упала. Независимо отъ этого авторъ придерживается того мнѣнія, что вслѣдствіе увеличенія народонаселенія необыкновенно значительно возрасла также и сумма

національнаго продукта, что поэтому въ настоящее время получается больше заработной платы, больше прибыли, больше поземельной ренты, но что это увеличеніе возвысило только уровень поземельной ренты, а не прибыли и не заработной платы. Но для болѣе вѣрной оцѣнки необходимо еще взять въ разсчетъ пониженіе цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ. Такъ, въ фабричномъ дѣлѣ производительность труда поднялась гораздо сильнѣе, нежели въ производствѣ суровья и сильнѣе, чѣмъ въ производствѣ металла. Поэтому денежная цѣнность фабричнаго продукта вообще, — вопреки упадку цѣнности самихъ денегъ, упала, денежная же цѣнность сыраго продукта повысилась. Всего болѣе возрасла цѣнность необходимыхъ средствъ существованія человѣка. Именно вслѣдствіе этого возрасла и денежная цѣнность заработной платы, хотя дѣйствительная ея цѣнность упала.

Далѣе авторъ переходитъ къ подробному изложенію и опроверженію теоріи ренты Рикардо, которой онъ противопоставляетъ свою собственную теорію, разъясненную на предыдущихъ страницахъ. Наше извлеченіе изъ трудовъ Родбертуса было бы неполно, если бы мы не послѣдовали за авторомъ и въ эту область и не провѣрили его аргументаціи по этому важнѣйшему въ его глазахъ вопросу.

Основная особенность теоріи ренты Рикардо, говоритъ Родбертусъ, заключается въ томъ, что эта послѣдняя должна состоять только въ *бо́льшемъ* чистомъ доходѣ, только въ излишкѣ, который приноситъ капиталъ, затраченный при благопріятныхъ условіяхъ плодородія, разстоянія отъ рынка и преемства своей затраты. Отсюда въ свою очередь неизбѣжно слѣдуетъ, что капиталъ, затраченный при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, никогда не приноситъ ренты. Но, по мнѣнію автора, это должно означать, что указанная поземельная рента представляетъ не просто ренту, а *бо́льшую ренту*, и, слѣдовательно, источникъ происхож-

денія ренты остался для Рикардо скрытымъ. Именно въ этомъ, не въ различіи плодородія земли, лежитъ источникъ ренты Рикардо, такъ какъ это послѣднее могло бы быть совмѣщено со всякой другой теоріею ренты, даже и съ такимъ положеніемъ вещей, при которомъ и послѣдне-обработанная почва приносила-бы ренту. Кромѣ того, теорія ренты Рикардо еще потому могла бы существовать безъ допущенія различія плодородія почвы, что, какъ онъ самъ утверждаетъ, послѣдовательныя затраты на одномъ и томъ же участкѣ имѣли бы для нея значеніе равное съ различіемъ плодородія, а, слѣдовательно, теорія эта оказывается пригодною и для странъ съ одинаковымъ плодородіемъ земли. Напротивъ, самый важный критерій его теоріи ренты, и притомъ единственный важный, это — тотъ, что рента должна состоять въ *излишкѣ* продукта. Противъ этого-то пункта, а равно противъ того, что, по мнѣнію Рикардо, вслѣдствіе постоянно увеличивающагося неплодородія земли, рента постоянно будетъ возрастать, и направляются главныя возраженія Родбертуса, основанныя на данныхъ экономическихъ, сельско-хозяйственныхъ, историческихъ и статистическихъ.

Рикардо въ своей теоріи ренты, какъ извѣстно, совершенно уравниваетъ переходъ къ *менѣе плодороднымъ* и къ *болѣе отдаленнымъ* отъ рынка участкамъ по отношенію къ возрастанію уровня ренты на участкахъ болѣе плодородныхъ и менѣе отдаленныхъ отъ рынка. Но при этомъ нужно всегда предполагать, что, при равномъ разстояніи участковъ, плодородіе ихъ различно, и, при различномъ, одинаково. Если бы, напр., не случилось втораго, если бы вышло такъ, что болѣе отдаленный участокъ былъ бы плодороднѣе ближайшаго, что бо́льшее плодородіе перваго такъ уравняло бы его бо́льшее разстояніе, что переходъ къ болѣе отдаленному участку сдѣлался бы равносиленъ переходу къ почвѣ бо́льшей, а не меньшей производитель-

ности. Чтобы эти различія не уравновѣшивали одно другое, необходимо, чтобы мѣсто сбыта продукта находилось въ плодороднѣйшемъ пунктѣ земли и чтобы вся почва была расположена вокругъ него концентрическими кругами, съ равномѣрнымъ уменьшеніемъ плодородія земли по мѣрѣ удаленія ея отъ центра. Кромѣ того, или вся почва должна быть равно плодородна, тогда дѣйствуетъ одно разстояніе, или вся почва должна быть на равномъ разстояніи отъ мѣста сбыта, тогда дѣйствуетъ одно плодородіе. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не бываетъ, а господствуетъ въ этомъ отношеніи полнѣйшій произволъ и случай. Поэтому-то совершенно невозможно, чтобы бо̀льшее разстояніе и меньшее плодородіе могли дѣйствовать одновременно на увеличеніе непроизводительности земледѣльческаго предпріятія. Скорѣе то и другое, при своемъ одновременномъ существованіи, очень часто парализируютъ другъ друга въ этомъ своемъ предполагаемомъ дѣйствіи, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, пока вообще существуетъ еще на землѣ необработанная почва. Въ самомъ дѣлѣ, ежедневный опытъ подтверждаетъ эту аргументацію: достаточно напомнить про американскую и русскую пшеницу, которая издали оказываетъ давленіе на англійскій рынокъ, и такимъ образомъ теорія Рикардо приводится въ бездѣйствіе на цѣлыя столѣтія. Помимо этого, законъ различія производительности дѣйствуетъ и относительно различія фабричныхъ предпріятій, хотя соперничество и сильнѣе сглаживаетъ здѣсь это различіе и даже вполнѣ достигаетъ этого, пока не вмѣшаются въ дѣло новые тайные способы производства. При всемъ томъ и по отношенію къ фабричнымъ предпріятіямъ дѣйствуетъ тотъ законъ, что цѣна наименѣе производительныхъ изъ нихъ, которая только необходима для покрытія общественной потребности, регулируетъ также и цѣну наиболѣе производительныхъ, и владѣльцы этихъ послѣднихъ предпріятій получаютъ слѣдовательно такой же излишекъ

дохода, какъ и сельскіе хозяева, обладающіе болѣе плодородною почвою.

Въ строгой послѣдовательности съ тою частью своей теоріи, на основаніи которой возникновеніе ренты обусловливается привлеченіемъ къ обработкѣ земель низшаго плодородія, Рикардо настаиваетъ на томъ, что при началѣ культуры, когда народонаселеніе немногочисленно, а земли всякаго рода вволю, обрабатываются одни только участки высшаго плодородія, отнюдь не приносящіе ренты. Но дѣйствительно-ли это такъ? Не находится-ли это утвержденіе Рикардо въ противорѣчіи съ его собственною исходною точкою, а именно, равенствомъ затратъ труда въ обмѣниваемыхъ продуктахъ? Предположимъ вмѣстѣ съ Рикардо, что первоначально обрабатывается одна только наиболѣе плодородная почва, но запомнимъ и то, что получаемый съ этой почвы сырой продуктъ, какъ и фабричный, оцѣниваются сообразно издержкамъ производства. Если цѣнность того и другаго продукта одинакова, благодаря тому, что на тотъ и на другой продуктъ потрачено одинаковое количество рабочихъ силъ, и что такимъ образомъ на возмѣщеніе капитала и на заработную плату, какъ въ производствѣ суровья, такъ и въ производствѣ фабриката, идетъ одинаковая(?) доля изъ мѣновой цѣнности сыраго продукта, то ясно, что тамъ, какъ и здѣсь, въ пользу владѣльцевъ остается одинаковая доля цѣнности. Владѣлецъ фабричнаго продукта относитъ свою долю цѣнности въ качествѣ процентовъ на свой капиталъ, и это вычисленіе даетъ норму и для земледѣльческой прибыли съ капитала, сообразно которой долженъ вычислять прибыль на затраченный имъ капиталъ также и владѣлецъ этого послѣдняго Но въ фабричномъ капиталѣ содержится также и цѣнность всего суровья, покупаемаго предпринимателемъ, между тѣмъ какъ въ производствѣ суровья подобной цѣнности не имѣется И такъ ясно, что уровень прибыли, получаемый въ результатѣ вы-

численія для фабричнаго капитала и равнымъ образомъ обязательный для земледѣлія, не въ состояніи поглотить въ производствѣ суровья совокупную часть чистой цѣнности *въ видѣ прибыли съ капитала*, и, слѣдовательно, должна оставаться еще одна свободная часть ея, которая достается землевладѣльцу, какъ таковому, въ качествѣ поземельной ренты. Если допустить, что цѣнность суровья и продукта фабрикаціи будутъ не одинаковы, то получится тотъ же самый результатъ. Тутъ, слѣдовательно, доказывается очевиднѣйшимъ (?) образомъ, что если даже обрабатывается одна только почва перваго класса, не представляющая различія въ плодородіи, то все же будетъ отдѣляться отъ ренты вообще рента поземельная,—что̀ отрицаетъ Рикардо.

Спрашивается далѣе, можетъ-ли быть, чтобы капиталисты существовали прежде, чѣмъ люди перешли къ земледѣлію, и что эти капиталисты получали прибыль и затрачивали свои капиталы по принципу равенства прибыли? А между тѣмъ очевидно, что это должно было быть такъ, если уже первые капиталисты получали прибыль, когда не было еще на лицо ренты. При всемъ томъ, нѣчто подобное могло бы существовать не при первоначальномъ разселеніи земледѣльцевъ, а развѣ только при колонизаціи, пришедшей изъ болѣе культурныхъ странъ. Справедливо-ли, сверхъ того, что хотя бы уже существовали въ странѣ земледѣліе и поземельная рента, капиталъ былъ бы попрежнему способенъ къ увеличенію и почва, по-прежнему, занималась бы по желанію? А, между тѣмъ, это должно было бы быть такъ, если послѣдне-обрабатываемая почва даетъ одну только прибыль съ капитала. Но ни то, ни другое не вѣрно. Законъ соперничества капиталовъ не можетъ дѣйствовать безгранично, такъ какъ капиталъ страны есть величина опредѣленная и обусловленная родомъ и состояніемъ національнаго производства. Какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабри-

каціи отнюдь не можетъ быть употребляемо любое количество капитала. Сверхъ того, въ земледѣліи лучшія земли не обрабатываются раньше худшихъ. Земли эти давно уже состоятъ въ собственности, когда приступаютъ къ ихъ обработкѣ, когда образуется прибыль на капиталъ. Гдѣ вы только не найдете слѣды земледѣлія, всюду каждый клочекъ земли состоитъ въ собственности, причемъ въ каждомъ клочкѣ собственности смѣшаны между собою земли обработанныя и пустыя. Если обрабатывается всего $^{1}/_{100}$ земли, то $^{99}/_{100}$ тѣмъ не менѣе представляютъ собственность и не могутъ заниматься пропзвольно и кѣмъ попало. Даже въ колоніяхъ земли принадлежатъ въ частную собственность еще до своего занятія, хотя не частнымъ лицамъ, а государству. Основная ошибка Рикардо состоитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, что онъ разсматриваетъ земледѣльческій продуктъ, какъ готовый продуктъ, а не какъ часть *цѣнности* совокупнаго продукта. Поэтому-то и вся его теорія ренты не можетъ выдержать прикосновенія критики

Въ подтвержденіе справедливости теоріи ренты Рикардо ссылаются обыкновенно на возрастаніе ренты въ Европѣ, какъ на слѣдствіе увеличенія народонаселенія и необходимости постепенно занимать подъ обработку все худшіе и худшіе участки земли. Но на это есть свои особыя причины. Первая изъ нихъ состоитъ въ повышеніи ренты вообще, болѣе значительномъ для поземельной ренты, нежели для прибыли на капиталъ, благодаря болѣе медленному возрастанію производительности труда въ земледѣліи, нежели въ обрабатывающей промышленности. Вторая исчерпывается тѣмъ, что постепенно возрастаетъ масса продукта, благодаря увеличенію числа рабочихъ силъ, или, что̀ то же, народонаселенія, и, благодаря тому, что эта возрастающая цѣнность приходится все на одно и то же пространство земли, между тѣмъ какъ по отношенію къ капиталу подобное увеличеніе цѣнности одинаково простирается и на капиталъ, и на прибыль.

Таковы народно-хозяйственныя основанія, опрокидывающія (?) теорію ренты Рикардо. Но существуютъ и иныя На первомъ планѣ стоятъ въ этомъ отношеніи сельско-хозяйственныя основанія По мнѣнію Рикардо и его послѣдователей, возрастающій спросъ на сельско-хозяйственные продукты только потому долженъ быть покрываемъ при помощи все бо́льшаго и бо̀льшаго количества труда, что обработка постоянно переходитъ или къ менѣе плодороднымъ участкамъ или къ менѣе производительнымъ затратамъ капитала на той же самой почвѣ. Мальтусъ, какъ извѣстно, сравниваетъ участки различнаго плодородія, состоящіе подъ обработкой, съ системою или градаціею даровыхъ машинъ различной производительной силы. Разница между ними, говоритъ онъ, состоитъ лишь въ томъ, что среди машинъ цѣну на продуктъ устанавливаютъ лучшія, а среди участковъ худшіе Но авторъ желалъ бы услышать отъ кого-либо изъ послѣдователей Рикардо, съ какихъ это поръ началось увеличеніе стоимости сельско-хозяйственнаго продукта? Кто при такихъ условіяхъ могъ бы въ настоящее время еще платить за хлѣбъ? Продолжала-ли почва въ теченіи какихъ-нибудь 2000 лѣтъ становиться все непроизводительнѣе, или же оставалась равно производительною и потомъ вдругъ превратилась въ нѣчто противоположное? На это отвѣтили бы, что этотъ поворотный пунктъ наступилъ тогда, когда уже вся почва перваго класса была обработана, и когда возросшее народонаселеніе потребовало перехода къ почвѣ второстепеннаго качества. Но, спрашивается, къ какому именно району относился бы этотъ отвѣтъ? По меньшей мѣрѣ, страны съ развитымъ пауперизмомъ должны были бы быть исключены изъ этого района, т-е. въ нихъ не должно бы уже предлагаться на продажу хлѣба, получаемаго съ болѣе плодородныхъ земель, которыя обрабатывались бы вновь. А, между тѣмъ, новая русская, польская, американская пшеница изо дня въ день про-

должаетъ тяготѣть на англійскомъ и на всѣхъ прочихъ хлѣбныхъ рынкахъ міра. Въ Украйнѣ, въ областяхъ Тейссы и Дуная земледѣльческая химія нашла почву, которая столь богата и неистощима по части матеріала, необходимаго для воздѣлыванія хлѣба, какъ никакое поле въ Ломбардіи, въ Кентѣ или въ Бельгіи, и которая, несмотря на то, до настоящаго времени лежитъ необработанной. При всемъ томъ у насъ въ Европѣ постоянно обрабатываются менѣе плодородныя земли, и все же время увеличенія стоимости земледѣльческаго продукта у насъ еще не наступило. Не трудно доказать, что въ странахъ съ наибо́льшимъ развитіемъ пауперизма въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ совершался переходъ какъ къ болѣе, такъ и къ менѣе плодородной почвѣ, а, слѣдовательно, уже обработанные классы почвы становились все производительнѣе и производительнѣе, и, наконецъ, что цѣнность продукта вовсе не имѣетъ надобности повышаться для того, чтобы совершался переходъ къ худшимъ участкамъ.

Рикардо не только представляетъ намъ менѣе плодородные участки никому не принадлежащими, но еще настаиваетъ на томъ, что эти участки лежатъ до поры до времени безъ всякаго употребленія. Но ни то, ни другое не вѣрно Каждое имѣніе, все равно, принадлежитъ-ли оно общинѣ или частному лицу, представляетъ хозяйственный комплексъ, въ которомъ необработанная почва, напр., лугъ, столь же хорошо находитъ свое назначеніе, какъ и обработанная. Сельское хозяйство не такъ просто, чтобы оно состояло всегда въ одномъ только родѣ пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ земли на подобіе того, какъ въ фабрикаціи одна и та же машина всегда выполняетъ одно и то же дѣло. При своей комбинаціи земледѣлія и скотоводства и при той своей особенности, что оно свой матеріалъ, а именно первоначальныя составныя части почвы, необходимыя на производство хлѣба, непрерывно должно возстановлять и дополнять,—сельское хозяйство ведетъ

систему, въ которой каждая часть имѣнія занимаетъ свое собственное хорошо соображенное мѣсто. Таково было сельско-хозяйственное устройство Европы за пять десятъ лѣтъ тому назадъ и таково же оно въ бо́льшей части Германіи и до настоящаго времени. Необработанная почва подвергается пользованію какъ пастбище или лугъ, въ зависимости отъ размѣровъ производства хлѣба. Спрашивается, въ предѣлахъ такого имѣнія обрабатывается-ли только одна болѣе плодородная почва или нѣтъ? Существуетъ-ли возможность дѣлать это, по меньшей мѣрѣ, въ настоящее время? И тотъ, и другой вопросъ одинаково требуютъ отрицательнаго отвѣта. Тутъ нѣтъ свободнаго выбора, а потому переходъ съ однихъ участковъ на другіе происходитъ столь же часто въ сторону бо́льшаго, какъ и въ сторону меньшаго плодородія. Плодороднѣйшіе участки часто было физически невозможно подвергать болѣе ранней обработкѣ, и подобная невозможность существуетъ и въ настоящее время. Такимъ физическимъ препятствіемъ является, напр., до поры до времени уровень воды, который понижается въ резервуарахъ единственно дѣйствіемъ времени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при каждомъ своемъ пониженіи освобождаетъ для культуры громадныя пространства плодороднѣйшей земли, бывшей прежде безъ всякаго употребленія. Это доказываетъ, между прочимъ, примѣръ древней Германіи, которая, судя по описанію Тацита и другихъ историковъ, была долгое время покрыта болотами. То же было и въ Англіи два, три столѣтія тому назадъ, какъ о томъ можно заключить уже по одному изобилію въ этой странѣ различныхъ дикихъ животныхъ, впослѣдствіи вполнѣ переведшихся. Сверхъ того, первыя поселенія располагались совсѣмъ не на самыхъ плодородныхъ мѣстахъ. Отдѣльныя марки образуютъ самыя прихотливыя и противохозяйственныя фигуры. При трехпольномъ хозяйствѣ отдаленные отъ села участки земли прямо должны были оставаться необработанными,

какъ бы ни были они плодородны, а трехпольное хозяйство еще недавно было господствующимъ въ Европѣ. Къ этому присоединялись отсутствіе свободы въ распоряженіи землею (Flurzwang), отсутствіе кредита или отяготительный кредитъ, заставляющій, вмѣсто ренты, возвращать затраченный надолго и потому невознаградимый капиталъ. Такимъ то образомъ физическія и хозяйственныя причины всегда держали и до сихъ поръ держатъ значительное пространство плодороднѣйшей земли внѣ всякой обработки. Но предположимъ, что уже заняты всѣ участки и подвергаются обработкѣ, спрашивается, станетъ-ли при этомъ всякая дальнѣйшая затрата въ ту же почву менѣе производительной? Сравненіе почвы съ машиной тутъ не годится, матеріалъ можетъ быть возвращаемъ землѣ и возвращаемъ съ избыткомъ. Земля для сельскаго хозяина представляетъ не орудіе, а матеріалъ. Земля есть родъ пріемника, она хранитель первоначальнаго матеріала, изъ котораго состоятъ земледѣльческіе продукты, получаемые при помощи культуры. Выручка опредѣляется соотвѣтственно количеству, отношенію и свойству находящихся въ почвѣ, необходимыхъ для продукта первоначальныхъ матеріаловъ. Поэтому первоначальные матеріалы, разъ они изучены, могутъ быть столь же легко исчерпаны, какъ и замѣщены новыми и даже увеличены. Въ томъ и состоитъ искусство сельскаго хозяина, чтобы не только оставлять безъ уменьшенія массу существующаго матеріала, но, сообразно потребностямъ общества, еще увеличивать ее. Чѣмъ больше становится народонаселеніе, тѣмъ въ бо̀льшемъ количествѣ продукта оно нуждается, тѣмъ болѣе полными руками приходится брать изъ этихъ запасныхъ камеръ природы, тѣмъ болѣе онѣ должны и доставлять. Первоначально эти запасы сыраго матеріала распредѣлены по землѣ въ неравномъ количествѣ, въ неравномъ отношеніи и въ неравномъ свойствѣ, иными словами, существуетъ земля различнаго качества и пло-

дородія. Вмѣстѣ съ такимъ распредѣленіемъ ихъ дается первоначально и различіе выручки. Напр., какой длинный рядъ промежуточныхъ звеньевъ существуетъ между американской жатвой на только-что выжженной почвѣ и жатвою на пескахъ Мархій? Итакъ, коль скоро потребность общества расширяется и на культуру худшихъ участковъ, то, разумѣется, первоначально земледѣліе должно дѣлаться все непроизводительнѣе. Тотъ же ходъ должно имѣть первоначально и употребленіе бо̀льшаго капитала на обработанной уже землѣ. Однако, подъ увеличеніемъ размѣровъ капитала слѣдуетъ въ этомъ отношеніи разумѣть лишь то его увеличеніе, которое дѣлается необходимымъ, вслѣдствіе перехода къ другой, болѣе интенсивной и потому болѣе дорогой системѣ хозяйства. Первоначально земледѣліе повсюду развивалось такимъ образомъ, что попеременно обрабатывались дроби участка, а не весь участокъ сразу, все равно какъ если бы все имѣніе состояло только изъ пространства одной обрабатываемой доли, но это послѣднее обрабатывалось бы изъ года въ годъ. Но различіе состоитъ вотъ въ чемъ: время, въ теченіи котораго одна часть имѣнія оставалась бы безъ обработки, служило бы на то, чтобы посредствомъ дождя, снѣга, естественной растительности и вывѣтриванія присоединить извѣстное количество первоначальнаго матеріала къ тому количеству его, которое доставляется запасомъ удобренія, и тѣмъ сдѣлать почву богаче и жатву щедрѣе. Тутъ происходитъ то же, какъ если бы имѣніе величины обрабатываемаго участка воздѣлывалось съ года на годъ, но, кромѣ удобренія, доставляемаго системою, получало бы со стороны часть удобренія даромъ, или то же, какъ если бы съ году на годъ воздѣлывался еще и дополнительный участокъ, плодородіе котораго соотвѣтствовало бы означенной прибавкѣ удобренія. Но какъ только потребности населенія расширяютъ земледѣліе такъ, что для полученія бо̀льшаго продукта необходимо пе-

рейти къ иной системѣ, въ которой вмѣсто *одной* доли обрабатывается *весь* участокъ, то, если даже удобреніе увеличивается въ прежнемъ отношеніи, успѣхъ достигается тотъ же, какъ если бы совершился переходъ къ болѣе бѣдному, вслѣдствіе отсутствія означенной прибавки удобренія (паръ), участку. Издержки обработки станутъ возрастать приблизительно въ отношеніи къ тому пространству, которое теперь будетъ обрабатываться постоянно, между тѣмъ какъ жатва съ нихъ будетъ уменьшаться соотвѣтственно недостатку означенной прибавки удобренія. И такъ, при *экстензивномъ*, какъ и при *интензивномъ* земледѣліи, *первоначально* наступаетъ *уменьшеніе* производительности. Однако ни одна земледѣльческая система не заслуживаетъ этого названія, если при своемъ правильномъ приложеніи она не ведетъ къ постоянному *увеличенію* первоначальнаго матеріала, совмѣстно съ постояннымъ возобновленіемъ его. И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ трехпольнаго хозяйства, не поддержаннаго достаточно обширными лугами, каждая изъ числа извѣстныхъ системъ оказываетъ это дѣйствіе. Благодаря послѣднему, тенденціи возрастающей непроизводительности, обусловленной расширеніемъ земледѣлія, оказывается сопротивленіе какъ въ началѣ, такъ и впослѣдствіи, — пока на извѣстномъ пунктѣ первоначально худшее имѣніе не уравнивается съ первоначально лучшимъ, — новая система не начинаетъ, подобно прежней, производить соотвѣтственно капиталу и обрабатываемой площади, бо̀льшая непроизводительность не устраняется вполнѣ и даже не превращается въ *бо̀льшую производительность*. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ улучшеній, участокъ четвертаго класса постоянно переходитъ въ третій, третій во второй, второй въ первый, а не наоборотъ. Въ этой теоріи берется въ разсчетъ обыкновенный, правильный ходъ хозяйства. Но существуютъ еще чрезвычайныя хозяйственныя затраты капитала, которыя, подобно мергелеванію или проложенію дренаж-

ныхъ трубъ, однимъ ударомъ поднимаютъ участокъ на чрезвычайно высокую ступень.

Теорію эту подтверждаетъ опытъ, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ размѣрахъ. Правда, издавна существовали сельско-хозяйственные способы производства, которые столь мало противодѣйствовали означенной тенденціи возрастающей непроизводительности, что скорѣе воспринимали ее въ себя. Всякая колоніальная почва, можно сказать, прежде всего эксплоатируется хищнически. Точно также система трехпольнаго хозяйства, которая при возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ въ прошломъ столѣтіи превратила болѣе пастбищъ въ поля, нежели сколько могла обогатить, или оставить въ неограбленномъ видѣ, нанесла многимъ странамъ Германіи великія раны. Однако, хотя сельское хозяйство только въ наши дни начинаетъ приходить къ самосознанію, но уже въ настоящее время многіе опыты подтверждаютъ сказанное выше. Мекленбургъ, со времени введенія нынѣшней или новой системы въ первой половинѣ XVIII столѣтія, имѣетъ гораздо болѣе земли подъ плугомъ, нежели прежде, но, при всемъ томъ, богатство почвы усилилось по всѣмъ ея классамъ, такъ что въ дѣйствительности произошелъ всеобщій прогрессъ. Англія знаетъ плодоперемѣнную систему съ половины прошлаго столѣтія, но если сравнить нынѣшнее отношеніе между общею жатвою этой страны и общею цифрою населенія, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, съ тѣмъ же самымъ отношеніемъ за болѣе ранній періодъ времени, то нельзя не придти къ заключенію, что производительность земледѣлія здѣсь сильно увеличилась Достаточно одной продолжительной культуры земли для увеличенія ея плодородія Запасы первоначальныхъ силъ земли гораздо труднѣе воспроизводятся, если они истощаются сразу, нежели въ томъ случаѣ, когда они постоянно возмѣщаются по частямъ. Конечно, нельзя оспаривать, что производительность земледѣлія долго не будетъ въ со-

стояніи слѣдовать за производительностью въ обрабатывающей промышленности и въ транспортѣ. Это лежитъ въ природѣ земледѣльческаго труда, которая, по своему разнообразію, не допускаетъ столь значительнаго содѣйствія машинъ. Даже тѣ блестящіе виды, которые химія открываетъ земледѣлію, не будутъ въ состояніи измѣнить этого производственнаго отношенія между сельскимъ хозяйствомъ и фабрикаціею Осуществленіе ихъ послужитъ лишь къ тому, чтобы окончательно опрокинуть ученіе о возрастающей непроизводительности земледѣлія и тѣсно связанное съ нимъ ученіе о народонаселеніи Мальтуса. Конечно, автору не приходитъ на мысль утверждать, что возможно безконечное усовершенствованіе подобной сельско-хозяйственной машины. Но въ худшемъ случаѣ пройдутъ цѣлыя столѣтія прежде, чѣмъ можетъ почувствоваться нужда въ хлѣбѣ, и тогда какое-нибудь новое растеніе, которое будетъ питаться не тронутыми еще частями почвы, съ успѣхомъ можетъ замѣнить пшеницу или рожь. Притомъ безконечная способность народонаселенія къ размноженію можетъ быть поддерживаема съ такою же трудностью, какъ и безконечная усовершаемость почвы.

Далѣе, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ томъ, чтобы переходъ къ худшимъ участкамъ земли или увеличеніе затраты капитала на одной и той же почвѣ непремѣнно объусловливались возвышеніемъ цѣнъ хлѣба. Для этого достаточно заявленія требованія на *бо́льшее* количество хлѣба, которое можно получить посредствомъ перехода къ другой земледѣльческой системѣ: на болѣе бѣдныхъ участкахъ—къ трехпольной, которая даетъ еще высокую ренту, на болѣе плодородныхъ—къ плодосмѣнной. Справедливо, что для полученія поземельной ренты при плодосмѣнной системѣ, либо цѣна продукта, либо богатство почвы должны имѣть опредѣленную высоту, и такимъ образомъ, чтобы можно было получить поземельную ренту съ болѣе бѣдныхъ

участковъ, цѣна продуктовъ должна возрасти и возмѣстить недостающее богатство почвы. Но нельзя на этомъ положеніи основывать никакой общественно-экономической системы, ибо несправедливо, что, для полученія поземельной ренты съ болѣе бѣдной почвы, сельскому хозяину только и остается, что начать ее обработывать по плодосмѣнной системѣ. Ему стоитъ только обратиться къ трехпольной или къ клиновой системѣ, чтобы, при однѣхъ и тѣхъ же цѣнахъ на сельско-хозяйственные продукты, получать еще поземельную ренту съ почвы, которая при плодосмѣнной системѣ, вслѣдствіе меньшаго богатства, не могла бы покрыть расходовъ.

Предположеніе, что первоначально не существовало никакой ренты, а была одна только прибыль съ капитала, оказывается, какъ мы видѣли, невѣрнымъ и съ исторической точки зрѣнія.

Невѣрно далѣе, статистически, что съ возрастаніемъ народонаселенія хлѣбъ сдѣлался дороже самъ-по-себѣ. Въ періодъ времени съ 1600 по 1650 годъ средняя цѣна хлѣба стояла выше, чѣмъ въ послѣдующія 150 лѣтъ, съ 1810 года она продолжала понижаться, и только въ тридцатыхъ годахъ повышается подъ вліяніемъ совершенно особенныхъ причинъ. Такимъ образомъ никакого постояннаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ въ новое время не происходило. Кромѣ того, не было и соотвѣтствія между увеличеніемъ народонаселенія и повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Такъ, напр., увеличеніе народонаселенія въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ совпало съ пониженіемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Съ 1560 по 1700 г. цѣны на хлѣбъ снова возрастаютъ и стоятъ выше, чѣмъ отъ 1700 по 1770 годъ Однако въ XVII столѣтіи народонаселеніе остается почти безъ измѣненія, и, напротивъ, возрастаетъ съ 1700 по 1770 годъ. Наоборотъ, съ 1770 по 1821 годъ ростъ населенія идетъ всего быстрѣе, но цѣны на хлѣбъ не слѣдуютъ и часто даже находятся въ противорѣчіи съ этимъ возраста-

ніемъ народонаселенія. То же самое происходило въ Пруссіи, въ которой съ 1817 по 1831 годъ народонаселеніе увеличилось на 2½ милліона, а средняя цѣна хлѣба упала на 7 зильбергрошей.

Равнымъ образомъ и въ одно и то же время цѣны на хлѣбъ не всегда бываютъ выше тамъ, гдѣ населеніе гуще, хотя для большихъ странъ предположеніе это оказывается довольно правильнымъ. Причина, почему на рынкѣ большаго города цѣна хлѣба выше, чѣмъ въ провинціи, заключается просто въ томъ, что хлѣбъ сюда нужно везти. Данныя, относящіяся къ прусскимъ провинціямъ, явственно показываютъ, что въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ больше городовъ, и цѣны на хлѣбъ стоятъ выше. Вторая причина—это переложеніе заработной платы на деньги и сопровождающее его повышеніе цѣны хлѣба. Третья причина та, что во всѣхъ богатыхъ, а, слѣдовательно, и густо населенныхъ странахъ предметы необходимыхъ потребностей, особенно хлѣбъ и мясо, цѣнятся на деньги высоко. Это происходитъ отъ того, что въ такихъ странахъ имѣется много золота, цѣнность его ниже, нежели въ бѣдныхъ странахъ, и всѣ тѣ товары стоятъ въ *цѣнѣ* необходимо выше, которые по отношенію къ производительности стоятъ еще ниже, нежели производство золота. Въ Сибири, за отсутствіемъ достаточнаго количества денегъ въ обращеніи, бываетъ противное этому. А посмотрите на цѣны въ Калифорніи? Болѣе богатыя страны, напр., Англія, главнымъ образомъ, богаче потому, что въ нихъ производительность весьма большаго количества товаровъ, а именно фабричныхъ, гораздо значительнѣе, нежели въ болѣе бѣдныхъ странахъ, и эти благопріятныя условія производства дозволяютъ имъ вести весьма выгодную торговлю на всемірномъ рынкѣ, на которомъ цѣны опредѣляются наиболѣе неблагопріятными отношеніями отсталыхъ земель, иными словами, получать цѣны, которыя значительно превосходятъ издержки производства. На этомъ

основаніи для подобныхъ странъ и націй рынки міра уподобляются богатымъ рудникамъ, изъ которыхъ, при помощи незначительнаго количества труда, заключающагося въ ихъ вывозныхъ товарахъ, они черпаютъ много золота и серебра въ тѣхъ цѣнахъ, которыя имъ платятъ за товаръ. Это и проявляется внутри такихъ странъ въ цѣнѣ товаровъ, которыхъ меньшая производительность не въ состояніи, подобно фабричнымъ товарамъ, парализировать болѣе сильной производительности золота и серебра. Тутъ прилагается то же самое объясненіе, какъ и въ томъ всемірно-историческомъ случаѣ, когда, несмотря на рѣшительное общее пониженіе цѣнности благородныхъ металловъ послѣ открытія Америки, многіе продукты все же сдѣлались дешевле и лишь нѣкоторые стали дороже, хотя и по отношенію къ этимъ послѣднимъ производительность также увеличилась. Она увеличилась лишь въ такой же мѣрѣ, какъ въ производствѣ золота и серебра, но въ меньшей мѣрѣ, нежели въ производствѣ товаровъ, ставшихъ болѣе дешевыми. Въ такомъ именно положеніи находилось въ Европѣ производство сырыхъ продуктовъ вообще. Что же касается до отдѣльныхъ странъ, то положеніе это различалось, смотря по ихъ богатству и плотности народонаселенія. Страны наиболѣе богатыя суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе населенныя, поэтому и кажется, что чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ дороже хлѣбъ, хотя въ дѣйствительности это и не такъ.

Изъ теоріи Рикардо слѣдуетъ, что чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ выше поземельная рента. Это справедливо, но это опять-таки ничего не говоритъ въ пользу его теоріи, если только доказано, какъ мы въ томъ убѣждены, что стоимость хлѣба отъ возрастанія народонаселенія не возвышается. Причина тутъ не въ возвышеніи цѣны, а просто въ увеличеніи массы земледѣльческаго продукта, приходящейся на одно и то же пространство земли. Почему поземельная рента стоитъ

высоко у воротъ большаго города? Не просто потому, что цѣна хлѣба стоитъ на рынкѣ города выше (въ ближайшемъ къ городу районѣ хлѣба не производится вовсе), а потому, что густое населеніе города вызываетъ производство гораздо бо̀льшихъ размѣровъ, а не бо̀льшей цѣнности, и такимъ образомъ землевладѣлецъ получаетъ поземельную ренту отъ гораздо бо̀льшаго земледѣльческаго продукта. Тутъ дѣйствуютъ тѣ же причины, которыя возвышаютъ (?) поземельную ренту при замѣнѣ хлѣба картофелемъ. Тутъ приходится больше продукта на единицу пространства, а, слѣдовательно, (?) и больше цѣнности этого продукта. Въ этихъ причинахъ заключается разъясненіе и того факта, почему въ густо населенныхъ частяхъ страны, хотя бы населеніе и не тѣснилось въ городахъ, поземельная рента стоитъ выше. Болѣе густое народонаселеніе требуетъ производства бо̀льшей цѣнности при такихъ культурахъ, которыя допускаютъ много работы на одинъ моргенъ почвы, и при этомъ совершенно безразлично, живетъ-ли 6 или 10,000 человѣкъ на одной квад. мили города или же во многочисленныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ землевладѣльцы изъ бо̀льшаго продукта извлекаютъ и бо̀льшую ренту. Тутъ не только больше обработанной земли, но и много новыхъ культуръ, о которыхъ въ менѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ не можетъ быть и помина. Это подтверждаетъ, между прочимъ, примѣръ Рейнской Пруссіи въ сравненіи съ Восточной Пруссіей, въ которой рента стоитъ гораздо ниже, чѣмъ въ первой. Рента въ Рейнской Пруссіи болѣе высока не потому, что здѣсь земледѣліе менѣе производительно, а населеніе болѣе многочисленно, а потому, что здѣсь получается на данное пространство земли бо̀льшій продуктъ и отъ болѣе разнообразныхъ культуръ. Цѣны на хлѣбъ въ Рейнской Пруссіи превышаютъ цѣны на хлѣбъ въ провинціи Пруссіи и въ Познани менѣе, чѣмъ на 5%, между тѣмъ какъ поземельная рента первой

даже на земледѣльческой почвѣ оказывается выше на цѣлыхъ 1500%.

Рикардо слѣдовало бы еще для подтвержденія справедливости своей теоріи доказать, что рабочее населеніе, занятое земледѣліемъ, съ теченіемъ времени увеличилось въ бо́льшемъ отношеніи, нежели производство средствъ существованія, или даже сильнѣе, чѣмъ остальная часть народонаселенія. Но именно этому-то и противорѣчатъ всѣ статистическія данныя, которыя, если что̀ и доказываютъ, то именно совершенно обратное Согласно Портеру, производительность англійскаго земледѣлія увеличилась въ такой степени, что въ тридцатыхъ годахъ четыре семьи рабочихъ производили столько же средствъ существованія, сколько за двадцать лѣтъ пять семей. Но именно въ эти двадцать лѣтъ всего быстрѣе возрастало народонаселеніе Англіи. Кромѣ того, густота англійскаго населенія гораздо больше, чѣмъ французскаго, и, слѣдовательно, сельскохозяйственные продукты въ Англіи должны были бы *стоить* гораздо дороже, чѣмъ во Франціи. Но справедливо какъ разъ обратное. Въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ на 1,000 семействъ, занимающихся земледѣліемъ, приходилось 273 лошади, 1230 головъ рогатаго скота и 11,000 овецъ, а во Франціи только 65 лошадей, 203 головы рогатаго скота и 1043 овцы.

IX.

Оцѣнка и опроверженіе теоріи ренты Родбертуса во всемъ, что̀ заключается въ ней невѣрнаго, и возстановленіе опровергаемаго Родбертусомъ научнаго значенія теоріи ренты Рикардо.—Заключеніе.

Противоположность между натуральнымъ хозяйствомъ древности и денежно-мѣновымъ хозяйствомъ новаго и новѣйшаго времени, какъ видно изъ предыдущей главы, очерчена Родбертусомъ съ такою силою и ясностью, которыя не оставляютъ ничего болѣе желать.

Указывая на существованіе кореннаго противорѣчія между экономическою жизнью древнихъ и новыхъ народовъ, нашъ авторъ остается совершенно вѣренъ тому научному воззрѣнію, на основаніи котораго рядъ непрерывныхъ переходовъ отъ простыхъ явленій къ сложнымъ исчерпываетъ собою все содержаніе хозяйственной исторіи. Противъ этой истины погрѣшали и погрѣшаютъ весьма многіе экономисты, которые разсматриваютъ всемірную экономію общества съ точки зрѣнія настоящей минуты и современной экономической дѣйствительности. Такъ, напр., изъ того факта, что у народовъ древности существовали торговля, законы о ростѣ, мѣняльныя лавки, корпораціи ремесленниковъ, нѣкоторые писатели-экономисты безъ дальнихъ околичностей вывели, что хозяйство древнихъ и новыхъ народовъ сходно во всѣхъ существенныхъ чертахъ, и различается только немногими подробностями. Были даже такіе странные люди, которые находили въ древности слѣды кооперативныхъ обществъ и новѣйшаго соціализма. Къ тому-же источнику слѣдуетъ отнести и цѣлый рядъ другихъ крупныхъ недоразумѣній, относящихся къ помѣщенію у колыбели цивилизаціи такихъ формъ экономической жизни, какія свойственны только позднѣйшему ея фазису,—рента, прибыль, заработная плата, общественное раздѣленіе труда (напомнимъ читателю любимые примѣры классиковъ-экономистовъ прошлаго и начала настоящаго столѣтія, въ которыхъ, подъ видомъ личностей, представляющихъ современное раздѣленіе занятій, фигурируютъ курьезнымъ образомъ первобытные охотники и рыболовы). Но пора наконецъ понять, что въ наукѣ общественной экономіи не можетъ быть въ ея нынѣшнемъ состояніи рѣчи объ изслѣдованіи чисто формальныхъ и случайныхъ совпаденій между фактами, такъ какъ дѣйствительное ея назначеніе состоитъ въ разсмотрѣніи гораздо болѣе для нея важныхъ количественныхъ сходствъ явленій. Съ этой точки зрѣнія, если какое-нибудь но-

вѣйшее общественно-экономическое явленіе, въ родѣ торговли или роста, встрѣчается въ какой-либо отдаленный періодъ исторіи, то, прежде чѣмъ отождествлять на этомъ основаніи экономическій строй древности съ новѣйшимъ, необходимо убѣдиться, не представляется-ли это явленіе на столько случайнымъ и исключительнымъ, что отнюдь не можетъ быть признаваемо типическимъ для древности. Мы не говоримъ, что подобное явленіе вовсе не заслуживаетъ изслѣдованія,—но этому послѣднему должно быть отведено подобающее ему, гораздо менѣе важное мѣсто. Такъ, напр., относительно торговли древнихъ народовъ намъ извѣстно, что по самому состоянію тогдашнихъ путей сообщенія и организаціи труда, она въ громадномъ большинствѣ случаевъ служила удовлетворенію однѣхъ только потребностей въ предметахъ роскоши высшихъ классовъ общества, и, совершаясь, такъ сказать, на поверхности экономическаго строя, оставляла не тронутыми всѣ болѣе низкіе пласты его, т.-е. большинство народонаселенія той эпохи. Совершенно другое дѣло нынѣшняя внутренняя и международная торговля, которая именно и характеризуется тѣмъ признакомъ, что служитъ для перемѣщенія необходимыхъ предметовъ потребленія между массами народонаселенія и тѣмъ самымъ проявляетъ глубочайшее вліяніе на общественную организацію труда. Сказанное о торговлѣ справедливо далѣе и относительно роста, который въ древности брали немногіе ростовщики, а въ настоящее время получаютъ въ видѣ отдѣльнаго дохода цѣлые классы общества, и относительно ремесленниковъ, которые ничтожными размѣрами своего полудомашняго производства и своимъ несвободнымъ экономическимъ положеніемъ начисто отличались отъ ремесленниковъ новѣйшихъ европейскихъ городовъ. Вотъ тутъ-то и проявляется во всей силѣ значеніе количественнаго элемента въ экономическихъ сравненіяхъ и изслѣдованіяхъ, въ которыхъ, какъ и въ природѣ, одна ласточка не дѣлаетъ весны. Говоря ко-

роче, ни торговля, ни ростъ, ни ремесленныя корпораціи не характеризуютъ собою хозяйства древнихъ народовъ, какъ таковаго, а характеризуютъ именно новое и новѣйшее хозяйство. Сущность хозяйства древнихъ превосходно выразилъ одинъ римскій писатель, подавая „отцу семейства“ типическій для своего времени совѣтъ,—не покупать на рынкѣ того, что̀ можно произвести у себя дома. Всякій ребенокъ знаетъ, что новѣйшая хозяйственная мудрость предписываетъ совершенно противоположный образъ дѣйствій, а, слѣдовательно, столь-же противоположны древнимъ и основы нынѣшняго общественнаго хозяйства.

Обращаясь къ разсмотрѣнію теоріи поземельной ренты Родбертуса, мы должны немедленно сдѣлать то замѣчаніе, что, заложивъ въ основаніе ея невѣрное теоретическое воззрѣніе, нашъ авторъ лишаетъ надлежащаго значенія даже и тѣ заключенія свои, котòрыя сами по себѣ могли бы быть признаны вѣрными. Источникъ происхожденія особой поземельной ренты, въ отличіе отъ того, какъ онъ объясненъ у Рикардо, нашъ авторъ думаетъ открыть въ слѣдующемъ, предполагаемомъ имъ фактѣ: такъ какъ земледѣліе не нуждается въ продуктѣ предшествовавшаго ему производства, то въ общей суммѣ прибыли на совокупный земледѣльческо-индустріальный капиталъ *должна* непремѣнно заключаться поземельная рента, принадлежащая землевладѣльцу и приходящаяся исключительно на *даровой* для земледѣлія сырой продуктъ. Авторъ прекрасно понималъ, что, устраняя теорію ренты Рикардо, онъ долженъ былъ прìискать какое-либо новое основаніе для возникновенія ренты, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему сейчасъ-бы доказали, что его поземельная рента есть въ сущности часть прибыли и, какъ таковая, не есть рента. Для достиженія этой цѣли, авторъ и ссылается на то, что земледѣліе только начинаетъ производство, и на этомъ *основаніи* получаетъ поземельную ренту на даровой сырой продуктъ. Но, во-первыхъ,

земледѣліе, если и начинаетъ производство, то исключительно въ томъ смыслѣ, что люди *исторически* переходили отъ земледѣлія къ индустріи, а не наоборотъ; что же касается до мѣста земледѣлія въ общемъ процессѣ производства въ средній моментъ *настоящаго* его теченія, здѣсь оно не начинаетъ производства, а совершается въ одно и то же время съ индустріальнымъ производствомъ и состоитъ во внутренней зависимости съ нимъ. Во-вторыхъ, не менѣе справедливо и то, что. совершенно на подобіе индустріи, земледѣліе нуждается въ продуктѣ предварительнаго труда и никакою особенною даровою силою природы для доставленія себѣ дохода не располагаетъ. Слѣдуя теоріи Родбертуса, можно было бы подумать, что земледѣлецъ получаетъ естественныя произведенія почвы, не тратя на это никакихъ предварительныхъ матеріаловъ, стоющихъ человѣческаго труда. Въ дѣйствительности природа не даетъ даромъ даже ягодъ, какъ это прекрасно доказывается тѣмъ, что и ягоды имѣютъ свою рыночную цѣну. Подъ видомъ своего „дароваго“ сыраго продукта, присущаго будто-бы одному только земледѣлію, Родбертусъ въ болѣе темной формѣ вводитъ въ окно ту самую физіократическую теорію земледѣльческаго „produit net“, которую Рикардо благополучно выпроводилъ въ двери. Необходимо выбрать одно изъ двухъ,—земледѣліе или приноситъ абсолютный излишекъ продукта, или не приноситъ его. Въ первомъ случаѣ мы возвращаемся вспять, къ блаженной памяти физіократамъ, которые ошибочно учили, что производительно одно только земледѣліе. Во второмъ случаѣ, волей неволей, намъ приходится обратиться къ Рикардо, который основательно училъ, что поземельная рента, какъ *особая* отрасль дохода, есть просто разность между продуктомъ одинаковаго капитала и труда, затраченныхъ или послѣдовательно на одномъ и томъ же участкѣ, или на отдѣльныхъ участкахъ различнаго плодородія и разстоянія, и, слѣдовательно, является чисто *относительнымъ* излиш-

комъ. Другой альтернативы вопросъ о поземельной рентѣ, какъ особой отрасли дохода, имѣющей и особыя отъ прочихъ причины происхожденія и роста, не представляетъ никакой Не говоримъ уже о томъ, что, допуская возможность существованія въ земледѣліи *даровато* матеріала, который однако *покупается* мануфактуристомъ, Родбертусъ погрѣшаетъ противъ закона мѣновой цѣнности, признаваемаго въ другомъ мѣстѣ имъ самимъ. Законъ этотъ повелительно гласитъ, что въ обмѣнъ могутъ поступать лишь такіе предметы, которые стоили труда, между тѣмъ какъ въ случаѣ, указанномъ нашимъ авторомъ, мануфактуристъ платилъ бы землевладѣльцу деньги за ничего не стоющій предметъ Такимъ образомъ мы приходимъ къ результату, что если въ земледѣліи даровато матеріала не существуетъ, а всякій продуктъ его, безъ исключенія, подобно индустріальному, стоитъ труда, то въ немъ не существуетъ и поземельной ренты въ томъ видѣ, какъ представлялъ ее себѣ Родбертусъ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ самою теоріею падаютъ и тѣ логическія заключенія, какія сдѣланы изъ нея Родбертусомъ.

Главное возраженіе Родбертуса противъ теоріи ренты Рикардо направлено, какъ мы видѣли, на тотъ ея пунктъ, что рента составляетъ разность между продуктами участковъ различнаго плодородія и разстоянія, и что, говоря о рентѣ, Рикардо выяснилъ въ сущности происхожденіе не ренты вообще, а *большей* ренты. Въ опроверженіе перваго положенія Рикардо, Родбертусъ выставляетъ тотъ аргументъ, что при этомъ всегда нужно предполагать различное плодородіе при равномъ разстояніи и равное при различномъ, чего въ дѣйствительности почти не бываетъ Но если бы и въ самомъ дѣлѣ различное плодородіе и различное разстояніе нейтрализировали одно другое въ такомъ объемѣ и такъ часто, какъ думаетъ Родбертусъ, то развѣ это могло бы въ самой даже отдаленной степени спо-

собствовать опроверженію теоріи ренты Рикардо? Нисколько; оно показывало бы только то, что двѣ разныя экономическія силы, дѣйствующія въ противоположномъ направленіи, при ихъ взаимномъ столкновеніи, уравновѣсили одна другую, и столь же мало нарушало бы значеніе плодородія и разстоянія, какъ и случай равновѣсія физическихъ силъ нарушаетъ законы ихъ движенія. Сверхъ того, дѣйствительность вовсе не оправдываетъ того предположенія, чтобы плодородіе и разстояніе парализировали одно другое въ такой степени, какъ полагаетъ авторъ. Достаточно напомнить читателю находящійся у всѣхъ на глазахъ фактъ уменьшенія англійской поземельной ренты, благодаря соперничеству бо̀льшаго *плодородія* американской дѣвственной почвы, которое въ послѣдніе годы, повидимому, преодолѣло разстояніе и обѣщаетъ въ будущемъ преодолѣть его еще болѣе. Другой фактъ такого же значенія представляетъ гигантское возрастаніе поземельной ренты въ большихъ городахъ и особенно на ихъ центральныхъ улицахъ. По какой причинѣ происходитъ такое возрастаніе? Потому, что пространство земли, состоящее подъ городами и центральными ихъ улицами, по мѣрѣ увеличенія городскаго населенія, находится на все болѣе и болѣе близкомъ *разстояніи* отъ потребителей. Никакое бо̀льшее плодородіе окружающей городъ почвы не въ состояніи устранить дѣйствіе этого факта, такъ что остается придти къ выводу, что и разстояніе далеко не всегда парализируется плодородіемъ. Родбертусъ далѣе высказываетъ мнѣніе, что Рикардо выяснилъ источникъ происхожденія не ренты вообще, а бо̀льшей ренты. Съ этимъ мы также не можемъ согласиться. Рикардо подъ рентою разумѣетъ разность между продуктами двухъ или болѣе участковъ, но эта разность является не бо̀льшей рентой (которая предполагаетъ меньшую), а просто рентой, т.-е. не сравнительной, а положительной величиной. Приведенное замѣчаніе Родбертуса было бы

правильно только въ томъ случаѣ, если бы, по мнѣнію Рикардо, рента приносилась также и участками самой низкой степени плодородія и была бы меньшею рентою. Но послѣднее обстоятельство ошибочно признается самимъ Родбертусомъ, а не Рикардо.

Таковы возраженія Родбертуса на теорію ренты Рикардо, которыхъ нельзя признать вѣрными. Но мы были бы несправедливы къ автору, если бы не указали на то, что другія его соображенія, относящіяся ко времени возникновенія ренты въ исторіи общества и особенно къ возрастанію цѣнъ на хлѣбъ, въ связи съ закономъ народонаселенія, отличаются подчасъ большою глубиною и проницательностью. Такъ, наприм., нельзя не согласиться съ взглядомъ автора, что земледѣліе въ своемъ переходѣ съ однихъ участковъ на другіе не могло въ дѣйствительности всегда слѣдовать въ томъ порядкѣ, какой признается Рикардо. Правда, самой сущности теоріи послѣдняго это возраженіе не касается, такъ какъ разность между продуктомъ участковъ различнаго плодородія и разстоянія все равно представляетъ безспорный фактъ, — въ какомъ бы порядкѣ ни происходилъ переходъ земледѣлія, — отъ болѣе-ли плодородныхъ земель къ менѣе плодороднымъ, или, наоборотъ, отъ послѣднихъ къ первымъ. Тѣмъ не менѣе, совершенно справедливо, что въ исторіи нельзя найти всеобщаго подтвержденія того именно порядка занятія земель, о которомъ говоритъ Рикардо.

Еще бо̀льшею солидностью отличается та часть ученія Родбертуса, въ которой, на основаніи данныхъ сельско-хозяйственныхъ, историческихъ и статистическихъ, онъ дѣлаетъ попытку опровергнуть фактъ вздорожанія сырыхъ продуктовъ, въ связи съ закономъ народонаселенія и съ соотвѣтствующимъ повышеніемъ ренты. Относящаяся къ этому предмету часть теоріи ренты Рикардо, основанная на ученіи Мальтуса о народонаселеніи, болѣе всѣхъ другихъ открыта для нападеній, и, чтобы придти къ заключенію, что дѣйстви-

тельная (а не денежная) цѣнность сырыхъ продуктовъ въ новѣйшее время испытала сравнительное повышеніе, необходимо отказать во всякомъ практическомъ значеніи усовершенствованнымъ системамъ земледѣлія и вновь открытымъ рынкамъ, доставляющимъ сырые продукты по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Впрочемъ и самъ Рикардо не совсѣмъ закрывалъ глаза на вѣроятность прогресса въ земледѣліи и на возможныя послѣдствія его, только отрицалъ за всѣмъ этимъ постоянное и прочное значеніе. „Причины", говоритъ онъ [10]), „оказывающія препятствія пріобрѣтенію добавочнаго количества хлѣба (т.-е. возрастаніе народонаселенія), *находятся* въ передовыхъ странахъ въ *постоянномъ дѣйствіи*, между тѣмъ какъ значительныя улучшенія въ земледѣліи или въ хозяйственныхъ орудіяхъ *случаются менѣе часто*. Если бы обѣ эти противоположныя причины дѣйствовали съ одинаковою силою, то цѣна хлѣба подвергалась бы однимъ лишь случайнымъ колебаніямъ, происходящимъ вслѣдствіе неурожаевъ, бо̀льшаго или мѐньшаго повышенія заработной платы, или измѣненія въ цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ, благодаря ихъ изобилію или скудости". Въ томъ-то и дѣло, что введеніе улучшеній въ земледѣліе давно уже перестало являться случайнымъ только фактомъ, а представляетъ гораздо болѣе постоянное явленіе общественно-экономическаго прогресса, чѣмъ такое возрастаніе народонаселенія, которое сдѣлало бы затруднительнымъ пріобрѣтеніе добавочнаго количества пищи.

Разборъ ученія Родбертуса о рентѣ приводитъ къ окончанію нашъ трудъ. Скажемъ въ заключеніе, что въ лицѣ Родбертуса читатель имѣетъ дѣло съ авторомъ, представляющимъ довольно рѣдкое сочетаніе замѣчательнаго дара мышленія съ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ. Если прибавить къ этому не

[10]) Woras, 377, примѣч.

менѣе рѣдкое научное безпристрастіе автора, то всего этого будетъ за глаза достаточно, чтобы отвести Родбертусу одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду экономистовъ, въ которомъ такъ долго и такъ неосновательно отказывали ему товарищи, пользующіеся въ сущности гораздо менѣе заслуженной ученой репутаціей.

Николай Зиберъ.